

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Тамбовский
АЛЬМАНАХ

№ 26

ТАМБОВ • 2023

УДК 821.161.1
ББК 84 (2=411.2)я4
Т17

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ № 26

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России
Издаётся с 2005 года

Главный редактор

Мещеряков Ю.А. (Тамбов), секретарь Союза писателей России,
председатель правления Тамбовского регионального отделения.

Редакционная коллегия

- Алёшин О.В. (Тамбов), член Союза писателей России,
главный редактор «Рассказ-газеты».
- Аршанский В.С. (Мичуринск), член Союза писателей России, заслуженный
работник культуры РФ, почётный гражданин Тамбовской области,
- Бережной С.А. (Белгород), секретарь Союза писателей России,
главный редактор альманаха «Пересвет».
- Беридзе Ю.В. (Москва), член Союза писателей России,
главный редактор газеты «Российская кооперация».
- Дорожкина В.Т. (Тамбов), член Союза писателей России,
заслуженный работник культуры РФ, почётный профессор ТГУ
имени Г.Р. Державина, почётный гражданин города Тамбова.
- Желтова Н.Ю. (Тамбов), литературовед, доктор филологических наук,
профессор.
- Знобищева М.И. (Тамбов), член Союза писателей России, литературовед,
кандидат филологических наук.
- Иванов Г.В. (Москва), первый секретарь правления Союза писателей России,
председатель исполкома Международной литературной премии
имени Сергея Есенина.
- Кочуков С.К. (Тамбов), член Союза писателей России,
почётный гражданин Тамбовского района.
- Курбатова Т.Л. (Тамбов), член Союза писателей России,
руководитель литературного объединения «Радуга».
- Луканкина Е.Л. (Тамбов), член Союза писателей России.
- Лютый В.Д. (Воронеж), член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Подъём».
- Николаева А.Н. (Тамбов), член Союза писателей России, кандидат исторических наук.
- Пешкова С.Н. (Липецк), член Союза писателей России, руководитель
Липецкого регионального отделения СМЛ.
- Пронина Л.А. (Тамбов), доктор философских наук, профессор, директор
Тамбовской областной универсальной научной библиотеки
имени А.С. Пушкина.

ISBN 978-5-6051130-2-7

© СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
Тамбовское отделение

Зоя

*Зоя Космодемьянская родилась на Тамбовщине.
Памятник Зое стоит в центре города,
у ног её всегда цветы*

Что такое подвиг?
Прощанье или встреча?
Что такое подвиг?
Секунда или вечность?
Шла она неслышно
От школьного порога,
Уходила девочка
        в бессмертную дорогу.
Зимы пройдут, вёсны пройдут –
Дорога не кончится эта.
Лунного,
        зимнего,
        красного цвета –
Дорога не кончится эта...
А слова в тетрадках
В линейчку косую
По спине, по сердцу
Плетью полосуют.
Красно бились банты
У школьного порога.
Алая, как лента, –
В бессмертие дорога...
Закричать бы надо
Те слова, что знают.
Знак-вопрос петлёю
Под метелью ладится.
Точки, запятые –
У школьного порога.
Крики, восклицания –
В бессмертие дорога.
Кто придумал петли
Высоко над бедами,
У снегов России
Над детьми да дедами?..
Улыбнись с портрета
У школьного порога,
Станет белоснежной
В бессмертие дорога.

Майя РУМЯНЦЕВА

Юрий МЕЩЕРЯКОВ

Красные яблоки

Повесть

Пролог

Мокрое предрассветное шоссе стремительно бежало навстречу, укладываясь под колёса старенького, уютного «Ситроена» – такси. Мимо проскальзывали пустынные обочины, ирригационные каналы, оливковые рощи с пожелтевшими листьями, предместья с однотипными домами песчаных оттенков. Сквозь утреннюю мглу доносилось щебетание птиц, чей день начинался намного раньше. В приоткрытое окно «Ситроена» бонусом водителю и его гостю врвалась освежающая прохлада.

Ночной рейс Аэрофлота прибыл из Москвы в Хайфу по расписанию. Удобно, можно сразу же, не расслабляясь, приступить к делам, не тянуть время в отеле, ожидая приёма у главного врача клиники или у директора. Перетокин приехал работать, а не открывать заново Палестину, да и лишних денег на прозябание в отеле или на осмотр местных достопримечательностей у него не было. Их ещё надо было заработать. Лишь ненадолго земля обетованная отвлекла его от мыслей о карьере. Сначала контракт!

Перетокин делал рассылки в клиники Германии, Швейцарии, Израиля... У него опыт, практика, а это самое ценное, что есть у хирурга. Более того, опыт – бесценен. Нужно уметь подать себя, шанс есть у всех. В медицине даже знание языка, на котором предстоит общаться, и то на втором-третьем плане. Ну а в латыни, особенно по части терминологии и крылатых выражений, он с самими римлянами поспорил бы. *Vini. Vidi. Vici.* Он уверен, что это про него: пришёл, увидел, победил. Честолюбие, когда тебе за сорок, зашкаливает, уже пора чего-то добиться в профессии, в жизни. Его шанс был высок. И всё же в Германии и Швейцарии попросили знание немецкого языка, может, там и другие причины были?

«Деньги? А что деньги? – Перетокин мысленно перешёл к главному, что иногда смущало. – Кто сказал, что иметь большие деньги неприлично, унижительно? Труд должен быть оплачен, труд хирурга (!) тем более должен быть оплачен. Человек ценит своё здоровье, он готов благодарить того, кто ему поможет. Я могу. Как это внушительно звучит. Я могу! Пожалуй, Бог не всё может, до него не достучишься. А тут заплатил – и достучался. Есть в этом некий элемент естественного отбора, так что старик Дарвин в чём-то и прав, как бы ни гнобили его добродетельные христиане...»

Говорили, приезжать не обязательно. Расходы и прочее. Достаточно досье. Лукавили, получится, как с той же Германией, стоит только понадеяться, что дело сделано. Нет, личный контакт, обаяние иногда имеют решающее значение. Обаяние – это и есть его конёк. Проверено, в основном проверено на женщинах, и всё же он знал, что разные там флюиды лучше, чем сухие письма. Чисто русский подход, и он его ещё не подводил, но и в Израиле, читай, на Западе он никогда прежде не был.

Мысль невольно скользнула во вчерашний день. Богодухов... Эта жуткая привычка держаться родных пенатов. Дескать, где родился, там и пригодился. Провинция, она и есть провинция, откуда как из камышей можно наблюдать широкий синий простор, искрящуюся волну, белых кричащих чаек, скользящих крылом и легко взмывающих ввысь. Вот разбогатею основательно, вернусь, построю в Богодухове свою клинику...

Мечта схлопнулась, как мыльный пузырь, и снова вернула его на шоссе в Хайфу.

1.

Мария Ивановна умела терпеть боль, она была из тех русских женщин, которые и в горящую избу войдут, и коня на скаку остановят, был бы в этом хотя бы какой прок. А что сама при этом могла бы пострадать, так на всё Божья воля. На самом деле о Боге она не думала, но как же ей поступить по-другому, если вдруг окажется, что в эту треклятую избу войти больше некому, а там гибнет кто-то. Ведь сердце кровью изойдёт. Ну а конь... Коней сейчас не густо.

Бог как оправдание появлялся позже, ближе к утру, когда в полусне-полудрёме надо было объяснить себе, как же всё это с ней происходит. Спасла кого? Ну и ладно, ну и хорошо, что спасла. Мужика пьяного? Так ведь тоже человек. Замерзал один такой ночью на автобусной остановке, на лавочке. Так ведь не ушла, пока «скорая» не приехала. Другой раз рядом с её домом машина в дерево врезалась, выбежала из дома водителя спасать, лежал тот грудью на руле, сигнализировал что тебе труба иерихонская. Вытащила, оказалось, только сопатку разбил, а вот машина его модная, серебристая сторела через двадцать минут – пожарные не успели приехать.

И надо же, далеко на седьмом десятке с ней самой неловкость приключилась. Болит в левом боку и болит, поджелудочная, что ли? Или что похуже?

Думать об этом не хотелось, надумаешь, накличешь себе беду. А ведь жила, о светлом будущем мечтала, как и все в молодости, и вот к концу жизни, к концу непутёвого двадцатого века, это будущее подступило к ней в виде букета болезней, пачки рецептов в кармане домашнего халата и низкой пенсии в придачу. Нет, старость её не пугала. Как бывший учитель математики, Мария Ивановна точно знала, что и сложение, и вычитание в итоге дают сумму. Сложение лет и вычитание здоровья могут дать только старость, всё логично, всё справедливо, и где-то там маячит неотвратимый конец пути.

Если уж кого она и боялась, так это докторов – много они знают. Скажут правду – страшно станет, лучше б молчали, а если соврут не по злобе, а так, не разобравшись, хоть на край света беги. У них анамнез какой-то, а тут бок болит. Да и слишком деньги они любить стали, больше, чем людей. Может, именно это и пугало её больше всего.

Визит свой к докторам она оттягивала, как могла, пока боль совсем стала невыносимой и не проходящей. Чуть наклонилась – режет под рёбрами, как ножом. Вот и денег собрала в свой старенький дерматиновый кошелек. Ну что, можно идти?

– Помилуй мя, Господи! – перекрестилась она на образа и двинулась в осеннюю сырость. – Спаси и сохрани!

* * *

Небольшая палата в хирургическом отделении, куда поместили Марию Ивановну, показалась ей опрятной – что не отнять, то не отнять – только скучной какой-то, даже радиоточку во время последнего ремонта убрали. Что там слушать? Новости? Только настроение портить. Опять кто-то обанкротился, кому-то зарплату полгода не платят, а тут ещё террористы автобус взорвали. Сволочи, они и есть сволочи, аж зло берёт от их подлости. А у больных должно быть хорошее настроение, чтобы никакого зла, никаких переживаний, чтобы иммунитет повышался, так что обойдутся и без радио.

Первый день она лежала одна, о жизни думала. Тоскливо, даже поговорить не с кем, хотя если думать о жизни, может, и не нужен никто. После обеда наконец-то пришёл лечащий врач.

– Что там у меня, сынок?

– Как у всех, ну почти как у всех – грыжа. Будем оперировать.

– А без операции никак?

– Здравствуйте, само рассосётся, – врач чуть улыбнулся, – да не бойтесь вы. Фигня это всё, раз-два и нет грыжи.

– Ты бы, сынок, мне поподробнее.

– Да что там подробнее. Делаем анестезию – вы отключаетесь, а через час анестезиолог возвращает вас обратно, вы просыпаетесь, как новенькая, и грыжи вашей как не бывало. Как-то так.

– И всё, что ли?

– Вроде того.

– А верить-то тебе можно? Уж больно молод ты.

– Ещё никого не подводил, у кого угодно спросите, – врач произвольно повёл плечами. – Да это простейшая операция, интернам доверяют.

– Кому, кому?

– Ну, начинающим хирургам.

– А-а, понятно, – немного подумав, добавила: – не надо интернов.

– Я так, к слову.

– Так меня-то кто резать будет?

– Я и буду. Меня зовут Анатолий Викторович, – он порозовел лицом от смущения и от непривычки именоваться по отчеству, потому что и сам был только-только из интернов, – меня тут все знают.

Его тут действительно знали все, только звали его в кабинетах и коридорах больницы Толя Счастливый, и это необычное имя давало ему право владеть открытой улыбкой, поднимать настроение коллегам, обещать больным, что всё будет хорошо. Пациенты, они же как дети. На них действует любой ободряющий взгляд, и они верили его улыбке ещё до того, как узнавали, какой он врач. Да, это мотивирует. Как же не оправдать надежд? Не так давно, год назад, он прооперировал мальчика, аппендицит удалил. Операция не весть что, но его пациент, этот мальчик, при послеоперационном обходе вдруг по-взрослому заявил: «Спасибо, доктор, вы спасли мне жизнь, я тоже хочу спасти людей. Хочу стать, как вы, доктором». Взгляд у мальчишки был серьёзный, и, несмотря на его четырнадцать лет, было ощущение, что парнишка готов сделать свой выбор.

Однако, несмотря на искреннюю любовь пациентов, на популярность молодого хирурга, которую впору назвать популизмом, Радимец, его начальник, серьёзную работу ему не доверял, кстати, всё из-за той же улыбки – легкомысленный какой-то. Не дорос, вот пусть аппендициты и удаляет, это его уровень, или вот грыжу, которая в плане операций стоит. Ну а если рассудительно, придёт и его время, наберётся практики, а там... Там видно будет.

Вот и Мария Ивановна с её сентиментальностью попала под обаяние Толи Счастливого, который годился ей во внуки. О, эта смена поколений. Как смена эпох. Когда себе самому верить можно ли? Но этот молодой врач хотя бы не врёт, не научился ещё, стесняется своего высокого звания. Но руки-то не дрожат, крепкие, сильные, она заметила, может, и вправду хирург хороший. Пожалеть бы его, поддержать, уж больно он молодой. Да нельзя. Он должен быть уверенным в себе сам безо всяких там сочувствий. Это как независимость. Когда ты сам – сила, и понимаешь, что сила в тебе. И всё же ей надо было задать ему неловкий совсем не медицинский вопрос.

– Доктор, – коротко вздохнув и перейдя на шёпот, спросила Мария Ивановна, – а сколько надо заплатить?

– За что?

– Ну как, за всё, за операцию.

– Это не ко мне, – лечащий врач, то есть Толя Счастливый, опять чуть улыбнулся, на этот раз растерянно, помялся и, поднявшись, направился к другим больным.

«Молодой, как есть, обиделся, – подумала Мария Ивановна, – деньги-то всё равно надо отдать. Может, незаметно в карман положить? Если незаметно, как он узнает, от кого?» Эти мысли занимали Марию Ивановну целый день, так что радиоточка для развлечений ей не требовалась.

Ближе к вечеру зашла медицинская сестра измерить температуру, давление, заодно объяснить новой больной все медицинские тонкости.

– Так, температура у вас нормальная. Давление... Давление немного повышенное, не страшно. Завтра ещё раз проверим. Вечером не ужинать, сходить в туалет. Не получится – сделаем клизму, – добавила она строго.

Мария Ивановна слушала наставления невнимательно, её мучил всё тот же вопрос.

– Сестра, мне у вас спросить надо, – она замялась, – как мне доктору деньги передать за операцию? И сколько? А то я первый раз, не знаю.

– И правильно, что спрашиваете. Пяти тысяч хирургу будет достаточно, и отдельно тысячу анестезиологу.

– Когда отдавать, сейчас?

– Нет, ни в коем случае. Когда вас завтра повезут в операционную, положите деньги под угол матраца. – Встретив удивлённый взгляд пациентки, продолжила: – А как вы себе представляете, на вас же только простыня будет.

– А деньги не пропадут? Я же буду потом под наркозом.

– Вы что? Как они пропадут, здесь честные люди работают. Деньги так и будут лежать на месте, пока операция не закончится. Вот когда анестезиолог вернёт вас обратно, тогда и расчёт. А до этого никто к ним и не прикоснётся.

Скрипнула дверь, впуслав в палату эхо пустого больничного коридора и полноватую немолодую санитарку. Лицо у неё было одутловатое, усталое, или сказать по-другому, недружелюбное, она не поздоровалась, даже не подняла глаз от пола. Медсестра сразу же замолчала и, прикусив губу, быстро вышла из палаты.

– Убежала, паразитка. Небось жаловалась, какая ответственная у неё работа. Или про деньги спрашивала?

– Нет, ничего такого.

– Знаем мы их, думают, они тут главные. Я, чай, не первый год за страдальцами хожу, знаю что почём: кому что принести, из-под кого что отнести, да вот за порядком приглядываю. Порядок, он во всём должен быть.

Шаркая больничными тапками, стуча шваброй по ножкам кроватей, по табуретам, как это делают все санитарки, она тёрла и без того чистые полы. Запахло хлоркой.

– У меня тут из форточки дует. Можно её совсем закрыть?

– Вот кому деньги даёте, пусть и закрывают, а я вот полы мою, – она на мгновение подняла глаза на больную и снова уткнулась ими в мокрый пол, продолжая бубнить себе под нос что-то в том же духе. Ещё пару раз махнув шваброй, она обличительно вздохнула и, переваливаясь, как гусыня, пошла к двери.

– Ладно, попробую сама.

Забравшись коленями на широкий подоконник, Мария Ивановна протянула руку к форточке, в которую с порывами ветра заглядывал октябрь, но тут

же ощутила острую боль в верхней части брюшины, опёрлась ладонями о холодное стекло и непроизвольно всхлипнула, едва не заплакав. «За что же они так со мной? Мне тяжело. Я же лечиться пришла...»

* * *

На другой день у Марии Ивановны появилась соседка. Её почти внесли на руках двое молодых людей в белых халатах, наверное, санитары, сама она передвигалась с трудом, а может, и не могла вовсе, настолько безвольно повисла её левая рука, когда соседку уложили на больничную койку.

– Как звать-то тебя, сердешная?

– Галей меня зовут, – выдохнула она из себя.

Больная была худа до какого-то предела, до отречения, и застиранная серая сорочка, в которую её обрядили в приёмном покое, только подчёркивала её угловатую, нескладную фигуру.

– О-ох, – она простонала, опрокидывая лицо с открытыми глазами, – зачем всё?

– Что с тобой, Галечка?

– Да кто ж знает? – она попыталась улыбнуться. – Устала я.

2.

– Иван Михайлович, я не буду делать эту операцию...

– Ну-ну, коллега! Не так категорично.

– А как? Зарезать пациента? Это у вас полный набор летальных исходов на все случаи жизни, хм, то есть смерти, – коллега мрачно скривил лицо. – У меня же пока ещё чистая биография, без пятен.

– Ага, стерильная. Это временно, коллега, временно, всё пройдёт, и это пройдёт. Нашёл, чем гордиться, и вообще, не о том думаешь.

Начальник хирургического отделения Иван Михайлович Радимец, человек с большим опытом, проработавший со скальпелем в руках более сорока лет, много чего насмотрелся за эти годы. Через многие испытания прошёл и смотрел на жизнь как на процесс, который рано или поздно закончится. Можно только оттянуть эту кончину. А спасти? Это духовная инстанция, это к Богу. А Господь, он ведь не сообщает, какой у него план на очередного бедолагу, лежащего на операционном столе. Может быть, поэтому Радимец брался за безнадежные случаи, когда другие коллеги в смущении отступали в сторону. Особенно он был убедителен после ста граммов спирта, которые ему ввиду особого уважения иногда выделяла начальник аптеки. Каким-то образом Радимец всегда умел доносить своё видение этого процесса до начальников, и те, глядя на его жилистые руки, соглашались, а ведь могли бы просто уволить. Наверное, не могли. Даже последний заскорузлый чиновник понимал, случись что с ним самим, кто его начальственное тело резать и штопать будет, кто не даст душе осиротеть? Кто рискнёт в тяжёлую минуту?

– Итак, что мы имеем? Язва желудка в запущенном состоянии, подозреваем – прободная. Организм изношен, как половая тряпка. Иммуитет крайне ослаблен. Интереснейший экземпляр! – Непроизвольно воскликнул Радимец, подбадривая и себя и ведущего хирурга больницы Перетокина, для которого этот экземпляр был скорее ужасающим. – А, что скажешь? *Per aspera ad astra*. Тот самый случай, через тернии к звёздам.

По правде говоря, старый хирург понимал, что он сам эту операцию выполнить не сможет, не потянет, не осилит. Помимо точного диагноза, помимо большого опыта и профессионального чутья нужна была точная, считай, филигранная и притом многочасовая работа в операционном поле, там, где всё решает скальпель. И он знал, кто это сделает. Нужно только, чтобы этот человек поверил в результат.

– А кто она? – спохватившись, спросил Перетокин.

– Кто, кто, есть разница? Таких, как она, по стране, эх... – Радимец прервал себя, неопределённо взмахнул рукой. – Техничка она из дома культуры, если интересно. Одни приходят туда смотреть боевики и семечки лузгать, другие убирают за этими крестинами мусор и делают наш мир чище. Считай, что она главный эколог. Ну, а её диагноз – это вызов для хирурга, для его честолюбия, если угодно.

– Она же как-то довела себя до такого состояния. У неё органы на УЗИ не просматриваются, они деформированы, сморщены – в общем, дистрофия, – Перетокин пытался сгустить краски, заранее предвидя исход и обвиняя в нём саму пациентку.

– Ну, довела, можно и так сказать, дефицит веса налицо. Думаю, она просто долго голодала, – на этом слове он ненадолго умолк. – Сначала её надо откормить хорошенько. Дня три, а там, глядишь, и разберёмся.

– Что там разбираться? Я вам точно говорю: вскроем полость, а там ещё проблемы будут. И сердце. Сердце слабое, может не выдержать.

– Пётр Алексеевич, у тебя что? Мандраж? Ты же профессионал, я тебя не узнаю. – Ехидная улыбка красовалась на лице Радимца. – Соберём консилиум, обсудим, а пока – наблюдение, капельница и питание. Работаем, коллега, работаем.

* * *

Горизонт, открывавшийся вдаль, был неопишимо красив, воздушен, он плыл в потоках дрожащего воздуха, а там, где по линии синих гор прошёл дождь, светился, дышал пронзительной, глубинной чистотой. «Как прекрасен этот мир», – мягко звучало в голове, губы трогала улыбка – да, как прекрасен этот мир... Ребёнок, первоклассник, у школьной доски старательно выводил: $2 + 2 = 4$, а в приоткрытую дверь класса настойчиво врывался ветер, листая ученические тетради, классный журнал. Закрывать дверь не получалось, и оглянувшись, чтобы позвать на помощь, она увидела, что первоклассник уже стал студентом, а вся доска исписана алгебраическими формулами, значения которых она не знала...

Вернувшись, наконец, вечером домой, она открыла свой старый, почти пустой холодильник «Тамбов», там стояли две бутылки густого, пахучего подсолнечного масла, она поставила ещё две, что купила по талонам в соседнем магазине, и невольно подумала: $2 + 2 = 4$. Ответ правильный. Она успокоилась, и её губы снова тронула улыбка... За окном, во дворе, что-то ярко вспыхнуло, потом ещё раз, ещё, она приоткрыла штору и увидела, как вечерний жёлто-розовый горизонт затягивают свинцовые тучи, из которых по двору, по склонам далёких южных гор бьют ветвистые ослепительные молнии так, что вздрагивает и небесный окоём, и пол в квартире.

Мария Ивановна пришла в себя от того, что её били по щекам, сильно били, так что голова моталась слева-направо и обратно. Наконец, она медленно приподняла веки, мутный взгляд выхватывал из пелены нечёткие белые очертания людей, свет множества операционных ламп. Очертания становились чётче, свет жгучим. Из ниоткуда вернулся хлористый больничный запах.

– Что со мной? – произнесла она по слогам.

– Всё, она вернулась! – радостно воскликнула анестезиолог. – Мария Ивановна, вы меня слышите?

– Да... Я... Слышу.

– Вам сделали операцию, с вами всё в порядке. – И, уже обращаясь к хирургу и операционной сестре, демонстративно отряхивая руки: – Коллеги, моя работа закончена, дальше без меня.

– Мария Ивановна, операция прошла хорошо, – подтвердил хирург Толя Счастливый, – без осложнений. Вас отвезут в палату, вам надо восстановиться, выспаться. В вестибюле вас ждёт дочь, приехала из Москвы. Знаете уже, нет?

– Да... Теперь знаю... Хорошо... Спасибо... Вам... Анатолий... Викторovich.

Молодой хирург смутился от неожиданной благодарности. И поскольку пациент помнит его имя-отчество, значит, с пациентом всё в порядке.

В коридоре к каталке быстро подошла её дочь Елена.

– Мама, мамуля, как ты? Что с тобой стряслось-то?

– Доча! Ты приехала, – она вяло улыбалась и была счастлива, что в час её возвращения из чёрных миров рядом была родная душа.

– Да здесь я, здесь. Где же мне быть? Как позвонили, так и приехала.

– Посмотри, не забыла медсестра деньги забрать? Я их под матрац положила.

Медсестра, толкавшая каталку, снисходительно улыбнулась:

– Не переживайте, всё в порядке, у нас никто ничего не забывает.

* * *

Дети стояли с опущенными головами. Они были напуганы. Завтра у матери операция, завтра они могут остаться сиротами, и это чуждое унижительное слово никак не уживалось с их подростковой заносчивостью, отторгалось самой мыслью о завтрашнем дне. Сирота – это вроде как брошенный, убогий, которого надо жалеть... Ага, или пинать – заступиться-то некому.

Дети городской окраины, как иногда насмешливо называли их соседи, настороженно оглядывали пустые белые стены, больничную палату, в которой не было ничего лишнего, даже пучка сухих цветов, что связывало бы её с внешним миром, с той золотой осенью, что буйствовала сейчас за окном. Мария Ивановна коротко, чтобы не смущать, взглянула на них: небрежно одетые, взлохмаченные, но чистые – как-то сразу отметила она, хотя обломанные ногти никуда не спрячешь.

– Что я могла для вас сделать, я сделала, – тяжело промолвила Галя. – Вы у меня взрослые. Почти. Данька, сестру в обиду не давай, тебе уже шестнадцать, большой стал. И ты, Аня, будь построже, за собой следи, да и за оболтусом этим, чтоб хоть кашу какую ел. Все документы, всё, что касается вас, всё по квартире в шкафу найдёте, в обувной коробке. Аня, если что, у тётки Веры, у соседки, спросишь, она поможет.

Это было завещание, и они почувствовали это. Её глаза повлажнели, прорвалось всё-таки, хотя она совсем не ожидала, что у неё оставались силы на чувства.

– Эх, непутёвая я у вас мать...

Данька, обычный пацан с обычным криминальным будущим, волчонок, который с молоком матери усвоил, что выживает только сильный. И если есть в его лесу нагулявшие жирок бараны и овцы, то у него уже подросли молодые клыки. И вот – мать умирает. Она ещё не успела ему сказать, что жирных баранов стерегут сытые, сильные волкодавы – так устроен мир: всё поделено, всё расписано и всё имеет свою цену. Как же волчонок будет без матери-волчицы, щенку ещё надо выжить.

Впервые он посмотрел в глаза матери, как взрослый, и оказалось, что она совсем не волчица, а простая техничка из соседнего дома культуры с виноватыми большими глазами, и если что она делала добросовестно день за днём, всю жизнь, так прикрывала своих детёнышей худым телом от страхов этого мира, этого дремучего леса. Дальше надо будет стремительно взрослеть, но даже простейшая вещь – оплатить коммуналку – им не по силам, они даже не знают, где та касса, куда нести деньги, а двухкомнатная хрущёвка с вечно хлопающей дверью в подъезде быстро станет заброшенным логовом. А ведь хочется пожить красиво, так чтобы пальмы над головой, яхта у причала, как на том календаре над кроватью, пышные мулатки в бикини... Мама! Не умирай! Глаза брызнули искрами, похожими на слёзы. Не нужны нам пальмы! Мы с сестрой о тебе заботиться будем.

Малые дети не знают, что такое смерть, они её не боятся. Молодые думают, что знают, и даже хотят проверить, есть ли она? В их возрасте не верят на слово. И рискуют, даже не попрощавшись с близкими, не попросив прощения. Не верят, потому что смерть – это с кем-то другим. Конечно, с кем-то другим – ты даже не узнаешь, когда это случится с тобой.

И только взрослые люди знают, что смерть неизбежна. Документы держат в одном месте. Уходя из дома, всё приводят в порядок. Следят, чтобы не было долгов. Смотрят в стареющее зеркало с надеждой, что оно врёт. А когда созваниваются с друзьями, кладут трубку с мыслью: а вдруг в последний раз?

Но когда приходит время класть цветы на свежий холм земли, больше всего за тех, кто ничего не знал и, значит, не мог спастись.

Галя вяло повернула голову, попыталась улыбнуться.

– Хорошие вы мои...

На большее сил не хватило. Чтобы соврать, тоже силы нужны, и поэтому обманные слова, что она обязательно поправится, что они заживут по-другому, так и не слетели с её губ. Она не верила в то, что всё будет хорошо. В сухих глазах отражалась боль, с которой она сжилась за последние недели, в складках морщин – сожаление, что она теперь ничем не сможет помочь своим детям. Она молча просила у них прощения. Дочь опустила на колени рядом с кроватью, положила голову на одеяло, ощущая нехватку ласки и неминуемость утраты. Её глаза блестели. Сын всё так же стоял рядом, тиская в руках кепку, сжимая кулаки, в полной готовности к своей новой сиротской жизни.

Помявшись ещё некоторое время, не зная, что сказать, что сделать, неловко оглядываясь, дети ушли.

Мария Ивановна почти всё время томительного разговора лежала, отвернувшись к стене. Разумеется, она всё слышала и даже ощущала тяжёлую атмосферу, наполнившую больничную палату.

– Галь, – наконец, она повернулась к соседке, – а ты что, помирать собралась?

– Нет, не собралась, только, видно, придётся. Хорошо, хоть не дома.

– Если ты себя так настроишь, пиши пропало. Сама будешь виновата. Так же нельзя! Дети у тебя! Пропадут ведь.

– Богу с неба видней.

– Родственники у тебя есть? Есть кому о тебе похлопотать?

– Нет у меня родственников. Никому я не нужна.

– Вот дура-то. Да детям ты нужна!

– Это да, а так что хлопотать? Денег у меня всё равно нет, да и не было никогда. А кто без денег возиться со мной будет? Всё одно к одному, и дорога у меня одна осталась. Последняя.

– При чём здесь деньги?

– Как же, сама рассказывала, как тебя вчера резали, как деньги давала.

Марии Ивановне стало стыдно и за деньги – но это же благодарность, Бог всё видит, так все делают – и за свою неловкую болтовню на радостях, когда её привезли в палату. Вот же язык, как помело. А ведь поддержать хотела Галю-то, мол, вот как операции проходят, верить надо.

– Прости меня, старую, совсем из ума выжила. Я не то хотела сказать. Жизнь, она ведь дороже денег.

– И моя жизнь? – Лицо Гали исказила нехорошая гримаса.

– И твоя. Ты вот когда последний раз кашу с маслом ела? Не вспомнишь поди, а здесь дают, и котлетки паровые дают, и витамины три раза в день. Это чтобы ты сил набралась, окрепла.

– И на том спасибо, – она тихо прошептала сама себе, – а потом всё равно зарежут.

В ординаторской, вечером, когда закончились все плановые операции, собрались хирурги отделения. Собрались на консилиум.

– Что ж, коллеги, завтра у нас чрезвычайная операция. Дальше тянуть нельзя, большой риск, у пациента возможно прободение язвы, и не одной, дальше сепсис. Какие мнения?

Он посмотрел на Перетокина и Счастливого, те непроизвольно пожали плечами, не торопясь высказываться. Действительно, мнений может быть только два: либо делаем, либо нет. *Tertium non datur*: третьего не дано. Но не делать они не могли, клятва Гиппократата, конечно, не юридическая норма, и всё же обязывала.

– Ну, раз так, обсудим план операции. Оперируем втроём под руководством Петра Алексеевича, а мы с тобой, Толя, – ассистенты...

– Так вы, Иван Михайлович, предпочитаете остаться в тени чужой славы, – Перетокин явно иронизировал.

– Нам надо избежать летального исхода, – сухо возразил Радимец, – а славу, да, всю славу заберёшь себе. Толя Счастливый, ты не возражаешь?

– Что уж там, мой голос – последний. Все фанфары – гению хирургии Петру Алексеевичу!

– И смеяться будем и шампанское выпьем – сами знаете когда. Не хочу читать вам лекции по психологии, но нам предстоит тяжёлая многочасовая работа. Надо собраться. Как ни банально, будем спасать.

Радимец, пожилой человек, от слова «пожил», своих вершин уже достиг и начал медленный спуск с этих вершин. Были и ошибки, без них никак, они уберегли от цинизма. Скольких спас? Обычно в ответ он поднимает брови, глаза, смотрит в потолок, дескать, одному Богу известно.

– Иван Михайлович, спасать – это призвание? – Толя Счастливый улыбался, но как-то странно, одними губами, и вопрос, по-видимому, задавал себе.

– Бросьте, коллега, это тяжёлый труд. Я как-то прочитал у Булгакова «Полотенце с петухами». Вот это и есть труд, толково изложил Михаил Афанасьевич. И вы почитайте. Полезно будет. Призвание... Страх остановиться – вот и всё призвание. Пока режешь да штопаешь – бережешь шанс. Известно какой – на жизнь. Остановишься, выронишь из рук – разбился, как хрустальный сосуд. Ну, так что? Будем бить сосуды?

– Иван Михайлович, а вы мне доверяете?

– Тебе? – Радимец внимательно посмотрел на молодого коллегу, как будто видел впервые, и почему-то не к месту подумал, что именно Толя Счастливый в своё время сменит его на посту начальника отделения.

Кто-нибудь думал в юности, что делать, когда закончишь школу, ну чтобы так, по-настоящему? Ответ вроде бы на поверхности, все думают, сосредоточенно морщат лбы. Надо же о чём-то думать, если время пришло, но как показывает жизнь, обычно думают родители. Вот, вырастили лоботряса. Что теперь с ним делать, если, кроме Любки Сверчковой, одноклассницы, он ни о ком и ни о чём и думать не хочет. Та ещё вертихвостка, глазастенькая, но ведь школу хорошо

закончила, чуть до золотой медали недобрала. А Люба поступала на медицинский. Вот тебе и судьба. Что станется с этой Любой, ещё большой вопрос, а Толя сказал, что будет хирургом, а это круче, чем терапевт, на которого собралась учиться его пассия. Хирург, он ведь как разведчик, идёт за линию жизни, как за линию фронта или наоборот. Он должен доказать, что он может, что он сильный. Да и вообще классный парень. А «сверчок» никуда не денется перед его талантом. После третьего курса Люба ушла из института за профнепригодностью. Крови, что ли, боялась, но это можно было и раньше узнать. Как говорили друзья, появился у неё воздыхатель, пилот гражданской авиации, вот попробуй такого переплюнь. Обиделся Толя, а кто бы не обиделся, он за неё всё на кон поставил – судьбу – в хирурги пошёл, а она... Да кто этих девчонок поймёт? Ладно, он тоже станет пилотом в своём медицинском деле, он покажет, что такое высший пилотаж, а она, понятное дело, пожалеет, что выбрала не того парня....

– Тебе – доверяю, – твёрдо сказал Радимец, – вот и покажешь, не ошибся ли я.

Странным образом Перетокин принял эту фразу на свой счёт, только с обратным смыслом, как будто в ней был скрыт упрёк лично ему. У него были золотые руки мастера, и никто из знавших его не посчитал бы эту метафору пустой. За его спиной были сотни успешно проведённых операций, а с ними премии, почёт, слава. Но премии были невелики, почёт ограничивался сообществом жителей города Богодухова и окрестностей, а слава – двумя публикациями в международных медицинских журналах. Но чего не было в его жизни – вот этого доверия, высказанного вслух.

Перетокин вёл свой собственный учёт проведенных операций (конечно, кроме малозначительных), он отмечал их особенности, осложнения, риски, всё то, что всегда и везде называется форс-мажором. Именно они дают рядовому хирургу имя и рост в профессии, если всё заканчивается благополучно, а для него как ведущего хирурга – и большую базу для научных исследований. Он называл его журналом учёта «крестников», где самые «дорогие» «крестники» были записаны с номерами домашних и служебных телефонов, а с недавних пор – и мобильных. С ними он поддерживал связь, звонил иногда. Как самочувствие? Старые шрамы затянулись, не беспокоят? Он точно знал, что они обязаны ему, как минимум, здоровьем и благополучием, а некоторые – жизнью, именно жизнью безо всяких условностей. Такие связи не бывают лишними. Те же бывшие пациенты звонили ему для консультации, хотя могли бы позвать участкового терапевта. Связи – они как дорога с двусторонним движением.

Консилиум закончился. Определились с тактикой операции, но что самое главное, Радимец заявил, что всю ответственность возьмёт на себя, если исход будет летальным. Толя Счастливым по-юношески протестовал: ответственность надо делить поровну. Перетокин деловито рассматривал затёртый серый линолеум на полу, разминал длинные пальцы с ровными ногтями и молчал.

Выйдя из ординаторской, Толя Счастливым едва не столкнулся с Марией Ивановной, которая, как ему показалось, прислушивалась у приоткрытой двери.

– Вы что здесь? Вам лежать ещё надо.

– Нет-нет, Анатолий Викторович, чувствую себя очень даже хорошо, легко. Ничто не давит. Могу даже наклоняться.

– Ну, ну, ни в коем случае, швы, швы могут разойтись. Я же вам говорил, – он даже вздохнул с упрёком.

– Нет, что вы, это я к слову, я за собой слежу. А у меня гостинец для вас, – она торжественно достала из-за спины большое, величиной с крепкий кулак, жигулёвское яблоко и вручила его врачу, – вот! Своё, из сада. Дочь когда приезжала, задержалась на два дня, вот и привезла.

– Вот уж гостинец так гостинец, – Толя Счастливый искренне удивился и, позабыв о строгости, хотел было приобнять Марию Ивановну, но одёрнул себя, она всё же его подопечная.

– Мне спросить надо, – она оглянулась, как будто кто мог подслушать её тайну, и громким шёпотом продолжила: – про Галю, про соседку мою. Помирать собралась, говорит, зарежут.

– Да что вы такое сочиняете, – воскликнул он с досадой, как будто его поймали на неблагоприятном поступке, взял под локоть свою пациентку, – так, давайте, давайте в палату.

– Вы втроём оперировать будете? – не унималась Мария Ивановна.

– Завтра, всё завтра будет понятно. Вытащим мы её, не сомневайтесь.

Она зашла в свою палату, а молодой хирург Толя Счастливый остановился посреди коридора, провёл рукой по глазам:

– Господи, что я делаю? Обещаю сам не знаю что. И никто не знает, что случится завтра. В храм сходить надо.

* * *

– Пётр Алексеевич, задержись, – когда они остались вдвоём, Радимец продолжил: – Какие у тебя дела с Израилем? Что, жена тащит на свою историческую родину?

– Вы уже знаете? Думал позже сказать, когда всё решено будет. Ну, чтобы не сглазить.

– Чтобы не сглазить? Да, это по-русски. Нет, отговаривать не буду, ни в коем случае. Карьера для карьериста – дело святое.

Перетокин чуть вздрогнул от неожиданности и даже покраснел.

– Что не так? Я же правду сказал, – продолжил Радимец. – Мне вот искать нового хирурга после твоего ухода. Такого уровня, как ты, не найду. Это не лесть. А мне на пенсию давно пора. И у меня, как у обычного человека, как у обывателя богодуховского, возникает вопрос: а кто русских людей лечить будет?

– Ну, да, всё внимание исключительно к моей персоне. Кроме меня, лечить некому?

– И то правда, найдутся лекари или, как там, «лепилы», которые диплом в подземном переходе метро купили. У тебя-то советское образование, не то что нынешнее коммерческое, эх... Ладно, ты не обращай на меня внимания, брюзжу я по-стариковски, что мне ещё остаётся. Так что там у тебя?

– Да вот, месяц назад я получил приглашение из Израиля. Клиника Харасса между Хайфой и Тель-Авивом, большой спектр медицинских услуг и моя любимая кардиохирургия. Коллеги заинтересовались одной моей статьёй о новом методе сосудистых операций. Согласитесь, израильская клиника – это не уровень нашей городской больницы. Каждый из нас мечтает о профессиональном росте. Вот, съездил.

Лукавил Петр Алексеевич. Он сам давно интересовался специализированной клиникой в Хайфе, забросал её письмами с предложениями, статьями из наших газет и журналов. Но пока не нашёл в Москве толкача, пока не состоялась эта статья в журнале американской медицинской ассоциации, а потом перепечатка в «Lancet», дело с места не двигалось. Была у него лет десять назад, ещё до Богодухова, крайне сложная операция с летальным исходом. Торопился, пренебрёг пациентом, не тех кровей показался, а когда эта кровь брызнула, ни он, ни операционная сестра остановить её не смогли. Зашаталась тогда карьера, как стул колченогий. Много коньяку он перетаскал главврачу, да и не только коньяку, чтобы из его личного дела, из его послужного списка вымарали эту неприглядную страницу.

– Для этого отпуск по собственному брал? И как там?

– Сразу и не расскажешь. Если сравнивать с нами, – он помялся, – земля и небо. Просторно, светло, операционное, реанимационное оборудование в полном комплекте, возможно, лучшее в мире. Зависть кольнула, было дело. И главврач клиники был любезен, принял сразу, ждать не пришлось. Доктор Шварц...

– Господин Перетокин, Петр Алексеевич! Рады, рады вашему визиту, – доктор Шварц говорил с лёгким местным акцентом, хотя Перетокину казалось, что акцент всё же одесский, – быстро вы, однако.

– Как получил ваше письмо. Так сразу и решил. Оригиналы документов об образовании, рекомендации у меня с собой.

– И от профессора Покровского?

– Да, да. Одно время он был моим наставником.

– Вакансия освобождается через месяц. Есть время. Давайте ваше резюме. Так, на чём специализируетесь?

– Широкий профиль. Сердце, сосуды, внутренние органы, травма... В общем, городская больница. Что вы хотите? Приходится заниматься всем.

– Ага. Скорая помощь.

– Начинал именно на «скорой». С тех пор ничему не удивляюсь.

– А вот у вас запись. Были в командировке в военном госпитале.

– Да, было время, военных врачей катастрофически не хватало. Так что занимался и полевой хирургией.

– У нас другая методика. И клиентура другая. И деньги платят. И военно-полевой подход нас не устраивает.

– Ни в коем случае. Да, да, я знаю. Деликатность. Профессионализм...

Шварц рассмеялся.

– Это где вас научили деликатности?

– Оперировал большого московского полковника с огнестрельным. Был очень благодарен... Но в Москву не взял.

– Где же благодарность?

– Организовал стажировку в Ленинграде. В военно-медицинской академии. Туда все рвутся, ну вы знаете, Мекка медицинская. Я там был рабочим муравьём, а потом вернулся к родному очагу, в мой родной Богодухов.

– Ладно, с профилем определимся. Видел ваши публикации в медицинских журналах. Составите список проведённых операций. Есть летальные исходы?

Перетокин напрягся.

– Нет. То есть нет такого опыта.

– В каком смысле? – Лучше в начале карьеры испытать отрицательный результат, стресс, чем на взлёте, чтобы не стать сбитым лётчиком. Понимаете, преодолеть профессиональную психотравму.

Перетокин спрятал взгляд в пол, невольно подумав о чистке своего личного дела. «Ничего, не помешает. Это на словах у них красиво, глубокомысленно. А что евреи держат в голове и как, это ещё вопрос...»

– Вот вы покинете Россию, родину, как вы адаптируетесь? Это ведь тоже психотравма. Тут даже климат другой. Ну а люди... Вы случаем не ксенофоб?

– Да нет. Не замечал за собой, – Перетокин смутился.

– И хорошо. Национальность клиента не имеет значения. Есть клиент, значит, есть работа. Впрочем, что я объясняю? Азбука. Как-то пришлось членов королевской семьи из Саудовской Аравии лечить. Работа есть работа.

– А сами саудиты? Как они решились?

– У нас одна из лучших клиник, этим всё сказано.

Радимец внимательно выслушал Перетокина.

– Вот и прекрасно! Пока израильские коллеги не изобрели робота-хирурга, делаем операции руками. И не обращаем внимания, что наш пациент не из королевской семьи. Считайте, что у вас госэкзамен в местной медицинской академии. Ставка в данном случае – вакансия хирурга в израильской клинике. Или другая метафора: дембельский аккорд, есть у военных такое испытание.

– Я уже понял, не отвертеться. Но этот ваш прессинг... это как-то непорядочно.

– Что-о? Непорядочно медицину превращать в рынок, непорядочно торговать здоровьем людей. – Радимец знал, что перегибает, но с пафосом его монолог звучал более убедительно.

– Современная медицина – вещь всё же дорогостоящая, – заметил Перетокин.

– И это каким-то удивительным образом согласуется с твоим бесплатным образованием, полученным в Первом медицинском. Конечно, твой талант диагноста, интуиция... Да ладно, Петя, – вдруг изменил тон Радимец, – что я тут перед тобой гоголем выхаживаю – беги, пока есть куда бежать, беги к своим евреям. Карты в руки!

– Скорее, к землякам. Там половина хирургов наши, ещё советской школы.

– А-а... – в сердцах махнул рукой Иван Михайлович, – это те, что раньше сбежали.

– Я на любой аккорд готов... Но это другое... Берёшь марлю, а она в руках расплзается...

– А ты возьми эту марлю и сшей! Клеточку за клеточкой. – Радимец смотрел в глаза младшему коллеге. – Знаешь, что такое обретение силы? Это когда делаешь невозможное. И после тебе уже ничего не страшно. Давай, Петя, всё у тебя получится. А дальше – езжай в свой Израиль, и ветер тебе в паруса! Да, и не забудь проставиться.

4.

Галя обречённо готовилась к операции, а точнее, к её неминуемому исходу. По её лицу было видно, что этого исхода она не боится. Если уж что страшило её, то, как и многих русских людей, это оставить после себя непоплаченные долги. И всё же она была стойким, ни одной плаксивой ноты в голосе, ни одной просьбы... Но эта убеждённость, что она никому не нужна, что с ней всё решено, не давала Марии Ивановне покоя.

– Знаешь, у меня золовка есть, тоже Галя, а мы её по-родственному Галей-хохлушкой зовём. Щи-борщи готовит, пальчики оближешь, а голосистая! Из всей родни одна. А знаешь, какая у неё любимая песня?

– Хм, уже догадалась. «Неся Галя воду...» – Соседка по палате сделала попытку улыбнуться.

– ...коромысло гнётся, а за ней Иванко, як барвинок вьётся, – негромко пропела Мария Ивановна.

– Красиво.

– Как они там?

– Кто?

– Ну, хохлы.

– А-а. Работают, тянут свою лямку, как и все. На хлеб с маслом зарабатывают. Рабочий человек, где ни возьми, рабочий и есть. – Уж Галя-то знала настоящий, горький вкус жизни.

– Странно всё. Жили себе, жили, друг к другу в гости ходили, и вдруг – чужие, не родные совсем. Ну, разве так бывает?

Риторический вопрос, сказал бы филолог, но для Марии Ивановны, которая мыслями и душой была готова объять весь мир, но редко когда докапывалась до сути вещей, это был вопрос, который требовал ответа. Почему мир так несправедлив? Почему те, кто выстраивает заборы и границы, торжествуют, а тот, кто соединяет, кто строит мосты, должен оправдываться? Где правда?

– Господь с ними. Может, им повезёт больше.

– Куда больше? Они всегда богаче жили. А богатство иной раз глаза застит, – Мария Ивановна настаивала на своём.

– Так и есть, от добра добра не ищут, – Галя тяжело вздохнула, пряча свои мысли поглубже.

– Ищут, ещё как ищут, да мало кто находит.

В повисшей неловкой тишине их недосказанные, рвавшиеся наружу мысли точно стали бы слышны, если б не поскрипывание старых пружин на больничных кроватях.

– А мы что, другие, что ли? – Снова всполошилась Мария Ивановна. – Вот у меня дочь в Москве батрачит, на жизнь зарабатывает, от хорошей жизни, что ли, в столицу подалась? То-то и оно. Сын – на Камчатке подводником, мичман. Вон куда занесло! У них там корабли на металлолом режут, глядишь, безработным станет, домой вернётся. Уж и не знаю, что лучше.

– Ну, а ты сама чем занимаешься?

– Да что я... От пенсии до пенсии мыкаюсь. Мне бы вот капусту на зиму заквасить.

– Успеешь ещё, а я всё своё отквасила. Завтра уже...

Санитарка, как обычно, шмыгала шваброй, вздыхала, осматривалась, нужно ли что ещё прибрать или не надо.

– Милая, ты подойди, – поманила её Мария Ивановна.

– Что надо-то?

– Ты подойди.

Санитарка приблизилась, чуть наклонила голову.

– На, вот, возьми, – Мария Ивановна оттянула карман её застиранного халата и сунула в него смятую купюру в пятьдесят рублей. – Ты нет-нет, зайди, одеяло у Гали поправь, утку лишний раз подай. Она сейчас на операции. Уже несколько часов над ней там колдуют, боязно за неё. Коль жива останется, помоги ей, не развалишься. За ней ходить-то некому.

Санитарка выпятила нижнюю губу, собираясь ответить, как она всегда привыкла, однако Мария Ивановна её опередила.

– ...и кусочек другой раз повкуснее положи, – она достала из-под подушки ещё одну купюру и тоже сунула в карман, – я-то выписываюсь сегодня.

* * *

Уходящий октябрь дарил последнюю в этом году волну бабьего лета. Низкое солнце весело заглядывало в больничную палату, отбрасывало на стену дрожащие тени полуобнажённых деревьев. Галя не обращала внимания на игру теней, она лежала с открытыми глазами, ощущая, как медленно уходит боль, и не совсем понимая, что с ней теперь, и что там будет дальше. Снова приходили дети, плакали, просили прощения. Она их гладила по макушкам и не знала, за что прощать. Ещё вчера планов на будущее у неё не было, совсем не было.

– А говорила, родственников нет, – бодро воскликнула медицинская сестра, с шумом прикрывая за собой дверь и внося в палату лёгкий запах туалетной воды.

– Так то ж дети.

– Я не о том, болезная. Вон, тебе яблоки принесли, целую сетку, красные, душистые.

– Наверное, ошиблись палатой, – смущённо ответила Галя, – мне же нельзя.

– Кто ошибся? У нас тут никто не ошибается. У нас полный порядок. А раз тебе нельзя, так отдай кому, а то и до выписки долежат. Тут вот и записка из приёмного покоя. Сама смотри. «Гале из 219 палаты».

– Да, мне, – она с удивлением взяла в руки записку, повертела.

На обратной стороне листка, вырванного из ученической тетрадки, дрожащим почерком было выведено несколько слов: «Галечка, родная, поправляйся! Всё будет хорошо». Подписи не было.

Несколько раз она бралась перечитывать эту безымянную коротенькую записку, словно заучивая её наизусть. И каждый раз, вот же глупость, к глазам подступали слёзы. Никогда в жизни она не чувствовала от окружающих столько любви и не понимала, что случилось? За что? И вот эти красные яблоки, неосторожно рассыпавшиеся по подоконнику... Такого ещё не было, ей вообще никогда ничего не дарили. Разве что в далёком детстве? Теперь уже и не вспомнить.

Эпилог

В последний день ноября «Боинг – 737» израильской авиакомпании «Эль-Аль» оторвался от взлётно-посадочной полосы аэропорта «Шереметьево» и взял курс на юг, на Хайфу. Под крыльями рейсового джета, удаляясь, темнели предзимние леса Подмосковья, из седых волокон накрапывал затяжной осенний дождь. В салоне эконом-класса уютно расположился врач высокой квалификации Пётр Алексеевич Перетокин, он покидал Родину в полной уверенности, что со своими бедами она справится и без него. Неловкие чувства блудного сына его не смущали. *Per aspera ad astra* – кажется, так говорил Радимец. По губам будущего доктора медицины плыла улыбка победителя.

Виктор КИРЮШИН

«...Тут на сто вёрст кругом свои»

Стихи

* * *

Побудь со мною, тишина!
Давно искал я этой встречи.
От праздной человеческой речи
Душа остывшая темна.
Побудь со мною, тишина.

Лишь на мгновенье отрешись
От нескончаемого бытия.
Какая музыка в тиши
От сердца суетного скрыта!
Лишь на мгновенье отрешись...

Судьбой добытые слова
Растают в небе легче дыма,
Поскольку жизнь неизъяснима
И в пепел обращать права
Судьбой добытые слова.

Молчат высокие леса,
Безмолвны медленные реки,
Чтобы могли мы в кои веки
Ушедших слышать голоса.
Молчат высокие леса.

Побудь со мною, тишина!
Моё проклятье и спасенье,
Раскаянье и воскресенье,
И оправданье, и вина.
Побудь со мною, тишина.

* * *

Вслед за омутом – мели,
Блики солнца на дне,
В дымке чёрные ели:
Тихий август на Цне.

Пахнет поле полынью,
В небе ястреба тень,
И последней теплыню
Наливается день.

Храма Божьего главки,
Желтизна там и тут.
Лишь старушки на лавке
Безмятежно цветут.

Чей-то слышится клёкот
За остывшей рекой...
До зимы недалёкой
Далеко-далеко.

Тихо катится солнце
За рябиновый куст,
А вода из колодца
Ледяная на вкус.

* * *

Леса одеты в рыжий мех,
В огонь, прозрачный и летучий.
Уже без солнечных прорех
Неповоротливые тучи.

Дрожат заречные огни
Живою строчкой многоточий.
Чем быстротечней гаснут дни,
Тем нескончаемее ночи.

Уснули стылые ветра,
Лишь тьма колышется сырая...
Глаз не смыкаешь до утра,
По крохам жизнь перебирая.

Неверной памяти вино
Отравит горечью бывшего
И отболевшее давно
Вдруг обожжёт до боли снова.

Встречая осень у крыльца,
Поймёшь, печальный и смущённый,
Как прост был замысел Творца.
Тобой ни в чём не воплощённый.

* * *

Г. З.

Всё это было так:
Вечерний снегопад
И музыка не в такт,
И речи невпопад.

Струющийся в окно
Невыразимый свет,
Забвенное вино
Необратимых лет.

И мы – к щеке щека,
И мы – рука в руке,
И впереди – века,
И – жилка на виске.

Сошедшие с ума,
Повергнутые ниц.
Два маленьких холма,
Две тени от ресниц.

Жизнь, как предсмертный крик,
Не набело, вчерне.
Ей холодно, старик,
В твоём худом челне.

Таится по углам
Кладбищенская мгла,
Но мы остались там,
Где музыка была.

Нас времени река
Несёт – рука в руке.
И впереди – века,
И – жилка на виске.

Звезда

Таинственную обретая силу,
Стремительно пронзая толщу лет,
Летит к земле
Её неугасимый
И всё-таки
Такой холодный свет.
Горящая бестрепетно и вольно
Немыслимые долгие века,
Она глядит на праздники
И войны,
На горести людские
Свысока.
Подвластная законам мироздания,
На перекрёстках судеб и орбит,
Она не знает чувства сострадания,
Ни боли,
Ни печали,
Ни обид.
Но отчего, когда порой гляжу я
Бессонной ночью в искристую даль,
Мне жаль её,
Холодную,
Чужую,
Как самое родное только жаль.

* * *

Полуоткрыты оконные створки:
В небо впечатана церковь на взгорке.
Дальше – полоска сутулого бора,
Ближе – сирени костёр у забора.

Мир непридуманный, мир настоящий,
Ливнем омытый, поющий, летящий.
Птица, растение, ветка немая
Празднуют ясную радугу мая.

Долго земля эту силу копила:
Тянутся ввысь лебеда и крапива,
Люди, деревья и церковь на взгорке...
Полуоткрыты оконные створки.

Стая

Тьма воронья в озябшей кроне,
И так шумлив гортанный хор,
Как будто птиц не стало,
Кроме
Вот этих, сбившихся на ор.

До сплетен всяческих охочи,
Томимы жаждой барыша,
Они с утра до поздней ночи
Галдят, отбросы вороша.

Не лезь в разбойничью породу,
Подальше выбери приют!
Здесь чужака не примут сроду:
Забьют, затравят, заклюют.

Здесь и своим порой несладко:
От гибели на волосок,
Когда внезапно вспыхнет схватка
За подвернувшийся кусок.
Война!
Хотя последний житель
Тут с юных лет уже учён,
Что первым делом
Победитель
Стать новой жертвой обречён.

Поездка

Сухие старческие плечи,
Морщин кривые колеи.
«Садитесь, это недалече.
Тут на сто вёрст кругом свои».

И мы поехали,
И плыли
За нами следом
До поры
Густые клубы рыжей пыли,
Как бесконечные миры.

Цвела июньская картошка,
Гудели в клевере шмели,
И товарняк-сороконожка
Полз, еле видимый, вдали.

Кладбища тёмная ограда
Вдруг проплыла передо мной,
Но в этом не было разлада
С наивной прелестью земной.

И долго помнилось мгновенье,
Когда в полуденной тиши
Впервые
Умиротворенье
Коснулось суетной души.

* * *

Ни тропинки, ни следа,
Травы в пояс, бор – стеною,
А под елями вода,
Вёдрышко берестяное.

Манит белое, как снег
Средь полуденного зноя...
Видно, добрый человек
Проходил передо мною.

Роща

Вот и птицы певчие отенькали,
Стало подмораживать к утру.
Невообразимыми оттенками
Полыхает роща на ветру.

С тихим звоном ветви долу клонятся
Вдоль стволов,
Отмытых добела.
Храм пресветлый,
Золотая звонница,
В поднебесье кроны – купола.

Ослепит высокое сияние
Подожжённых холодом дерев –
И душа запросит покаяния,
Запоздалой мудростью прозрев.

То стыдом,
То горечью охвачена,
Заболит, замечется она...
Видно, рано думать, что заплачено
За ошибки прошлые сполна.

* * *

Здесь только вороньё витийствует картово,
А я хочу к тебе, в убежище твоё
В полутора часах от городских кварталов,
Где яблони цветут и сушится бельё.

Ещё не пить с утра я не давал зарока,
Но трезвый как стекло, лишь кепка набекрень.
А вот и на столбе знакомая сорока,
Крылечко во дворе и пылкая сирень.

Что будет – поглядим, а прошлого не жалко,
Хотя оно внутри, как взведенный курок.
Сто первый километр –
всё та же коммуналка:
Распахнутая дверь, весёлый матерок.

Иному – тяжкий крест,
а грешнику – отрада,
Я всплеском этих рук заведомо сражён.
Не верю, что ждала, но так наивно рада
Случайная моя и лучшая из жён.

Потом минует день и вскрикнет электричка,
И я тебе шепну: «Любимая, держись!»
Платок твой вдалеке
Погаснет, будто спичка,
А может быть, свеча,
А может быть, и жизнь...

Змея

Тёмный зев разрушенного дота,
Где на камне греется змея,
И настырный запах креозота:
Два луча – стальная колея.

Клевера наивные головки.
Времени застывшая зола.
Улетает вдаль без остановки
Поезда зелёная стрела.

Сталь гудит, натянутая туго,
Как струна от лёгкого смычка,
Но ни удивленья,
Ни испуга
В глубине змеиного зрачка.

Мир вокруг гремит, как дискотека,
И звенит, и стонет колея,
Но боится
Только человека
Молодая мудрая змея.

* * *

Лежу на диване, болею.
В озябшее вижу окно
Безлюдную к ночи аллею,
Рекламу авто и кино.

Мерцает она, раздражая,
Когда и безделье – не мёд,
И жизнь, как одежда чужая,
У самого ворота жмёт.

* * *

Обычности искус –
Обманка для разинь.
Искусство из искусств
Плетение корзин.

Угонишься навряд
За парой лёгких рук,
Когда за рядом ряд,
Когда за кругом круг.

Из гущи лозняка,
Бесформенности мглы
Вдруг станут возникать
Изгибы и углы.

Лозы текучей медь
Обречена пленять.
О, мне бы так уметь
Слова соединять!

Алексей ШИХАЛЁВ

Россия здесь молитвою творится

Стихи

Воскрес!

Скрипели в избах половицы.
Гнал ветродуй весенний треск.
Кричал парнишка круглолицый,
Воскрес!
Воистину Воскрес!

Воскрес! Кричал не умолкая.
Вознёсся в Царствие с Отцом!
И радость найденного Рая
В душе звенела бубенцом.

Меж изб, завалинок и печек,
По деревянным мостовым.
Бежал счастливый человечек.
И Бог бежал под руку с ним.

Бегу и я.
Веселый,
Странный.
Смеются радостью уста.
Спит город мой обетованный.
В ночь Воскресения Христа.

Дед

Небо.
Разлитая полночь,
Тучей скрывает рассвет.
Дед мой Григорий Егорыч,
Тридцать с копейками лет.

День над излучиной длинный.
Ночь.
Середина реки.
Дед мой в степях Украины,
Пишет войны дневники.

Как мне хотелось с тобою.
Рядом,
Подставив плечо.
Спать после трудного боя.
Но я не родился ещё.

Слышу лишь гул долголетья,
Кровь раздаётся внутри.
Чувствую твой сорок третий,
Сердцем.
И мне сорок три.

Небо.
Разлитая полночь,
Тучей скрывает рассвет.
Осень.
Вернулся Егорыч.
Больше вернувшихся нет.

Тени

Падают странно тени,
Ветер листву уносит.
Рано на этой сцене,
В новом сезоне осень.

Тени крадутся тихо,
В стенах домов неспящих.
Чёрный пожарный выход.
Серый почтовый ящик.

Утро.
Кафе «Юпитер».
Между людей маячат.
В старый тенистый свитер
Шеи худые прячут.

Тени садятся ближе,
Трутся о стол боками.
Свет отражённый лижут
Серыми языками.

В сонный трамвай заходят.
Купят билет как будто.
Ищут глаза знакомых
На городских маршрутах.

Тонут в толпе прохожей,
В лужах прохладных мнений.
Вы на меня похожи,
Странные люди-тени.

Вечер прозрачно-синий,
Сны собирает в стаи.
Тени в углах застыли.
Медленно исчезали.

Тихо в небесной сини,
Тесно, как птицы в клетках,
Души живут босые.
Тени забытых предков.

Индустриальный сон

Лети, мятежная душа,
Иди дорогами прямыми.
В небесный плац вбивая шаг,
Над заводскими проходными.

Над миром, где людской ручей
Спешит домой со смены поздней.
И в горнах доменных печей
Уснули утренние звёзды.

Притихли шестерни в пазах,
Забег окончили турбины.
Машины спят и видят сны.
Прекрасен тихий сон машинный.

А я на ветреном крыле,
Лечу
И думаю о вечном,
Что быть машиной на земле
Добрее,
Даже человечней.

Вращает втулки маховик,
Движеньё – радости природа.
Не для наград,
Не для интриг,
А для развития завода.

В ночных лесах

В ночных лесах, где авангард снежинок
Штурмует купола монастырей,
Мне правду говорил суровый инок:
«Дели печали матери своей».

Трещал мороз.
Смиренно кельи спали.
Псалтырь старинный трепетал в руке.
Во всех мирах слова его звучали
На русском православном языке.

А за стеной девчонкой неодетой,
И в будний день и в Божий выходной,
Зима полки вела навстречу Лету,
Чтобы упасть, расплакавшись весной.

Уснула ночь.
Чуть слышно ветер дышит,
По соснам развевая снежный дым.
В избе лесной,
Под общей звёздной крышей,
Мы Веру православную храним.

Здесь тысячи сильнее единица,
И Дух Святой презрел житейский хлам.
Россия здесь молитвою творится,
Невзгоды разделяя пополам.

Часовые

По просторам огромной России,
Вдалеке от житейских морей,
На пригорках стоят часовые,
В куполах опустевших церквей.

Летний зной да туманы сырые,
Иль февраль ворошит снегопад,
На пригорках стоят часовые,
В тишине их лампы горят.

Здесь, бывало, под звуки гармошки,
Под Рязанский цветной хоровод,
Заиграют по избам окошки
В православный шестнадцатый год.

Здесь когда-то любили, женились.
«Отче наш», – повторяли уста.
И на Пасху поближе садились,
В каждом доме встречая Христа.

Налетели тревожные годы
Чёрным солнцем да криком ворон.
И никто не ведёт хороводы
На останках забытых имён.

Лишь они православной загадкой
Неизменно стоят на постах.
И огни зажигая в лампадках,
Прячут грозы в огромных крылах.

Для того чтобы помнили люди,
Чтоб вернулись в покинутый дом.
Ты поверь! И лампада зажжётся.
Летним вечером в сердце твоём.

Убегу

Убегу в золотые поля,
Там под крышей небес голубых
Деревеньки вращает земля,
В хороводе столбов верстовых.

Убегу и забуду про то,
Как в висок барабанят дела.
Пусть висит в гардеробе пальто.
И пиджак, полинялый едва.

Убегу от надутых вельмож,
От авралов мирской суеты.
Я уйду в недозрелую рожь,
Как, смирясь, уходили в скиты.

Утону в златоглавой глуши,
Позаброшу печали невзгод.
Убегу!
Осуждать не спеши.
В добрый путь!
Пусть поможет Господь!

Память

Вижу белое солнце в зените,
Там под звуки серебряных струн,
Разорвав вековые граниты,
По ущелью грохочет Аргун.

Вижу между высоток палатки,
Закопались в обрывистый склон.
Как огромные дачные грядки,
Только кончился дачный сезон.

Летний дождь да туманы сырые.
Чай индийский на дне котелка.
Мы уходим совсем молодые,
Растворяя в себе облака.

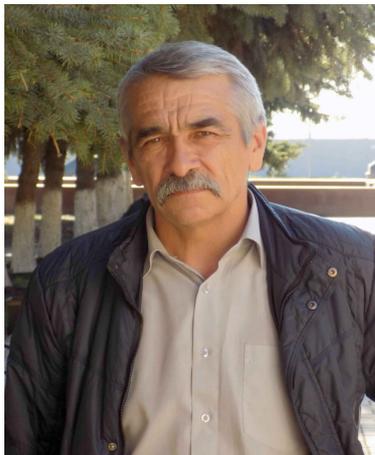
Нас связали суровые нити.
Каждый помнил и каждый хотел,
Чтобы ты никогда не увидел,
В двадцать лет человека в прицел.

Молитва

Там, в тишине у детской колыбели,
Чуть нараспев и слышимы едва,
Кружась в прозрачном воздухе, летели
Лишь к Богу обращённые слова.

В ответ с небес мелодия звучала.
И падал снег,
Всё чаще, всё сильнее.
Природа спит, укрывшись покрывалом
Из кротких слов молитвы Матерей.

Михаил ВОЛЧИХИН

На русском Севере

Стихи

Россия

Подниму для неё, что осилю,
Что смогу, для неё накоплю,
Потому что жалею Россию,
Потому что по-русски люблю.

Не безгрешна она, не святая,
Но какая бы тьма ни была,
Над её куполами светает –
Золотые её купола.

Небеса и над пропастью сини,
Встанет солнце – зови, не зови,
Но нельзя на земле без России,
Как нельзя на земле без любви!

На русском Севере

Русский Север, храни своё зодчество.
За перо, как за скобель берусь.
Мы тебя величаем по отчеству,
Что издревле читается – Русь.

Наши земли, как малые семьи,
Где Двина, а где батюшка Дон.

Мы от славной семьи Черноземья
Уезжали к тебе на поклон.

Открывались края, как скрижали,
Что хотелось их знать наизусть.
Мы не ехали, нас погружали
В глубину под названием Русь.

Летописным сказаниям вторя
Из далёкой, седой старины,
Ты встречал нас дыханием моря
И движением дивной Двины.

Мы действительно погружались в Рязань, Владимир, Суздаль, Ярославль, Вологду. И даже то, что к назначенному месту, уже в Архангельской губернии, нам предстояло добираться на пароме, казалось чем-то былинным. Северная Двина не текла, а двигалась – спокойно и уверенно, в пространстве и во времени. У великих это особенно заметно.

На берегу, под горой, на которой возвышалась часовня, после рабочего дня нас встречал палаточный городок. Попахивало дымком. Женщины готовили ужин. Мужчины – кто поддерживал костерок, кто самовар, кто настраивал удочки... Рядом шалили малые дети. Солнце опустилось до черты и словно остановилось.

Мы на Северной Двине,
Словно на одной волне,
В деревушке холмогорской
Из далёких русских мест
Богом собранные в горстку –
Вот вам слово, вот вам крест.

Мы на Северной Двине
Породнённые вдвойне.
И как связывают брёвна,
Так нас связывают тут
Деревянная часовня
И подвижнический труд.

Мы на Северной Двине
Адекватные вполне.
Дело Общее весомо:
И стругая и скребя,
Реставрируем часовню,
Корректируем себя.

Мы на Северной Двине
По любви и по вине.
В нас самих такое дело,
Если правду – догола:
Где-то память потемнела,
Где-то вера подгнила.

Мы на Северной Двине
Прикоснулись к старине.
С нею связанные кровно
От мужицкого ремня,
Восстанавливаем брёвна,
Продолжаем времена.

Мы на Северной Двине
С новым веком наравне.
Вопреки духовной стыни,
Хоть по кругу опроси,
Мы за то, чтобы святыни
Сохранялись на Руси.

Реставрация – это не просто процесс сохранения некогда созданной святыни, это процесс её создания в бесконечной перспективе. Регулярная реставрация часовни однажды закончится её полным обновлением. И дальше – всё сначала. Творение остается, но другие люди входят в круг её создателей. В этом есть удивительный связующий смысл. Каждая вычерка представляется небольшим кусочком истории, в котором не должно быть ничего из того, что ещё живо. Изготовление вставки на замену требует особого мастерства и терпения. Порой коллективного. На строительной площадке кто скребками ошкуривает брёвна, кто убирает накопленный мусор, кто из привезённых с берега реки камней выкладывает фундамент...

Совсем недавно, без креста, Георгиевская часовня служила северянам лодочной станцией. В таком качестве они и знали её до начала реставрационных работ. Связать преобразование здания с устоявшимся жизненным укладом для них было делом времени. Для нас же, приехавших сюда издалека, представить себе Русский Север без святынь деревянного зодчества казалось просто невозможным.

Для местных жителей вначале,
Возя, стругая и рубя,
Мы были теми, кто причалил
На Север в поисках рубля.

Потом мы были чужаками,
Где каждый лох или простак
В каменоломне долбит камни
И брёвна пестует за так.

В деревне старая часовня,
До слома верного дойдя,
Нелепо выглядела, словно
В руках незрелого дитя.

Но Дело ладилось благое,
И в скором времени уже
Сложилось мнение другое
И по уму, и по душе.

И по совместному заданью
Быть сыновьям и дочерям
Добро давали. Даже баню
Топили нам по вечерам.

И старожил за околоток,
Душою опытен и дюж,
Сказал: «Часовня не для лодок.
Она пристанище для душ».

Уже в самом Русском Севере, в его неброской, сдержанной красоте есть что-то врачующее душу. Тут действительный простор, потому что он прост. Уставшему от суеты человеку стоять на высоком берегу реки под распахнутым небом – всё равно что чувствовать себя израненной птицей. Хочется надышаться, наглядеться на все четыре стороны, стряхнуть с себя всё мелкое и суетное, что мешает быть любящим и благодарным. Хочется помолиться. Запали в душу слова местной матушки: «На Русском Севере мы к Богу ближе. Спешите делать добрые дела!»

Под горою Двина, как былинный зачин,
А былинку слагают на суше.
Развели костерок, и покуда молчим,
Продолжают беседовать души.

Над рекой тишина и закат – не закат.
Разукрасив в малиновый глянец,
К нам на вечер лобастое, словно Сократ,
Почаёвничать солнце заглянет.

Широко улыбнётся наш северный друг,
Дескать, край этот Богу угоден.
Вот и солнце, пройдя ослепительный круг,
За черту неохотно уходит.

Тут не столько других, тут себя узнают,
Невзирая, что отпуск расколот,
Приезжают, меня домашний уют
На прибрежный палаточный город.

Можно было б махнуть за леса, за моря,
Где понежить и душу, и тело,
Но у нас на Двине, где полно комарья,
Неотложное Общее дело.

Мы потом возвратимся к своим городам,
Скинем множество фоток на сервер,
Только где б ни случилось нам год коротать,
Души снова потянут на Север.

Нам говорят, что молоды мы были...

*Студентам филфака ТГПИ
посвящается*

Мы вспоминаем заново и заново,
С былых высот не хочется слезать,
Как Валентина, стало быть, Ивановна
Нам Чехова читала на слезах.

Хоть память и становится рассеянной,
Но не забыть, тоскуя и любя,
Как с Юлией, все той же Алексеевной,
Мы Ибсена играли для себя.

Как были наши ушки на макушке,
Когда Прокудин, самых ярких лет,
Являлся нам порывистый, как Пушкин,
Задумчивый, в очках, как «Грибод».

Как Руделёв, региональный гений,
Поглаживая бороду слегка,
Доказывал нам множество склонений
В сокровищах родного языка.

Мы помним всех по имени, а именно:
(В коротких строчках уместим доколь)
Дьячков, Петрова, Сухарев, Марминова,
Долгов и Долгоруков, и Циколь...

Они как будто к нам приходят заново.
Как это было близко и давно!
Казалось, что с последнего экзамена
Мы падаем, мы падаем на дно –

С победами своими и потерями,
И даже те, кто был уже вдвоём...
А мы всего-то с дерева на дерево
Перелетали – каждый на своё.

Перелетали, начиная заново
И плакать, и смеяться, и любить,
И быть самим Петровной иль Ивановной,
Иль также Алексеевною быть.

Любили мы. Так больше не любили.
Казалось все добрее и честней.
Нам говорят, что молоды мы были –
Да, молоды... Но это – в том числе.

Конечно, жизнь нисколько не виновна,
Конечно, этот опыт вековой,
Но только вспоминаются нам снова
ТГПИ и дом на Полковой.

Зависть

Узнают плоды по завязи,
Это знает и слепой.
Не бывает белой зависти,
Синей или голубой.

Ни зелёной, ни оранжевой,
Хоть с улыбочкой у рта.
Зависть, как ни приукрашивай –
Проступает чернота.

Друг не лайковый, не ситцевый,
Ни на вкус и ни на цвет.
Даже с радугой над лицами
Зависть есть, иль её нет.

Как вода в колодце пресная
Без фасовок дорогих,
Есть земная и небесная
Просто радость за других.

Сирень

Когда с окрестных деревень
Потянет запахом сирени,
Захочется стихотворений,
Чтоб они пахли, как сирень.

Для той, которой рядом нет,
В часы вечернего затишья
Захочется четверостишья
Собрать в сиреневый букет.

Захочется своей стране
Оставить томик со стихами,
Чтобы они благоухали
С сырой сиренью наравне.

Александр НЕСТРУГИН

Земляничкой пропахли опушки...

Стихи

Русская судьба

Кому – батист и шёлк,
Кому – сатин простой,
Кому – тот снег, что шёл
Вчера – густой-густой!

И проблески небес
Сквозь годы-времена.
...И – каждому – отрез
Шинельного сукна...

* * *

Уходит праздное и броское –
И цвет чужой, и ткань, и край.
Своё, немаркое и ноское,
Уже, сомкнув, ровняет строй.

Потёртое, с перелицовкою,
Судьбой чинённое не раз,
То – материнское, отцовское,
Что слишком долго ждало нас.

Обноски, рвань? – мы крепко спорили,
Мутили очи страсть и злость.
Теперь одна забота – впору ли
Нам неминуемое пришлось?

Нервущееся, нелиняющее,
Чуть незнакомое пока.
...И – сохранённые до случая –
Победы алые шелка!

Знамение

Пора порухи и туги.
Из розни выросли проклятья.
И вот уже – враги, враги,
Враги, враги – родные братья!

Не черепки уже, не спор
Горшка рязанского с макитрой.
И насмерть бьются триколор
Над Русью – и жовто-блакитный.

Бои! – под Харьковом бои,
Бои в Рубежном и в Попасной.
И женщина, шепча: «Свои!» –
К чужим выходит
С флагом красным...

Совещание молодых писателей «В Химках», 2022 год

«Война выбирала нас...»
А. Долгарева

Здесь всё – всерьёз, и всё так странно:
Блестит алмаз, блестит слюда...
Зачем же Долгарева Анна
С войны приехала сюда?

Не напоказной девой томной,
Не отзвуком чужих страниц...
И крутит нервно локон тёмный,
Одна из «трудных» учениц.

Её словарь – он скуп, не скуден:
Донбасс в нём выше, чем Парнас.

И каждый – спрошен. И – подсуден:
Не Аня смотрит мимо нас

И говорит, слова чеканя, –
Война, тревожна и чутка.
...А этот локон – не чека ли?
Хоть бред, но я черкну: «Чека!»

И что-то я ещё помечу,
Томим неясною виной...
Как страшно этой трудной речи
Средь говорливых нас – одной!

И отзовется ль век далёкий,
Вуальный, бальный, золотой,
Когда его окликнет локон –
Как взрыв, на палец навитой?

Лето 2022

Земляником пропахли опушки –
Рви, кто хочешь, захожий любой.
Утешают кукушки нас, врушки,
И не бьёт никого зверобой.

Солнцецветьем его запасёмся
(Где ползком, где пешком, где бежком)
И другим в стужу греющим солнцем –
Да хоть «чайной» травой-репяшком.

Лишь душица синеется робко,
В стороне оставаясь, в тени.
Хоть, быть может, трава-кровохлёбка
И нужнее других в эти дни...

* * *

Роняет жёлуди июль –
Ну да, не в срок, но так бывает...
И звук паденья задевает,
Как будто звук излётных пуль.

Да, за рекой – не бой, а гром,
Но жёлуди о память бьются,
О край обрыва, как о бруствер,
Тогда, давно, в сорок втором.

Да, в этих пулях нет свинца,
Но ветер рвёт юго-восточный
Донской ивняк... Я знаю точно:
Прорвался он сюда – с Донца.

СВО

Нерадостно стране родной,
Прогнавшей призрак коммунизма:
Всё симулякры, эвфемизмы –
Вот хмурит лоб очередной.

Коль языки и племена
На Русский мир пошли войною,
Зачем нам мучиться виною?
Не нами выбрана война!

Генштаб, шлифующий слова,
И не по карточкам продукты...
А где, скажи, тот репродуктор, –
С набатным: «Говорит Москва!»

В Москве (в Москве!) – не только там,
В европах – кривда загалдела,
И за попсою оголтелой
Не слышен людям Левитан.

И, хоть предание старо, –
В сороковых, тогда, представь ты:
В стране – ни Сталина, ни Ставки,
Ни сводок Совинформбюро...

Довольно русской лгать судьбе:
«Войны же нет, войну не троньте!»
Нам нужен лозунг «Всё для фронта!» –
И репродуктор на столбе.

Полевая почта

Трудно нам? Давай не будем
Нянчить жалобу свою.
Мы ведь пишем письма людям,
Ждущим, может, на краю.
В жизни первой и последней,
Где и совесть есть, и страх,
Каждый день их – край передний,
Каждый час и каждый шаг.
А в окопах и траншеях
Всякой жизни фронтовой
Сердце греет только шелест,
Шёпот почты полевой!
Ладно, ладно! – пусть не только...
Но страничный шелест тот
Долгожданный – как он током,
Жарким током жизни бьёт!
Не ничейно-постраничный,
Занятый самим собой,
А – до слёз знакомый, личный,
С мирной, ждущею судьбой...
Разве лжёт она, судьба та,
Если чуть сильнее нажим?

...Даже если из санбата
Пишет почерком чужим...

Юрий ХОБА

Капитан медицинской службы

Рассказ

Никогда прежде Фотинье не доводилось держать в руке собственную смерть. И хотя эта её погибель вполне могла сойти за ёлочную игрушку, она знала о притаившейся под железной кожурой слепой ярости.

И не только знала, но могла добавить в учебник по военно-полевой хирургии абзац о том, как под хлопки рвущихся за окнами малокалиберных снарядов удалить вбитый осколком гранаты в грудную клетку пятиконечный орден.

Раненого на испятнанном соляром и кровью байковом одеяле принесли четверо ополченцев. Трое в танкистских шлемах, на голове четвертого – чалма из грязных бинтов. Опустив на влажный после утренней приборки линолеум коридора ношу, они взглянули на Фотинью так, словно та была, по меньшей мере, ближайшей помощницей Матери Божьей.

– Извините, товарищ докторша, – молвил забинтованный, – какая-то тётка внизу, похоже – техничка, сказала, что наш командир не жилец на этом свете. Однако мы всё-таки решили вас побеспокоить. На вас вся надежда теперь, Златовласка вы несказанная...

– Ну, если тётки со швабрами будут ставить диагноз, – рассердилась Фотинья, – то пора закрывать хирургическое отделение... Кладите вашего командира на каталку, и можете быть свободны. И не забудьте заглушить тарахтелку. Иначе потравите больных угарным газом.

– У нас не тарахтелка, а самоходное орудие, – заметно обиделся назвавший Фотинью Златовлаской служивый. – А глушить двигатель никак нельзя. Иначе придётся заводить с буксира.

– В таком случае отгоните подальше.

– Куда именно?

– Да хоть в парк за моргом. Судмедэксперт глуховат, а его пациентам ничего не повредит, – вмешалась операционная медсестра Ульяна Михайловна, о которой похожий на ежа главврач говорил, что она видела живого Ленина.

Проведённая за операционным столом ночь давала о себе знать. Тупо ныли, словно их залило болотной водой, икроножные мышцы, а уложенная в шесть колец коса цвета омытого в горном ручье золотого самородка отягощала затылок.

– Лично я бы поостерегся лечь к тебе на стол, – подшучивал главный, – ты, конечно, хирург от Бога, однако здесь мной движет инстинкт самосохранения. Если коса сорвётся со стопоров, перелом ключицы или пары-тройки рёбер обеспечен.

Впрочем, воспоминание о сомнительной шутке оказалось короче проверки бракованной спички, а болотная вода в ногах испарилась, словно влага с линолеума, на который пали проникшие через оконные стёкла лучи февральского солнца.

Наверное, нечто подобное испытывает комбат, который поднял своих людей в атаку. Сейчас для него главное – сбить врага с безымянной высоты. О задетом пулей предплечье и утративших чувствительность после контузии барабанных перепонках он вспомнит потом, после атаки.

Так и Фотинья. Она даже не вздрогнула, когда в ответ на секущие кроны тополей за окнами операционной осколки малокалиберных снарядов от морга начала бить самоходка.

– Похоже, наши новые знакомые боятся, что командира могут ранить ещё раз, – вполголоса сказала Ульяна Михайловна.

Приняла из рук Фотиньи то, что сейчас лишь отдаленно напоминало боевой орден, положила на край умывальника:

– Позже отмою...

Награду Фотинья вернула полтора месяца спустя, когда командир самоходчиков зашёл попрощаться со своей спасительницей. Вслед за ним в ординаторскую ввалились четверо его однополчан, расхристанные, без шлемов, по случаю мартовского тепла. У говорливого бинты уже были сняты, в одной руке он держал полиэтиленовый пакет, из которого выглядывал зелёный чубчик ананаса, другой смущённо потирал огрызок левого уха.

– Не обессудьте, Златовласка вы наша, – повинился одноухий. – Поляны с подснежниками все заминированы, а единственный в вашем городке цветочный магазин закрыт по причине болезни продавщицы. Поэтому вместо букета примите нижайший поклон.

– И вам спасибо, парни... Как за что? Доброе слово не только кошке приятно.

– Позвольте сказанное считать тостом? – вскричал одноухий.

– С тостами повременим до лучших времен, – возразила Фотинья. – Да и ухом бы стоило заняться. Чтобы не травмировать психику будущей невесты. Кстати, где это вас угораздило?

– Командир оторвал, – рассмеялся одноухий. – Чтобы злее бил нациков.

– А мне он злым не показался. Молчун великий – это да, но не злой, – хотела присовокупить, что у командира самоходчиков очень тёплые глаза, и что

впервые за всю её жизнь глянулся не рослый красавец-брюнет, а мужчина скромной комплекции, однако промолчала.

Лишь обойдя стол, на который одноухий водрузил пакет с выглядывающим чубчиком ананаса, коснулась пальцами левой руки изувеченного ордена на груди командира самоходчиков и добавила:

– Пусть, парни, ангел-хранитель оберегает вас от пуль, осколков и всего прочего, что способно причинить боль.

Гости ушли, унося запах солёнки и воскресшей земли, однако Фотинья продолжала думать о командире самоходчиков. Удивлялась: как могло случиться, что прежде незыблемые вкусы и симпатии на поверку оказались сродни одуванчику?

Вообще-то разочарование в избранниках испытывала и прежде. Ещё много лет назад в заводской столовке, куда бегали после лекций соблазнённые вкусными обедами студенты мединститута, Фотинья однажды на раздаче такого красавца увидела, что уронила ложку. Модный, без единой помарки комбинезон, выдававший принадлежность молодца к рабочей аристократии, был так же элегантен, как смокинг завсегдатая аристократических салонов. С той поры Фотинья перестала ощущать вкус шницелей заводской столовки. Всё её внимание было приковано к объекту воздыхания.

А однажды ей сказочно повезло. Заняла очередь за молодым в комбинезоне. Но лучше бы она продолжала восхищаться им издали. И тогда бы зарождающееся чувство миновало участь убитого морозом картофельного ростка.

– Ты чего такая? – удивилась подружка, расставляя на пластиковой столешнице тарелки. – Никак муху в рассольнике узрела?

– Хуже, – потрясённо прошептала Фотинья. – Он сказал: «А мне – каклету».

– Ну и дура. Если будешь оценивать мужиков по уровню их интеллектуального развития, судьба старой девы тебе обеспечена.

Предсказание сбылось лишь наполовину. Но и после замужества продолжала помнить сказанное подружкой. Как ни коробила привычка супруга громко чавкать, сумела убедить себя, что это не самое худшее из зол. Тем более, недостаток с лихвой компенсировали сто восемьдесят девять сантиметров роста, горделивая осанка и должность главного механика пригородной агрофирмы. Правда, жить пришлось на два дома. Но оно, может быть, и к лучшему. Выходные слишком короткий срок, чтобы чавканье за столом начинало казаться чересчур оглушительным.

Однако вскоре свиданья и вовсе стали редкими. Между городом и агрофирмой пролегла граница, которая отрезала мятежную республику от продолжавших скакать на майдане киевлян. И хотя городскую квартиру от сельского дома отделяли все те же семь километров, дорога только в один конец растягивалась на весь день. Да и не имелось никакой гарантии, что после тяготящего ожидания удастся получить разрешение на пересечение линии боевого соприкосновения, а не осколок мины восемьдесят второго калибра, которыми щедро обменивались враждующие стороны.

Первым не выдержал муж. Укатил на приобретенном за общие деньги грузовичке в Болгарию, где у него жили родственники по материнской линии.

– Как только обустроюсь на новом месте, – сказал по мобильнику, – сообщу свой новый адрес... Хотя сомневаюсь, что ты сразу бросишь больных. Они ведь у тебя на главном месте. Поэтому твои вещи и телевизор оставил. Появится возможность – заberi.

Фотинья от упрёков воздержалась. Это всё равно, что швырять камни вслед уходящему за горизонт поезду. Остановить не остановишь, а вот сердчишко надорвёшь. Даже не всплакнула, как это полагается при расставании. Не осталось у неё слёз. За день до бегства супруга изрыдалась по скоропостижно скончавшемуся заведующему хирургическим отделением, который был для неё учителем и ангелом-хранителем в одной ипостаси.

Даже поминальную свечу в церкви не смогла зажечь с первых попыток. Из-за беспрестанно набегавших слёз отсырела не только антиковидная маска, но и спички, а утыканный свечами столик казался размытым густым туманом костерком. Хорошо, сыскалась добрая душа. Нашла управу на закапризничавшие спички и под локоток провела за церковную калитку.

– Примите мои самые искренние соболезнования, – рокотал над ухом приглушённый баритон. – Да и все мы скорбим по поводу тяжкой утраты.

По голосу, а ещё больше – по запаху дорогого одеколona, Фотинья узнала главу городской администрации, который прошлой зимой оказался на операционном столе с острым приступом аппендицита и о котором ехидный главврач говорил, что мэр посещает туалет лишь после того, как нацепит галстук.

При других обстоятельствах Фотинья, наверное, обрадовалась бы встрече. Всё-таки приятно, когда тебя под локоток провожает эlegantный мужчина в голубом, под цвет глаз, галстукe. И, возможно, заметила бы завистливые взгляды, которыми гвоздили её встречные дамы. Но сейчас хотелось одного – уйти туда, где никто не догадается о кровоточащей душе и где можно сбросить антиковидную маску, на которой смытая слезами тушь оставила траурные дорожки.

– Спасибо, – молвила Фотинья, высвобождая локоть из чужих пальцев, – дальше я сама...

– Это я должен сказать спасибо. И знаете чему? Паршивому аппендициту. Ведь это благодаря ему я узнал о существовании женщины с руками ювелира от хирургии и косо́й цвета драгоценного металла. Вот моя визитка, звоните в любое время. Всегда буду рад слышать, лицезреть и помочь в меру сил. Если понадобится спонсор или транспорт...

– Вы очень добры, однако ни в том, ни в другом я не нуждаюсь. И прошу великодушно извинить. Больные ждут.

Распрощавшись с главой администрации, свернула на пешеходную дорожку, которую с одной стороны теснили исцарапанные гусеничной техникой серые поребрики, а с другой – плотный ряд гледичьи. Эти деревья напомнили Фотинье её теперешнюю жизнь. Куда ни ткнишь, везде шестидюймовые шипы. Даже не верилось, что на гледичью однажды вскарабкался убежавший от выгуливаемого без намордника бойцовского пса пономарь местной церкви. Клыков-то он благополучно избежал, а вот хлопот занятым людям доставил изрядно.

Вначале – снимавшим с макушки дерева-недотроги спасателям, а затем – травматологам.

А ещё Фотинья казалась себе человеком, который балансирует на стуле без трёх ножек. Первую вышибла война, вторую – кончина заведующего отделением, третью – бегство мужа. Слава Господу, цела четвертая. Наверное, самая важная. И пусть похожий на ёжика главврач называет её служебными обязанностями и гужповинностью, Фотинья благодарна за ниспосланный дар, который помогает художнику создавать бессмертные полотна, а доктору возвращать к жизни таких, как командир, самоходчиков.

Правда, в отличие от живописца, хирург прифронтовой зоны – существо измордованное. Он скорее прикованный к галерному веслу раб, чем окрылённый вдохновением творец прекрасного.

Болотная вода уже просто застаивалась после бесконечной, с малыми перерывами, череды операций. Она всё выше поднималась по телу, грозя захлестнуть сердце, а угнетавшая затылок тяжесть, наоборот, переместилась вниз, сковав мышцы плеч. И развязка вскоре наступила. Поздней ночью доставили пожилого ополченца, в спине и ягодицах которого глубоко увязли десятки мелких осколков. Выуживали чуть ли не под микроскопом, тратя на каждый от десяти до двадцати минут.

И когда, наконец, появилась возможность разогнуть спину, Фотинья обнаружила, что солнце успело свить гнездо в кроне искалеченного тополя. Но ещё больше поразил больничный коридор с влажным после утренней приборки линолеумом. Оказывается, он способен принимать вертикальное положение и заодно отвешивать оплеухи.

В третий раз удивилась тому, что лежит на диванчике в ординаторской и что над ней склонился главный врач больницы. Как всегда, чем-то напоминающий ёжика и, по обыкновению, очень ехидный.

– Ты спрашиваешь, почему смердит нашатырём? Это Ульяна Михайловна приводила тебя в сознание. Она же доложила, что питаешься исключительно чёрным кофейком, а в нём калорий явно маловато для того, чтобы таскать на голове целый золотой прииск. И я ей верю, ведь она живого Ленина видела. Ну, а если серьёзно, сейчас мы тебя наспигуем всем, что способствует поднятию тону-са, и в сопровождении сестры-хозяйки доставим по месту прописки. Она заодно поможет тебе запастись харчишками на десять дней.

– Зерно надо купить.

– Какое ещё зерно? – изумился главврач.

– Для голубей. Двое их у меня на лоджии. Калечки. Возле церкви подобрала.

– Ну вот, ради больных ты готова уморить голодом не только себя, но и горемык-пернатых! – С наигранным возмущением воскликнул главный. – Но знай, увильнуть от гужповинности я тебе не позволю. Республике нужны врачи, которые до кровавого пота тянут лямку, но не ложатся в борозде... Короче, я позвонил куда следует, сегодня пришлют из столицы парочку опытных хирургов.

Поэтому отдыхай, наедай брюшко. Но учти, если Ульяна Михайловна доложит, что жировая прослойка возле пупка так и не появилась, отправлю в палату для дистрофиков.

– Нет такой у нас.

– Будет. Специально по такому случаю откроем.

Фотинья малость солгала. Но её вины в том не имелось. Бывая дома набегами, успевала лишь отмыться, устроить постирушку, постелить на полу лоджии газеты взамен испачканных птичьими какашками и сменить воду в поилке. Зерна же насыпала в суповую миску столько, что должно хватить на целую неделю отлучки.

Появление хозяйки калечки, по обыкновению, встречали ворчаньем. Словно укоряли за долгое отсутствие, а затем, помогая себе нелетучими крыльями, карабкались ей на плечи. Но сегодня Фотинья почувствовала присутствие ещё одной живой души. И эта душа глядела на неё из выделенного пернатым под ночлежку картонного ящика.

– Выходит, – молвила Фотинья, – пока я пропадала на работе, вы решили доказать, что имеете право на продолжение рода...

Двое суток Фотинья вялыми шажками передвигалась по треугольнику диван – ванная комната – кухня – диван. При этом старалась не глядеть под ноги, опасалась, что полы родимой квартиры, по примеру больничного коридора, могут встать на дыбы. И только утром третьего дня, впусив через форточку ручеек солнечного половодья, ощутила себя почти здоровой. Расплетённая коса кошкой ластилась к голым лодыжкам, прохладный линолеум под ногами обрел незыблемость, а черемухи у подъезда соседней пятиэтажки казались облитыми глазурью пасхальными куличами. Но главное – за двое суток война переместилась к западу, далеко за мужнин дом, и поэтому хрустальные фужеры в серванте перестали брюзжать в ответ на порождаемое канонадой землетрясение.

Обиходив косу и накормив пернатых, Фотинья затеяла генеральную приборку. Двигалась по квартире словно пчёлка, которая в кронах цветущих черёмух исполняет танец весны. Потом соорудила огромный бутерброд и налила вина, такого же лёгкого, как и теребящий портьеры ручеек солнечного половодья. Однако блаженствовала с бокалом в руке самую малость. Порождённое прибранной, будто к Светлому Воскресенью, квартирой и вином ощущение праздника властно звало её на свидание с весной, Фотинья даже знала, что она наденет. Платье из тяжёлого шелка, в котором легко затеряться среди цветущих черёмух. Только прятаться она не станет. Если у женщины в душе праздник, она обязана поделиться им с окружающими и всем белым светом.

К сожалению, платья из тяжёлого шелка на месте не оказалось. Уже заканчивая ревизию гардероба, Фотинья вспомнила, что оставила его в сельском доме. Планировала обновить в день рождения мужа, однако подвели синоптики. Вместо обещанных плюс восемнадцать по Цельсию пригнали перегруженную ледяной крупой тучу. Поэтому к праздничному ужину пришлось облачиться в свитер, брюки и вязаные носки.

Фотинья, конечно, огорчилась. Однако не до такой степени, чтобы исчезло желание выйти на люди. Тем более, имелось в резерве ещё одно любимое платье. Длинное, до пят, цвета неба, каким оно бывает лишь в конце апреля, и с пелеринкой. Ещё меньше сказался на настроении звонок по мобильному телефону:

– Здравствуйте, многоуважаемая Фотинья, – выплеснулся из трубки баритон уверенного в себе мужчины. – Мэр говорит. Так и не дождавшись от вас звонка, принял решение взять инициативу в свои руки... Позвонил главврачу, а тот сказал, что после обморока отправил вас под домашний арест сроком на десять дней... Однако поверьте человеку, который без выходных тащит воз служебных обязанностей, – подорванные силы следует восстанавливать не пилюлями, а вылазкой на природу, куском горячего мяса и хорошим глотком натурального вина... Короче, я велел замариновать шашлыки, осталось лишь погрузить кастрюлю в багажник. Скажите, когда и куда мне подъехать? Почему вы молчите?..

– Думаю.

– Как помягче послать меня на деревню к бабушке?

– Коль на то пошло, не послать, а попросить. И не на деревню, а в пригородную агрофирму. Там, в мужнином доме, пылятся моё лучшее платье и куча другой одежды.

– С вами согласен отправиться хоть на край света...

В начале пути глава городской администрации сыпал комплиментами, однако по мере приближения к бывшей границе между Украиной и мятежной республикой сделался молчаливым. Не до разговоров, когда приходится петлять между разбросанными кубиками блокпостов, обрывками ржавого железа и язвами, которые проделали в дорожном полотне снаряды.

А Фотинья хоть и насмотрелась за последние годы всякого, но вид разорванных танков после детонации боекомплектов и на неё подействовал угнетающе. Она даже засомневалась: а действительно ли эти грозные машины сделаны из металла особой прочности? И уж совсем расстроилась, когда приехали на место. Двухэтажная контора агрофирмы, клуб и близлежащие дома выглядели так, будто на их крышах отплясывали черти, а сбитый набекрень купол церкви скорее напоминал колпак подвыпившего шута.

Лицо главы администрации и вовсе сделалось растерянным, когда пришлось огибать низвергнутый наземь снарядом и теперь валяющийся посреди дороги церковный колокол. «Наверное, сейчас раскаивается, что связался со мной, – подумала Фотинья. – Впрочем, сам напросился... Пригласил бы вместо меня кого-нибудь другого и сейчас бы разводил костерок подальше от линии фронта». Однако озвучить догадку посовестились. Как ни крути, а её вина тоже присутствует. Лишь попросила остановиться у третьего за перекрёстком дома и заодно проверила кармашек небесного платья: на месте ли ключи от калитки и входной двери? Впрочем, ни то, ни другое не понадобилось.

Сваренная из ажурных прутьев калитка отсутствовала, исчезла и аккуратно срезанная с петель входная дверь, а на месте росшего посреди двора ореха валялась пересыпанная опилками гряда обрубленных веток. Так же основатель-

но, без спешки, неизвестные похозяйничали и внутри дома, оставив из мебели подставку для рабочей обуви мужа, а из одежды – поясок платья, в котором можно затеряться среди цветущих черёмух. Наверное, сочли, что он будет коротковат для талии будущей хозяйки.

Подняв поясок с полу, Фотинья вернулась во двор и здесь обнаружила в проёме отсутствовавшей калитки рыжего с белым кота. Он смотрел на неё, как и все бездомные животные, которые гадают, что следует ожидать им от человека – милостыню или пинок?

Фотинья знала, что её за глаза называют собачницей. Однако она просто чувствовала себя неуютно, когда видела рядом оголодавшего, и по пути в больницу делилась с бездомными животными бутербродами. А в итоге приходилось глушить чувство голода крепчайшим кофе.

– Тебя тоже покинули те, кого считал главной опорой? – спросила Фотинья. – И при этом забыли освободить от ошейника сиреневого цвета. Но в таком случае скажи, как тебя зовут? Барсик, Мурзик, Рыжик?..

Кот отреагировал на Лиса. Причем, так стремительно, что Фотинья растерялась уже после того, как абориген оказался у неё на руках.

– Наверное, ты принял единственно верное решение, – молвила Фотинья. – Что ж, в жизни бывают ситуации, когда чужая тётка может показаться роднее собственной матери... Однако ты должен дать слово, что подружишься с обитателями лоджии. А чтобы не сбежал по дороге, привяжу к ошейнику поясок от платья.

Появление Фотиньи с Лисом глава администрации встретил корявым намёком, из которого нетрудно было понять, что он хотел бы сейчас оказаться на месте кота. А до этого ни разу не вышел из внедорожника. Курил, пуская колечки дыма через опущенное стекло. Со стороны поглядеть – водитель такси, который скучает в ожидании отлучившегося по делам клиента. И лишь когда вновь пришлось огибать валяющийся посреди дороги церковный колокол, соизволил поинтересоваться:

– А где ваши вещи и особенно – любимое платье?

– Наверное, воришки посчитали, что им нужнее. Оставили только вот этот поясок... Так что потревожила я вас совершенно напрасно. А учитывая, что приношу сплошные хлопоты, для вас же будет лучше, если распрощаемся у моего подъезда.

– Хлопоты с лихвой компенсировало тепло, которое исходит от вашей золотистой косы. Но если вы решили отнять у меня возможность продлить приятные минуты, то поступайте, как знаете.

– Хорошо, – после секундного замешательства ответила Фотинья. – Только поднимусь в свою квартиру, накормлю зверя и сооружу ему что-нибудь вроде лотка.

– Вот и славненько... А это ещё что за явление народу? Танки прут! Почти по осевой линии прут. Конечно, правила дорожного движения воякам не писаны, – ругнувшись, съехал на левую обочину, почти вплотную к полезащитной полосе, где низошедшими с небес облачками клубились островки цветущих черёмух.

Однако такие меры предосторожности кот посчитал недостаточными. Воспользовавшись тем, что приобретённая хозяйка отвлеклась, перепрыгнул на колени мэра, а оттуда вместе с поводком сиганул в открытое окно.

– Вы куда собрались? – взревел глава городской администрации, увидев, что спутница взялась за ручку двери. – В посадке всё заминировано! Мне об этом комендант говорил!

– Господь милостив. Поможет вернуть беглеца. Иначе зацепится пояском за какой-нибудь сучок и погибнет голодной смертью. А виновата в том буду только я.

Фотинья как в воду глядела. Лис действительно зацепился поводком за кончик острой проволоки, которой был обмотан приземистый колышек.

– Испугался, дурашка ты эдакий? – облегчённо выдохнула Фотинья. – И меня чуть до инфаркта не довёл. А теперь успокойся – танки уехали... Сейчас я тебя быстренько освобожу, и мы отправимся домой. Обещаю после пережитого двойную порцию колбаски. Ты любишь колбаску, Лис?

Разговаривала так, словно это был не запутавшийся поводком кот, а боец, из предплечья которого через минуту начнут извлекать застрявшую пулю.

Опасаясь испачкать о молодую травку платье цвета апрельского неба, приподняла подол и опустила на правое колено. Прекрати дергать поясок, – приказала коту. – Ты мешаешь его отцеплять...

Однако операции по вызволению препятствовало не только это. Оказывается, поясок от платья держало нечто, напоминающее устройство, при помощи которого достают обронённое в колодезь ведро. Только уменьшенное. В десяти сантиметрах от колышка с проволоки свисала точно такая же штучка, чуть поодаль – ещё одна, и ещё... «Да это же трехлапые рыболовные крючки, – догадалась Фотинья. – Но зачем они здесь, на сухопутье? Неужто караси из пруда решили переселиться под кустики?»

Повела взглядом вдоль проволоки и увидела, что противоположный её конец пропущен через кольцо примотанной скотчем к такому же приземистому колышку гранаты, которую снизу подпирал заневоленный кустик лесных фиалок. Разумеется, капитан медицинской службы Фотинья смогла объяснить происхождение расхожего выражения: «От страха волосы на голове дыбом встали». Однако сейчас ей было не до этого.

Плоские мышцы сжали черепную коробку с такой силой, что произошло то, о чем предупреждал главный врач. Собираясь в путь-дорогу, вместо положенных восемнадцати ограничилась шестью, по числу колец, заколками, и теперь будет наказана за собственную поспешность.

В учебнике по военно-полевой хирургии ничего не сказано о том, как следует вести себя на заминированном крючке. Однако с пострадавшими от мин и растяжек приходилось иметь дело, да и звание капитана медицинской службы обязывало быть сообразительной.

Не дожидаясь, когда коса золотой анакондой обрушится на проволоку, Фотинья пальцами правой руки обхватила спусковой рычаг гранаты. И только сейчас, уткнувшись лицом в прорастающую сквозь опавшие листья траву, ощутила запах лесных фиалок, перед которым меркнут самые изысканные духи.

– Где вы застряли? – услышался раздражённый баритон.
– Здесь я, в обнимку с гранатой.
– Шутить изволите?.. Матерь Божья, что же теперь делать?..
– Хватит причитать, – рассердилась Фотинья. – Лучше помогите отцепить Лиса, а потом снять с крючка мою косу. Или она вас уже больше не привлекает?
– А если граната...
– Да не рванет она. Я крепко зажала пальцами вот эту штучку... Кажется, она называется спусковым устройством, или рычагом. И кольцо с чекой выдвинулись самую малость.

– Ну, знаете, здесь нужны специалисты. Сейчас позвоню коменданту, пусть пришлёт сапёра. Должен же быть такой у него под рукой... А вы пока не двигайтесь. И кота, будь он неладен, покрепче держите. А то опять в какую-нибудь неприятность втянет.

«Странно, – подумала Фотинья, услышав шум отъезжающей иномарки, – разве мэр не мог позвонить с места? Телефон разрядился? Взял бы мой, он на сиденье валяется... Или решил перегнать машину туда, где её в случае чего не достанут осколки?.. Мужик называется. Бабу под кустики сманивать горазд, а как только жареный петух в попу клюнул... Поэтому надо самой выпутываться. А как?.. Руки заняты, коса на крючке, головы не повернуть, даже платье одёрнуть не в состоянии... Разлеглась вроде последней шалавы... Хорошо, хоть на боку, не на спине. Земля сверху вроде прогрелась, а из глубины могильная сырость подбирается».

– Лис, – попросила заискивающим голосом, – сядь рядышком. Чтобы не отпуская поводка, смогла отцепить косу... Ты просто молодец, Лис. Вот если бы ещё помог с этой чёртовой косой. Никак, зараза, не отцепляется... Всё, как только доберусь до первой парикмахерской, попрошу отрезать по самую репицу. Хотя репица – это уже что-то другое... Лис, тебе не кажется, что мэр возвращается? Нет, на легковушку мало похоже. Мотор урчит, как у грузовичка моего мужа. А он сейчас там, где, наверное, не принято ловить разинь вроде нас с тобой на заминированные крючья. Тихо, Лис, кто-то приближается. Неужели глава городской администрации всё-таки вызвал сапёра?

Фотинья не ошиблась. Мэр вышагивает, словно поднимается по ведущей на Олимп беломраморной лестнице, а у этого шаги лёгкие. Так передвигаются по минному полю и вблизи вражеских окопов. Правда, голос чужака показался знакомым. Не имея возможности повернуть прикованную косой к растяжке голову, попыталась напрячь извилины, однако так и не вспомнила лицо того, кому он принадлежит. Впрочем, если станешь учитывать голос каждого, кто хоть однажды переступил порог хирургического отделения, голова распухнет до размеров астраханского арбуза.

Да и чужак Фотинью признал не сразу:

– Ну и кто здесь вместе с котом разлётся под кустиками?.. Господи, да это же наша докторша, Златовласка несказанная! Так что с вами приключилось?

– Решили с Лисом переквалифицироваться в рыбок, – Фотинье сделалось неловко от того, что тогда, в ординаторской, она не соизволила поинтересоваться именем одноухого ополченца. – А вас каким ветром сюда занесло?

– На выезде из города тормознул мужик в голубом галстуке. Говорит, женщина на растяжку напоролась. Ожидал увидеть самое жуткое, а здесь, оказывается, не всё безнадежно... Я только за кусачками к машине слетаю.

Одноухий вернулся быстро. Держал себя так, словно с утра до вечера только тем и занимался, что выпутывал крючки из дамских причесок.

– Теперь можете подняться на колени, – разрешил одноухий. – Иначе воспаление легких схватите. А когда перекушу вот здесь проволоку, верну на место чеку, можете разжать пальцы. Да не бойтесь, железный зверь с этой минуты опять в наморднике. Теперь нам осталось лишь срезать скотч и вывернуть запал... И так, все могут быть свободными. В том числе – фиалки. Ишь, как благоухают...

– Подержите, пожалуйста, поводок, – попросила Фотинья. – Иначе кот опять удерёт. Я хоть самую малость приведу себя в порядок.

– У меня не удерёт, – усмехнулся одноухий ополченец – Ну что, потопали к моей колымаге?

Название машинёшке дано точное – колымага. Формой напоминает хлебный кирпичик. Только сильно попорченный грызунами. Недаром глава городской администрации побрезговал припарковать рядом внедорожник. Остановился за полторы сотни метров, курит, пуская в окошко кольца дыма.

– Кто вам этот гражданин в голубом галстуке и с душой трусливого зайца?

– Никто. Теперь уже никто.

– То есть если я предложу вас доставить к подъезду больницы, возражать не будете?

– Лучше уж домой. Кстати, почему вы один? Где боевые друзья, где самоходка, которая стреляет так оглушительно, что пациенты судмедэксперта чуть не разбежались? У меня сегодня уйма свободного времени, а мы с Лисом ещё должны сказать спасибо своему спасителю... Поэтому звоните друзьям, скажите, что хочу видеть всех у себя в гостях. Вот и Лис такого же мнения.

– Звонить бесполезно.

– Что, вне зоны мобильного покрытия?

– Значительно дальше, Златовласка вы наша. Там, откуда никто ещё не вернулся... Я думал, вы знаете... Противотанковый фугас... Один я уцелел. Да и то признан ограниченно годным к несению службы.

На какое-то мгновение Фотинья почувствовала, как исцарапанный танками асфальт качнулся под ногами. Однако не позволила ему, по примеру больничного коридора, занять вертикальное положение. Лишь потемнела лицом. Но, может, это просто набежавшая тучка уронила скорбную тень на островки цветущей черёмухи, спасённые одноухим ополченцем фиалки и рыжего с белым кота, который игрался кончиком косы цвета омытого в горном ручье золотого самородка.

Иван ЩЁЛОКОВ

Ветры сеют свинцовый горох

Стихи о Донбассе

* * *

Вот и случилось: весна и война...
Щёлкают скворушки, бухают мины...
Так бы и вымарал из полотна
Всю неестественность этой картины!

Мне не хватает ни слуха, ни глаз.
Спешились чувства, готовые к битве...
Русские мальчики входят в Донбасс...
Скворушка, песня твоя – как молитва!

Жить бы мне, жить, не греша, не спеша,
Скуку лелеять в быту мимолётном,
Но заливаётся в крике душа,
Чтобы не слышался вой миномётный.

В трелях встревоженных кровная связь
Дух пробуждает – от деда до внука...
Русские мальчики входят в Донбасс
Ради живого скворчиного звука.

* * *

Я не вижу войну – я учусь её слушать
Через грохот моторов на аэродроме,
Где в зенит устремляются «МиГи» и «Сушки»,
Словно кровные братья июльского грома.

И – на запад, на запад... Такая работа!
Каждый вылет – маршрут восходящему солнцу,
Чтоб в атаку на тьму русская шла пехота
За спасенье дончан и в защиту херсонцев...

Та война не идёт из меня, продираясь
Криком мёртвых детей в городах и на трассах...
Слушаю аэродром – душой надрываюсь:
Возраст мой вышел, но в чувствах я – на Донбассе.

* * *

*Памяти командира батальона «Спарта»
Владимира Жоги с позывным «Воха»*

Погиб товарищ Воха...
Война – часть бытия.
Но Вохина эпоха
Жива, как и земля.

Гордится Волноваха
И знает весь Донбасс,
Что честь сильнее страха,
А подвиг – ради нас.

Тут родина – не доллар,
А счастье – не безвиз...
И смерти нет у долга,
Когда и смерть – за жизнь.

В боях мужает племя.
И каждый – Вохе брат...
Они штурмуют время,
И с ними – их комбат!

* * *

Спит Мариуполь – былинный герой.
Берег ласкает азовский прибой.
Краны в порту громыхнут иногда –
С рейда гудком отзовутся суда.
Звёзды баюкает в небе луна.
В степь за курган откатилась война.

Лишь в катакомбах завода густы
Запахи пороха и наркоты.
Спит Мариуполь – без мин и боёв.
Бездной зияют глазницы домов.
Жизнь продолжается. Жизнь не убьёшь.
Высохнут слёзы, как утренний дождь.
Город очистят от ран и руин
Жители, воины – все как один.
– Тихо-то как, – выдыхает старик
Возле подъезда, – совсем ведь отвык...
А за углом, где сирени кусты,
Парень с девчонкою строят мечты.
Соорудили из веток скамью.
– Любишь – признайся?
– Да, очень люблю!

Спит Мариуполь... От счастья вольна,
Плещется в берег без страха волна.

* * *

Ночь вымерит взглядом комбата
Посты, снаряжение, танки
И ляжет солдатским бушлатом
На стылое тело землянки.

И выпорхнет сердце за бруствер
Случайной испуганной птицей.
И звёзды вползут по-пластунски
В траншеи, чтоб в них закрепиться.

И месяц – космический коптер,
Мелькнув отражением в луже,
В мгновениях правды окопной,
Как все, уповаает на дружбу.

Он верит в победу и Бога,
И в крестик под тёплой тельняшкой,
И что отоспится немного
Наутро в соседнем овражке.

А дальше – как будет, так будет.
Вернётся заря из разведки...
Война – вереница из буден
С забытой в бушлате конфеткой.

* * *

Вдох – на выдох и выдох – на вдох.
Дышим, дышим, и значит – живём.
Ветры сеют свинцовый горох,
Превращая Донбасс в смертозём.

В ветрах – гарь, хоть хватай горстьми.
В хатах рыщет спецназ сквозняка...
У калитки мальчик лет восьми
Укрывает под курткой щенка.

Дышим, мать твою, дышим в такт!
Нам дышалка в сраженьях – как Спас.
Сердце – сорванный танковый трак
Под огнём с терриконовых трасс.

Вёсны будут, и будет тут сев.
Ты погодь-ка, дружок-ячменёк!..
С гранатомётом на холм присев,
Дышит через прицел паренёк.

Он оставил за Доном поля,
Для него страда сегодня – война.
Он-то знает, как дышит земля
И как стонет от боли она.

Вдох – на выдох... И новый вот вдох...
В счастье – выдохнем, в горе – вздохнём.
Слушай землю, пока не оглох:
Не помёрла... И мы не помрём!

* * *

Время ты, времечко – прялка бабуси.
Что ни случилось бы – ссучена нить.
– Кончу куделю – другою займуся:
Зиму-то надо хоть как пережить!..

От Покрова и до Пасхи Христовой
Крутится, вертится веретено.
– Будет бойцам на Донбассе обнова...
Было ж такое, пускай и давно!

Нет перерыва у прялки бабуси.
Что ни куделька – Господен ей суд...

Овцы – в хлеву, в палисаднике – гуси:
Хлопают крыльями – время пасут.

– Бабушка, хватит, устала, наверно!
Можно ли днями сучить да мотать?..
Русское время – бабусина вера
И в Иисуса, и в Родину-мать.

* * *

Дождаться апреля – и к предкам
Поехать на родину. Там
Синицей докучной соседка
Вспорхнётся – и рада гостям.

Поманит крылами к погосту,
К родительским тихим крестам.
– Куды дольше жить – девяносто?!
Избави Господь, чтоб до ста...

И выплеснет жалость рекою
Из чуткого сердца она:
– Вон горе-то нонче какое,
Как в нашенском детстве – война!

Одна я на целой серёдке,
Других не осталось годков.
Недавно помёр и Серёнька –
Последний из всех мужиков...

Спасибочки, птица-синица,
За светлые в грусти часы,
Что есть нам куда возвратиться
Из чёрной своей полосы!

Уличный гармонист

На углу Комиссаржевской,
Вдоль пилястр кинотеатра
Ходит люд, мужской и женский,
То туда, а то обратно.

Ходит, думает о всяком,
О плохом, и о хорошем,

И о том – пора бы слякоть
Заменить уже порошей...

В перекрестье судеб встречных
В тёмной курточке кургузой
Гармонист поёт сердечно
Песни бывшего Союза.

Токарь высшего разряда
С оборонного концерна
В горбачёвскую разрядку
Для державы стал не ценным.

Слава улиц – мёда ложка.
Нет обид на век коварный.
Даже рад, что на гармошку
Поменял станок токарный.

Он по кнопочкам пройдётся
И зальётся баритоном.
На столбе фонарь качнётся,
Вспыхнет ярче на полтона.

Мастер уличного пенья
Ладит гаммы, как детали,
В общей массе – для веселья
И отдельно – для печали.

Сохранил он честь и душу,
Пережил позор и беды...
– Спой-ка, батя, про Катюшу...
– Не-е, сперва про День Победы!

* * *

Мой век – не глашатай,
Но в чём-то – предтеча.
В армейском бушлате
Шагнул нам навстречу.

На плечи саженьи
Примерил тельняшку:
Готова к сраженью
Душа нараспашку.

Век мог бы в Европе
Пить пиво со шнапсом,
Но выбрал окопы
И правду донбассцев.

И бабушкин дворик,
И мудрость училки...
Был в веке том Дворжак,
И Рубенс, и Рильке.

В нём равно творили
Бетховен, Россини...
Мой век отменили
В отместку России.

Простите их, Гейне,
Да Винчи и Гойя!
Вы тоже – в отмене,
Навылет – без боя.

А в русском сюжете
Мелькнёт простодушно
Под бронезилетом
Обложка «А. Пушкин».

В минуты затишья
С блиндажной истомой
Читаем (чтоб слышно!)
Потрёпанный томик.

И кто-то не сдержит
Себя и в ударе
Чайковского врежет
(До слёз!) на гитаре.

Притихнут опушки
У поймы днепровской...
Мой век – это Пушкин,
А также – Чайковский!

Максим БЕССОНОВ

Я всматриваюсь в белый потолок

Стихи

* * *

Но ни к чему здесь, в бреду сермяжном,
не понимая, где верх, где низ,
пенять на то, что и я однажды
вдруг всем нутром осознаю жизнь,

как только между тобой и ложью
вдруг брызнет небо и бросит в дрожь,
я попытаюсь и подытожу.
Но что итоги? – Цена им грош.

На том и баста. Берите выше.
Я был и не был. Я там и здесь.
И не ушёл я – за хлебом вышел.
И слава Богу, не вышел весь.

* * *

История войны на обороте
невзрачной пачки чая «Краснодарский».
Реклама тоже в некотором роде –
история. Райончик пролетарский
посёлка полугородского типа,
где тыкают в лицо, но чаще – в спину.
Сейчас сирень цветёт. В июне – липа.
Всё органично. Тихо. Чин по чину.

Но кажется: весь мир – дыра сквозная,
когда ветра гуляют по площадке
и дети в шапках в середине мая;
им вообще, мне кажется, несладко
в посёлке полугородского типа.
Пойдем в «Магнит», на чай и кофе – скидки.
История страны – сирень и липа.
Парадоксального у нас всегда в избытке.

Заварим чай, на пачке читаем
о том, чего нигде мы не узнаем.

* * *

Вокруг меня чугунная ограда.
Со мной всё чаще говорят на «вы».
Несут цветы, которых мне не надо, –
они растут у ног и головы.

Деревья надо мною крючковаты.
Внутри ограды мир предельно прост.
Плывут по небу клочья белой ваты,
предвосхищая мой карьерный рост.

Я помню всё, что было не со мною,
и говорю на странном языке,
порыву ветра гулким эхом вторю,
как тихой песне где-то вдалеке.

* * *

Вот-вот и лопнет небо, а пока
я всматриваюсь в белый потолок.
И нет пощады мне от потолка,
и мысли нет забиться в уголок.

Не по себе, когда звучит арта,
когда летит и оставляет след.
Но смерти не случится никогда,
всё потому, что в жизни смерти нет.

Я жизнь прожил, ругаясь и браня
весь белый свет, не думая о том,
что за меня, конкретно за меня,
хлопочут парни каждым Божьим днём,

пока я изучаю потолок,
пока растёт мой сын не по годам.
Я никогда не буду одинок.
И вы не одиноки никогда.

* * *

Посмотри: как ни в чём не бывало
Будто снится (читай: понарошку)
В изобилии мясо и сало.
Хоть надежда одна – на картошку.

Но сейчас не об этом, братишка,
сомневаюсь. И в этом проблема.
Слишком быстро и точно слишком
мир скопирован в буфер обмена.

И, ничтоже сумняшеся, вспомню
я про золото, ладан и смирну.
И пойду, как по минному полю,
по такому недолгому миру.

* * *

Посадки вдоль дороги. Буераки.
В пустой колодец смотрит журавель.
Что полстраны для бешеной собаки?
Пойдём со мной за тридевять земель:

все тут как тут, и нам теперь всё можно.
Договоримся. Каждый в этом спец.
Работает небесная таможня.
И на руках билет в один конец.

* * *

Я теперь никогда не устану.
Отфильтрованный воздух вдохну:
буду ждать, но уже не застаю
никакую другую страну.

Буду верить в бессмертие павших
без царя в голове при царе.

Да ещё в плодородие пашни,
если снега полно в январе.

И потом я по-прежнему буду
пить и есть, говорить и молчать,
и судьбу-одиночку, прибуду,
я признаю за крёстную мать.

Я не знаю, что будет в финале,
но шумит у подъезда шпана,
умножаются кошки в подвале,
и черёмухой сыплет весна.

* * *

Я жил, как все, и жил.
Вопросы были, но
не то чтобы во лжи –
со всеми заодно.

И, выбирая из,
спустя немало лет,
я вижу, что карниз –
подобье эполет.

...горланил в ночь петух,
и цепью пёс гремел.
Я выбирал из двух
и выбрал, что хотел,

но глянешь из окна,
фонарь глотает свет.
И, кажется, зима
закончилась.
Ан нет.

Он жил в ожидании чуда

Очерк к 75-летию поэта и журналиста Валерия Маркова

Имя Валерия Маркова нередко можно было увидеть на страницах тамбовских газет и в прошлом веке, и в нынешнем. Он выступал как автор статей и очерков, стихотворений на самые разные темы. И всегда читатель чувствовал, что написано всё неравнодушным пером.

Поэт и журналист, член Союза писателей и член Союза журналистов России Валерий Марков родился 5 июня 1948 года в селе Петровское Сампурского района Тамбовской области. Окончил Тамбовский государственный педагогический институт. Работал в партийных и государственных органах. Основная деятельность – журналистика: много лет Валерий Александрович отдал газетной работе, был заместителем главного редактора областной газеты «Тамбовская жизнь».

С поэтическими произведениями Валерий Марков начал выступать в печати с 1994 года. Его стихи публиковались в областных, городских и районных газетах, в коллективных сборниках, альманахах. В 1998 году в Тамбове вышел его первый сборник «Очень хочется добра» со вступительным словом журналиста Ивана Игнатьевича Овсянникова, который отметил особое видение автором окружающей действительности – именно поэтическое: «Стихи Валерия Маркова на первый взгляд просты, в них нет вычурности, нарочитости, они естественны, как дыхание... и вместе с тем он на мир смотрит остро. Не через розовые очки, умеет подмечать скрытые связи между вещами и явлениями... Его эпитеты просты, точны. Они не задерживают нашего внимания, но делают своё дело, вызывают определённые ассоциации, воздействуют на наше воображение, помогают нам дорисовать целостную картину...»

Валерий
МАРКОВ

В 2001-2007-м изданы ещё три сборника, дающие возможность более полно представить жизнь и творчество автора, потому что его произведения – это своеобразный поэтический автопортрет.

Мимо поэта ничто не проходит бесследно. Он способен и бытовое явление так обставить с помощью «инструментов стихосложения», что порой невольно восклицаешь: «Вот это да!» Кто из нас не видел чужого горя и не испытал своего? Встретишь человека в трауре – и сердце сожмётся: как, чем помочь? Валерий Марков в несколько поэтических строк вместил впечатление от подобной встречи:

Баба летит на крыльях плаща,
Горе по улицам полоща.
Траур чернее, чем чёрная ночь.
В горе горючем как бедной помочь?

А сколько стихов написано этим поэтом о войне! Кажется: ну что нового можно сказать на эту тему? Валерий Марков нашёл свои, незаёмные слова о трагических событиях в истории страны. Он знает войну «через память отцов, по взрывам на киноэкране». Что же тревожит его? То, что он сам не был участником боёв, «травой не пророс, не встал на века, воплощённый в гранит». И не раз поэт задавал себе вопрос: «Кто вместо меня в той атаке убит?»

В стихотворении «Не сокращайте!» нельзя не ощутить и не разделить боли и возмущения автора в связи с тем, что в последнее время вместо гордого и скорбного «Великая Отечественная война» мы читаем кургузое «ВОВ»:

Сократили без оглядки.
Что же, легче стало жить?
А число смертей солдатских
Разве можно сократить?

Разве можно так утешить
Миллионы тихих вдов?
Ведь для них же, как насмешка,
Сокращенье это – ВОВ.

Нравнодушие ко всему происходящему – качество, необходимое для поэта. Таков был Валерий Марков. В стихах он скорбит по рано ушедшему в мир иной поэту, огорчается, когда видит сломанное дерево. Но многое и радует его: природа родного края, речка Плавица, Святое озеро... Он не требует от жизни невозможного, не желает громкой славы: «Мне бы неба голубого, // Да чтоб к сроку ливень-дождь; // Мне б всего того земного, // Что за деньги не возьмёшь».

Поэт убеждён, что истинное богатство – во внутреннем содержании человека. Он раскрывает читателю тайники своей души и верит, что будет понят. Немало грустного в стихах Валерия Маркова, но ощущение мира у него светлое: «Хоть не растает снег седин, // Застыл он горькою порошей, // Я рад, что в жизни – не один, // Что я – среди людей хороших».

Трогательным отношением к женщине, любовью и заботой полны лирические стихи Валерия Маркова:

Наш грешный мир, друзья, не сгинет,
И в душах будет чистота, –
Пока есть женщины-богини
И неземная красота.

Один из своих сборников Валерий Марков назвал так: «Живу в ожидании чуда» (Тамбов, 2008). И это ожидание вдохновляло его на создание пронзительных по своему лиризму стихотворений. В предисловии к этой книге профессор Владимир Пеньков писал: «Поэзия – удел смелых. Смелых не только в формах самовыражения, но, что гораздо важнее, – в открытости души... Писание стихов для Валерия Маркова, убеждён, – это не просто пребывание в некой творческой прострации, технологический процесс рифмования, а работа души, результатом которой становится образное полотно, сотканное из пережитого и прочувствованного...»

Немало стихов написано Валерием Марковым о родном Сампурском районе. Он часто бывал там, с благодарностью вспоминал детские годы, проведённые в живописных сельских местах...

Тополя, берёзки
Вдоль дорог, полей –
Красота неброская
Родины моей.

Родины не брошенной,
Милой с малых лет,
Самой расхорошей,
Лучше просто нет...

Песней даль обнимем,
Хлебные края.
В сердце твоё имя,
Родина моя.

Поэт откликался на каждое значительное событие в жизни страны и Тамбовской области. Он присутствовал при открытии мемориальных досок и памятников выдающимся людям, связанным с нашим краем. И не просто присутствовал, он говорил своё эмоциональное слово поэта и гражданина, неравнодушного к происходящему. Вот только один пример – открытие памятника Гавриле Романовичу Державину. Точная дата этого события – 16 июля 1994 года. Одним из волнующих моментов стало тогда авторское исполнение Валерием Марковым стихотворения, написанного специально к этому торжеству:

Как волн морских, упругий всплеск холста:
«Старик Державин», право, не старик:
Торжественный и благородный лик,
И зоркий взгляд, и властные уста.

Таким он к нам пришёл через века –
Радетель, просветитель и пиит,
И облик его как бы говорит:
«У скульптора искусная рука,
Да и у города достойный вид...»

Звучат похвально речи в микрофон:
Наместником был даровитым он –
Открыл театр, газету, водовод,
Старался, чтобы лучше жил народ...

Что памятник ему?! Когда строка
Его звучна, и он – большой поэт!
Бюст нужен нам – живём пока,
Чтоб связь была его и наших лет,

Чтоб помнили Отчизны славный путь,
Чтобы она всегда была крепка...
Стоит он в бронзе, ветры дуют в грудь, –
Россия есть и будет на века.

Журналист и поэт, заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат областной премии имени А.К. Воронского, Валерий Марков продолжал активную творческую деятельность до последних дней своей жизни. Он скоропостижно скончался 20 марта 2022 года в Тамбове, оставив после себя большое поэтическое наследие.

Тамбовский танк

*Тамбовским колхозникам – инициаторам
сбора средств на танковую колонну*

В старинном городе Тамбове
Поставлен танк на пьедестал...
К нему относятся с любовью:
Он символом Победы стал.

...В почин включились всенародно,
Фашизм отчаянно кляня,

Порой холодной и голодной –
И родилась гроза-колонна,
Та легендарная броня.

Берлин брала «тридцатьчетвёрка»,
Сражался храбро экипаж...
И знали мы со школы твёрдо –
Тот танк – родной, тамбовский, наш!

Цветы ложатся к монументу,
Бутоны роз, как ордена.
И не гадали до момента,
Что повторятся времена.

Нацизма признаки ожили,
О как же память коротка!..
И те, с кем мы вчера дружили,
С другого смотрят бережка.

У них теперь иные марши,
И цвет иной теперь знамён...
А как же слёзы, жертвы наши?
Их миллионы – тех имён!..

Валентина ДОРОЖКИНА,
член Союза писателей России

Юрий РАССТЕГАЕВ

Тороплюсь за своей судьбой

Рассказы

* * *

Первое сентября. Лучистое, совсем ещё летнее солнышко ласково глядит с небес, будто улыбается. Повзрослевшие, нарядные, подтянувшиеся за лето ребята спешат в школу. Чувствуется особая праздничная атмосфера.

На каждом перекрестке – бдительные стражи порядка с ГАИшными жезлами, в белых форменных рубашках, с пистолетом на боку. Водители, завидев их, снижают скорость, да и ребятя не озорует, осторожно переходит улицу в положенном месте.

Летние каникулы кончились, пора приниматься и за учёбу. Но это будет завтра, а нынче – праздник. Прекрасный праздник – День знаний!

Современные школьники – удивительный народ: смыслённые, эрудированные, всезнающие. За словом в карман не полезут, не испугаются любому взрослому фору дать и в разговоре, и в воспитании, и в знаниях. Но почему-то от многих своих сверстников часто слышу: не та нынче молодёжь пошла. Вот мы в наше время... А задашь вопрос: в чём не та? И не найдутся что ответить. Выходит, что та! По крайней мере, я так считаю.

А время тоже у каждого свое, неповторимое, присущее только его поколению. Взять хотя бы героическую составляющую. Их прадеды Великую Отечественную войну преодолели, деды целину осваивали, отцам Афган и другие «горячие точки» достались. А что современным юнцам предстоит, время покажет. Каждому своё, хотя, конечно, и много общего имеется. Например, чувство патриотизма, любви, героизма, романтики. Без этого во все времена настоящая жизнь немислима.

То, что старичьё ворчит, так это понятно. Молодость не воротишь, остаётся одно – завидовать юному поколению. Если по большому счёту сказать, я тоже ворчу. Не нравится мне, что молодёжь нынче слишком уж на «запад» повер-

нута. К их «идеалам», вопреки нашему русскому, льнёт: доллар и евро – мерило всего и вся! И говор иноязычный, русский язык засоряющий, не приемлю: иес, хеллоу, ноу проблем. А уж про матерщину и говорить нечего! Мы по-другому воспитаны: взаимоуважение, взаимовыручка, братство, чувство собственного достоинства. Есть ли всё это у нынешней молодёжи?

Не нравится мне, что интерес к чтению книг нынче потерян, всё больше телевидение, компьютер-интернет в ходу. А если что и читают, так в основном литературные дешёвки детективно-эротического плана. Виданное ли дело, «Война и мир» в пять страниц ужимается! Спрашиваю соседского парнишку: «Ты «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова читал?» Слышу в ответ: «Смотрел!»

Да и система современного образования космополитична, на тестировании зациклена. Живое общение учителя и ученика подменяется казёнщиной, крестиками-ноликами, акцентированием внимания на мелочах. Ответят, какого цвета носки были на графе Толстом, когда он по Ясной поляне бродил. А в душу умирающего Андрея Болконского заглянуть забудут. Вот и получается, как в басне Крылова: слона-то современные ученики частенько не примечают.

Конечно же, молодёжь нынче не та. Да и не может такого быть, чтобы одно поколение было абсолютно похоже на другое. Закон диалектики, тургеневский конфликт отцов и детей ещё в школе проходили. И надо честно признать тот факт, что современные дети по уровню развития и мышления намного превосходят нас, тех, которые много лет назад были их сверстниками.

Взять хотя бы мою внучку, Маринку. Совсем ещё ребёнок, ей в школу только через два года идти. Но уже сейчас и мобильный телефон освоила, и с компьютером на «ты». Машину сама водит, сидя у отца на коленях. Совсем недавно научилась играть в шашки и шахматы, а уже с дедом на равных. Считает до ста, пишет печатными буквами. Читает, стараемся подбирать ей книги из замечательной отечественной детской классики. Учит английский, да ещё и наставляет: «Тут, дедушка, этот звук твёрдо произносится».

Да разве мы такими развитыми росли? Припомнились мои первые школьные денёчки...

Первый раз в первый класс

Читать Юрка не умел, поэтому, когда увидел на фасаде школы красное полотнище с белыми аршинными буквами, спросил:

– Мам, а что это такое красивое нарисовано?

Мать медленно, нараспев, прочитала: «Отличной учёбой встретим сороковую годовщину Великого Октября!» Тут же пояснила:

– Понимаешь, Юра, тракторист в поле должен к празднику земли вспахать свыше обычной нормы. Шахтёр Алексей Стаханов, я тебе книжку читала, вон сколько уголька нарубал! Тоже к красной дате постарался. Летчик – самолёты водит, а твой главный труд теперь учёба. Будешь хорошо учиться, значит, любишь свою Родину.

– А если не буду?

– Тогда тебе поставят плохие оценки: три, два или даже единицу. Тебе это понравится?

Юрка задумался.

– А что это такое: «Великого Октября»?

– Великий, значит, очень большой, – пояснила мать. – А октябрь – это осенний месяц. Помнишь времена года: зима, лето, осень, весна? Будешь учиться, сам всё узнаешь и поймёшь.

– Значит, октябрь – самый большой месяц в году, – неожиданно подытожил Юрка и робко шагнул вслед за матерью на порог храма науки.

Школьное здание по форме напоминало старый, сгорбившийся от времени буквой «Г» сарай. В торце – учительская, к ней примыкал коридор и несколько классов.

В каждой комнате главное место занимала топившаяся углём и дровами печь. На передней стенке на двух огромных кованых костылях висела обшарпанная доска, рядом с которой уютился учительский стол и стул. Всё остальное пространство оккупировали парты, за которые можно было усадить человек сорок учеников, и прибитые к стене самодельные вешалки для пальто. На высоких незашторенных окнах – цветы в горшочках. Класс освещался двумя электрическими лампочками, питающимися от заводского дизеля.

В коридоре на обшитом дерматином стуле пузатился бачок с водой, оборудованный повёрнутым кверху и надраенным до блеска краником с соском. Вода фонтанировала из него тонкой струйкой, и можно было утолить жажду, не прикасаясь губами к его холодной, запотевшей бронзе.

Туалет располагался на улице метрах в ста от школы, и каждую перемену ученики, не одеваясь даже в лютый мороз, слетались сюда весёлой стайкой. Мальчики налево, девочки направо. Учительские «удобства» находились тут же неподалёку, но выглядели значительно скромнее в размерах. Зато были окрашены в вызывающий ярко-зелёный цвет.

Учебных мест не хватало, потому занимались в три смены. Но всё равно старшеклассникам приходилось мучиться в так называемых «дикарках» – арендованных у частных домовладельцев отдельных домах и горницах, в которых проводились уроки.

Юрка на всю жизнь запомнил свой самый первый учебный день. Урок русского языка. Учительница Анастасия Андреевна выдала задание: писать палочки и крючки. Делать это надо было аккуратно, ровненько, выводить округлости плавно, с ровным нажимом. Образец она показала на доске и строго-настрого предупредила:

– Перьями-скелетиками пользоваться запрещаю, ими нормальный нажим не обеспечишь. Надо хороший почерк вырабатывать, а не писать, как курица лапой! Ведь это на всю жизнь. Недаром говорится: что написано пером – не вырубишь топором!

Юрка достал новенькую тетрадку в косую линейку, подстелил под руку промокашку и, волнуясь, приступил к выполнению первого в своей жизни задания. Он аккуратно тыкал деревянной ручкой в чернильницу-непроливашку,

медленно подносил перо к бумаге. Высунув от усердия язык, старался как можно ровнее вести линию. Но рука не слушалась, палочки выходили слегка волнистыми, как море в ветреную погоду. Перо номер тридцать шесть натруженно скрипело, выводя каракули. О наклоне даже речи не шло, частокол палочек и крючочков валился то на левый, то на правый бок, напоминая ограду палисада бесшабашного хозяина. Оказывается, какая это мука – выписывать на бумаге ровные рядки чернильных близняшек!

На уроке рисования изображали морковку. Оранжевым карандашом – плод, зелёным – ветвистую косу. Юрка дорисовал на корнеплоде две точки, палочку и загогулилку уголками вверх. Получился улыбчивый человечек с конусообразной макушкой и кучерявистой изумрудной причёской.

К всеобщему неудовольствию, положенный по расписанию урок физкультуры учительница отменила. Вновь писали крючочки и палочки, но уже по чистописанию. Затекли пальцы рук, от долгого сиденья на жёсткой скамье болела спина и всё то, что пониже спины. В довершение всего Юрка уронил на страницу жирную фиолетовую кляксу. Он принялся с помощью промокашки бороться со своей оплошностью, но благодаря его стараниям клякса ещё больше расплылась и напоминала пиратский остров. Прилежный ученик достал сшитую из тряпичных кружочков перочистку с перламутровой пуговицей, тщательно вытер перо и хотел убрать ручку в пенал. Но передумал и старательно обвёл чернилами контур острова. Получилось красиво.

На другой день учительница раздала тетради после проверки. Юрка с замиранием сердца приоткрыл обложку – рядом с островом плавала витиеватая, напоминающая гуся двойка. И по русскому языку его успехи выглядели весьма плачевно. А в альбоме по рисованию красовался кол. Он был красным от злости, чрезвычайно носат, подчёркнут снизу поперечной чертой, и напоминал крючок для выдёргивания сена из омета.

Анастасия Андреевна, окинув строгим взором класс, произнесла свою любимую фразу:

– Повторение – мать учения! Сегодня, дети, мы будем делать то же самое, что и вчера. Урок труда отменяется, вместо него будем работать над ошибками! Те, у кого двойка, пусть вновь перепишут задание от начала и до конца. Всем всё ясно?

Юрка поднял руку.

– Что случилось, Расстегаев?

– Анастасия Андреевна, а мне что делать? У меня две двойки и кол!

Класс взорвался от хохота.

– Ты, Расстегаев, великий писака! Ай, люли малина! Чёртиков рисовать удумал! Вижу, с тобой не соскучишься, придётся помучиться! Останешься после уроков. А вот Зина Жукова может идти, у неё все пятёрки.

Юрка пришёл домой, молча протянул матери тетрадки и альбом для рисования. Невесело заявил:

– Знаешь, маманя, получается, не люблю я свою Родину.

Строительство современного по тогдашним меркам двухэтажного здания школы шло к концу, и на переменах пацаны постарше бегали к отделочникам «стрельнуть чинарик». Вероятность быть застуканными за курением здесь была гораздо ниже, чем в туалете. Все знали, что директор школы по кличке Бульдог был ярым врагом курильщиков. Он специально вёл охоту на любителей затянуться дымком. Выслеживание злоумышленников вызывало в нём особый, спортивный интерес. Было одновременно и развлечением, и борьбой за укрепление школьной дисциплины. Вопреки всем педагогическим канонам, он выворачивал провинившемуся уши, обшаривал карманы, изымал сигареты и спички. Невзирая на дикий ор пойманной жертвы, который было слышно далеко за пределами школьного двора, отпускал здоровенный пинчище и напутствовал:

– Бросай курить, истукан! (Это было его любимым обращением.) Ведь ты же спалишь всю школу! Завтра – с родителями, задвохлик! (Тоже заветное словечко.)

Но, несмотря на директорские чудачества, ученики его любили, а учителя уважали.

Как-то на большой перемене Юрка вместе с третьеклассниками отправился курнуть в новую школу. Ему льстило, что старшие ребята приняли его в свою компанию, выдали, как стоящему, длинную папироску «Беломора». До этого он никогда не курил, и ему было одновременно и любопытно и боязно. Юрка затягивался не «в себя», пускал ртом сизоватый дым. Страхивал пепел постукиванием указательного пальца, что считалось особым шиком. Подражал друзьям, которые, несмотря на юный возраст, были уже курцами со стажем.

– Ты чего это, шкет, папироску говняешь, переводишь добро?! Давай взятжку кури, чтобы кайф поймать! Вот так надо, – учил долговязый второгодник по кличке Бориса.

Юрка втянул в лёгкие обжигающий дым, закашлялся, судорожно схватился за горло, которое будто сдавило силком. Он побледнел, выронил сигарету, закатил кверху глаза и разразился сухим отрывистым кашлем.

– Тоже мне, молокосос! А ещё курить лезет! – возмутился Бориса. – Пойдём, ребята, а то на урок опоздаем. Оклемается, по первости с каждым бывает.

Третьеклассники весёлой стайкой выпорхнули из двери и помчались в класс, а Юрка никак не мог отдышаться. Он стоял под лестницей между первым и вторым этажом и медленно приходил в себя.

– Ты что это, парень, будто аршин проглотил? – спросил проходящий мимо чумазый маляр. – Плохо тебе, что ли? Проводить? Ты из какого класса?

Юрка отрицательно закрутил головой.

– Не надо, дяденька, я сам.

Урок давно начался, а Юрка блуждал по незнакомым школьным закоулкам, пытаясь найти выход из здания. Он уже дважды обошёл первый этаж: коридор, раздевалку, пахнущие свежей краской классы, но отыскать входную дверь так и не смог. От безысходности он готов был заплакать, но неожиданно его осенило. Он поднялся на второй этаж, где трудились отделочники, отыскал знакомого маляра, стеснительно попросил:

– Дяденька, выпустите меня отсюда, пожалуйста! Я заблудился!

– А, это ты, – признал его маляр. – Где тут блудить-то, в двух соснах.

Он слез с лесов, взял Юрку за руку и подвёл к вестибюлю.

– Ну, вот она, дверь! Гуляй, мелкая ты шмокодявочка!

Юрка ринулся в класс.

– Ты где это шляешься? Уже пол-урока прошло! – строго поинтересовалась учительница.

– Он в сортир провалился, – громко хохотнул рыжеватый одноклассник по кличке Сопля. Юрка беззлобно погрозил пересмешнику кулаком.

Сопля пользовался авторитетом в классе, поскольку был мастаком по части срыва занятий. То принесёт смердящую крысу, то закроет задвижку на трубе и напустит полную комнату угарного газа. То вставит промокашку под цоколь лампочки – попробуй, догадайся, почему не горит свет? Однажды приволок кусочек серы и бросил в поддувало печки. Первоклашки шмыгали носами, крутили головами, силясь понять, откуда идёт ужасная вонь. А потом дня три приходили в себя. После этого случая Соплю чуть не исключили из школы.

Правда, иногда рыжему доставалось ни за что, ни про что. Дизель заерундит или станет на профилактику, а директор Соплю школит: «Ты, задвохлик, опять свет отключил! Истукан, уроки в третью смену сорвал!»

Класс наполнился шутками и весельем. Юрка хотел что-то объяснить преподавателю, но та перебила его:

– Твой лепет, Расстегаев, я выслушивать не намерена. Проходи, садись и больше не опаздывай! А в наказание за свой проступок донесёшь мне сегодня после уроков сумочку с тетрадками до дома.

Занятия закончились. По пыльной деревенской улице важно вышагивала сельский педагог Анастасия Андреевна. Позади неё тащился проштрафившийся Юрка с тяжелой сумкой в руках.

Курить он больше никогда не пробовал.

Гегель, Фейербах и прочие

Слякотным летним утром я как обычно шёл на работу. Неожиданно услышал за спиной странный звук, напоминающий рёв реактивного самолёта. Я испуганно оглянулся: по улице с невероятной скоростью мчалась иномарка, разбрызгивая по сторонам жидкую грязь. Из салона неслись бухающие звуки тяжёлого рока. Еле-еле успев отпрянуть вглубь тротуара, выругался про себя: «Чёрт бы побрал! Летают, словно угорелые!»

Тонированные по кругу стёкла «Тойоты» непроницаемы для взора, но стекло передней двери было наполовину опущено, и мне удалось разглядеть сидящего за рулём стриженного чернявого парня. Рядом с ним беззаботно восседала юная блондинка лет восемнадцати с куклоподобным лицом. Девушка выставила в окно лебединый локоток и легким движением руки швырнула на асфальт пакет от мороженого. Стекло плавно поползло вверх, скрыв от постороннего взора водителя и его попутчицу.

Проехав метров сто, машина остановилась. Из салона грациозно выпорхнула любительница крем-брюле, поправила сползшую с изящного плечика сумочку и неспешно зашагала по тротуару, дробя каблучками асфальт. Выглядела она ослепительно: модная причёска, туфли на шпильках, со вкусом подобранная одежда. Высокий рост не только не портил фигуры, но ещё более подчеркивал её красоту. Просто Барби, и всё тут!

Я поравнялся с девушкой, недовольство моё само собой улеглось. Больше для порядка высказался:

– Что ж это муж ваш нарушает правила? Чуть грязью не окатил. Пришлось бы переодеваться, на работу опаздывать... И вы тоже хороши, из окошка мусор выбрасывать.

Девушка нисколько не смутилась, не покраснела.

– Это не муж, а мой парень. Он только недавно права получил, – преспокойно бросила она на ходу, почти не взглянув в мою сторону.

Мы молча дошли до улицы Максима Горького, и здесь наши пути разошлись.

Спустя неделю примерно на том же месте меня вновь обогнала роскошная иномарка. Высадила юную пассажирку и мигом умчалась. Мы поздоровались уже как старые знакомые. Пока дошли до перекрёстка, девушка рассказала о себе.

Зовут Света. В этот микрорайон переехали недавно. Родители бизнесмены, свой магазин имеют. Купили новую пятикомнатную квартиру, отделали под «евро». В семье двое – брат, пятикурсник истфака, и она. Студентка, оканчивает первый курс университета, будущий инженер-программист. С поступлением никаких проблем – заплатили разом за все пять курсов. Особых увлечений нет, разве что музыку в баре послушать да в бильярдной шары погонять. Любит рок, попсу не признаёт. Про классику слыхом не слыхивала, даже кто такой Шопен не знает.

Живёт с парнем из порядочной семьи. Его отец лесопилку держит, продажей пиломатериалов на хлеб-масло зарабатывает. Мать бухгалтер в отцовской фирме. Владик на юриста обучается, скоро диплом получит.

– Официально оформить свои отношения не собираетесь?

– Пока вряд ли, – откровенно отвечает она на мой вопрос. – Да и зачем, когда можно всё проще решить: пожить, притереться. Если получится – одно, а не получится – совсем другое. Разошлись как корабли по разным причалам, и всё тут. Никто никому ничем не обязан.

– А как смотрят на ваши взаимоотношения родители? – вновь надоедаю я вопросом.

– Нормально смотрят, во всяком случае, на мозги не капают. Они продвинутые, с современным понятием. Да и мы им не мешаем. Живём отдельно, «родачки» Влада, кроме иномарки, подарили ему двухкомнатную квартиру. Деньжатами нас снабжают не хило. Живи и учись в своё удовольствие.

– Совесть не мучает? Вроде как своя семья, а оба на шее у родителей сидите...

– А вы что же, своим детям не помогаете?

– Да как сказать, помогаю, но ведь не до такой же степени. Мы с супругой, когда поженились, сами на жизнь зарабатывали, не тянули с родителей.

– Какой-то вы не современный. То были одни времена, а нынче жизнь по-иному строится. Безработица, сокращения, низкая зарплата. Молодежь нигде не нужна, на работу принимают людей с опытом, а как его приобретёшь при подобном отношении? Вот и гражданский брак вам не по нутру. А он, между прочим, у молодёжи в чести.

Я не нашёлся что ответить. Откровенничать с малознакомой особой не хотелось. Неожиданно Света спросила:

– Интересно, а как было в ваши годы? Как в институт поступали, как жили студенты?

Я обещал при случае рассказать. Мы дошли до того же самого перекрёстка и попрощались. Больше я эту девушку не встречал, но обещание, данное случайной попутчице, я всё же решил исполнить...

* * *

На последнем уроке учительница немецкого языка Наталия Алексеевна, классный руководитель десятого «А», вместо того, чтобы «шпрехен зи дойч», раздала анкеты и пояснила:

– Ребята, районо анкетирование среди старшеклассников проводит, выясняют, кто куда пойдёт после школы. В этом учебном году сразу два выпуска ожидается: десятый и одиннадцатый классы одновременно школу закончат. А это создаст дополнительные проблемы: в институты будет поступить труднее, и работу приличную отыскать. Вот и хочет страна о вас позаботиться, расширить количество рабочих мест на заводах и фабриках, приём в учебные заведения нашей необъятной Родины увеличить. Поэтому будьте предельно откровенны в ответах, ведь это во многом повлияет на правильность принятых правительством решений. Не забудьте поставить своё имя, фамилию и класс.

Вопросов в анкете было около двадцати, и как на них отвечать – задумаешься. Юрка сидел, по привычке грыз кончик самописки и размышлял над главным вопросом дальнейшей жизни: куда пойти учиться?

Данная проблема всплывала уже не раз. Родственники советовали поступать в пищевой или мясомолочный институт. «Вся зарплата наша в основном на еду уходит, а тут будешь «и сыт, и пьян, и нос в табаке», – наставляли они. – Да ещё все до копейки целёхоньки».

Большинство школьников, кто хорошо учился, мечтали стать инженерами. Профессия уважаемая, творческая, а главное, интересная. Можно и звездолёты конструировать, и хитрые приборчики, роботы. Поэтому Юрка ещё год назад решил – пойдёт в Московский ордена Ленина энергетический институт. Почему именно в энергетический, он и сам толком не знал. И честно написал об этом в анкете.

Неожиданно его вызвали к директору. Обычно «на ковёр» приглашали злостных нарушителей. Юрка шёл по коридору и недоумевал: чем он мог проштрафиться? В кабинете находились также завуч и классный руководитель.

– Ты, Расстегаев, ерундой не занимайся, – сразу же начала воспитательный процесс Наталия Алексеевна...

Но директор перебил её:

– Э-э-э, поведайте нам, молодой человек, почему вы решили ехать в столицу? Вам что, в Тамбове вузов мало: ТИХМ, педагогический... В Мичуринске два прекрасных института. Так нет, Москву подавай! Куда вас несёт? Или решили повыдедуливаться среди одноклассников? А знаний хватит, чтобы поступать в один из престижнейших вузов страны? Да там жена самого Маленкова много лет ректором была! Государство в государстве! Иностранцев полным-полно со всех концов света понаехало: из братской Кубы, Вьетнама, Камеруна, Зимбабве, Берега Слоновой Кости! А тут ты, нате вам, со свиным рылом, да в калашный ряд!

– По-вашему выходит, если у этой самой «слоновой кости» папа вождь, только вчера с пальмы спустился, то ему можно в Москву? А если мой простой бухгалтер, а мать уборщица – мне нельзя? – злобно огрызнулся Юрка.

– Пойми, Расстегаев, ведь мы же тебе добра желаем: провалишься на экзаменах, в армию загудишь. После армии не до учёбы будет, а ты парень не без способностей, по многим предметам на «четыре» и «пять» вытягиваешь.

Юрка молчал, упулившись в собственные башмаки, давно не видевшие сапожной щётки.

– Ну, зачем же так сразу всё в штыки воспринимаешь, – бросилась поддерживать директора завуч, – нет абсолютно никакой разницы, где учиться. Высшее образование есть высшее образование. А Москва – город дорогостоящий, расходов уйма. Как родители? Одобряют?

Юрка никогда не задумывался над этой стороной вопроса. Поэтому честно и откровенно признался:

– Пока о своей мечте я им не говорил.

– Вот видишь, надо советоваться со взрослыми. Подумай, время ещё есть, полгода впереди. Мы ни на чём не настаиваем, тебе самому решать. Но лучше синица в руке, чем журавль в небе, – подытожил разговор директор.

На московских улицах Юрка смотрелся нелепо. В сатиновой рубаше с длинными рукавами, шароварах и обутом на босую ногу дерматиновых комнатных тапочках он напоминал юного пионера, возвращающегося из загородного лагеря. Еще более нелепо выглядел фанерный отцовский дембельский чемодан, то и дело цеплявший прохожих своими острыми углами. Гость столицы утирал рукавом рубашки вспотевший лоб и с обречённостью каторжанина волочил поклажу от вокзального перрона Москва-Павелецкая до ближайшей станции метро.

– Куда прёшь, деревня! Понаехали тут! – шарахались от него спешащие на работу москвичи. Многие из них только вчера поселились в столице, не успели отделаться от презрительного прозвища «лимита», которым окрестили коренные москвичи иногородцев, но уже взирали на Юрку свысока.

В чемодане, кроме учебников, лежали завернутые в трусы паспорт, свидетельство о рождении, пахнущий типографской краской аттестат о среднем образовании. Почётное место занимали модные югославские ботинки, купленные

матерью на толкучке по случаю окончания школы, перелицованный шерстяной костюм с дядькиного плеча и белая нейлоновая рубашка, которую в жаркую погоду не наденешь. Тело в ней не «дышало» и было словно заковано в резиновый панцирь. Выданные матерью десять рублей единой красноватой купюрой с изображением вождя были спрятаны за отклеившуюся подкладку на крышке чемодана.

Юрка доехал на метро до станции «Бауманская», затем автобусом – до Красноказарменной улицы, на которой располагался главный корпус института. Отыскал в громадном административном здании кабинет с пугающим названием «Приёмная комиссия».

Документы у Юрки оказались в порядке, их приняла симпатичная барышня, видимо, аспирантка. На табличке, выставленной на столе, он прочитал фамилию: Тимашова Юлия Порфирьевна. Она выдала заявление, анкету абитуриента, поинтересовалась:

– Вы, молодой человек, на какой факультет собрались поступать?

Юрка растерялся, не знал что ответить.

– Их у нас пятнадцать, – с гордостью объявила член приёмной комиссии. – Кроме того, специальность по душе надо выбрать. Их на каждом факультете до десятка насчитывается. Вы кем хотите стать?

– Пойду на «автоматику и вычислительную технику». ЭВМ – это то, что надо! – заявил Юрка.

– Ну, прямо наказание какое-то! Все именно на эту специальность прут. Конкурс уже двадцать человек на место, а документы только-только принимать начали. К примеру, «промышленная электроника» чем хуже? А если честно признаться, самая интересная специальность в нашем вузе – это «атомные реакторы», за ними большое будущее! Или «автоматизированный электропривод»! Ведь без него ни один станок, ни один подъёмный кран не заработает, ни одна домна, ни один прокатный стан, ни одна бумагоделательная машина! Всё кругом остановится!

Юрка вспомнил, как показывали в кино завод. Бесконечные ремни вращали валы. Рабочие, словно Чарли-Чаплины, быстро-быстро перебежали от одного станка к другому. Кругом грохот, пыль, грязь, духотища! В его понятии электропривод – это и есть те самые ременные передачи, опутавшие щупальцами спрута весь цех. И здесь, в Москве, его будут учить создавать эти удушающие мёртвые петли-удавки? Ради чего пять с половиной лет учиться? Ради ремней?

– Нет, нет, только не привод! Уж если не автоматика, то запишите на конструирование электрических машин и аппаратов! – милостиво согласился он.

– Вот, это совершенно другое дело, – обрадовалась Юлия Порфирьевна, как будто вопрос о его приёме был уже решён.

В общежитие на Лефортовском валу его подселили к двум абитуриентам, которые жили в Москве уже неделю. Но в данный момент в комнате никого не было. Юрка выбрал свободную кровать, задвинул под неё чемодан, не раздеваясь, плюхнулся на серое одеяло из верблюжьей шерсти и провалился в глубокий сон. Проснулся он оттого, что кто-то беззастенчиво резко тормозил его за плечо:

– Проснись, абитура! Ну, и горазд же ты дрыхнуть! Вставай, а то магазин закроется! Нынче праздник – день рыбака!

У рыбаков своя звезда!
Звезда рыбацких сейнеров и шхун!
В лазурном небе в давние года
Её зажёт для них Нептун!

Гнусаво запел незнакомец, передёргивая струны гитары.

– И к «Петровичу» за пивом надо успеть. Между прочим, в бане на розлив самое лучшее пиво продают. Ты думаешь проставляться? Надо же обмыть знакомство и твоё москвичество. Меня Валеркой зовут. Прохоренкин, из Калинина. Для друзей – «Прохоряус».

Сквозь полуприкрытые сонные веки Юрка рассмотрел долговязого тощего парня, года на три постарше него. Прямые нечёсанные волосы неряшливо спадали чуть ли не до плеч. Угреватое маловыразительное лицо с тонкими ехидными губами и замутнёнными зеленоватыми глазками казалось неживым, схожим с мумией фараона Хеопса. Сосед по комнате вовсе не располагал к общению, но Юрка сделал над собой усилие, тоже представился:

– Юрка Расстегаев, из Тамбовской области. Посёлок Новая Ляда.

– Слыхали, знаем. Тамбовский волк. Есть ещё и Брянский, тоже волк. А название твоей деревни странное. Хотя почему странное, очень даже ничего звучит: «На Новой Ляде – одни б...и!» – взвыл он, фальшиво брякнув аккордом.

Прохоренкин зашёлся истерическим хохотом, и Юрка понял, что тот пьяный. У него неожиданно появилось большое желание врезать пересмешнику кулаком в зубы. В гнилые, прокуренные, жёлтые зубы. Но он вновь сдержал себя.

Прохоренкин между тем продолжал умничать:

– Юрий! Вы знакомы с эстетикой античности Гегеля? Не знакомы? Жаль! Поскольку внутреннее и идеальное перестаёт в античности быть загадкой, какой, по Гегелю, оно было на Востоке, и начинает выражать себя вовне, это значит, что художественным идеалом является для греков телесное, и притом человечески-телесное, изображение богов, то есть прекрасная индивидуальность или греческая скульптура периода классики. В этой конструкции телесной, скульптурной, божественной индивидуальности Гегель непобедим! Правильно я мыслю? Ну, скажи, правильно?

Кто такой Гегель, Юрка не знал. Он ничегошеньки не понял из высказываний Прохоряуса. Но уяснил одно: с этим странным, заумным человеком строить серьёзные взаимоотношения не стоит.

Под утро в комнате появился ещё один сосед. Он прокрался тихо, стараясь не шуметь, шмыгнул под одеяло и затих. Проснулся далеко за полдень. Прохоренкин в это время уже ушёл пить пиво, а Юрка, обложившись учебниками по литературе, сидел на кровати и готовился к сочинению. Оно стояло в расписании первым экзаменом.

– Роман Кергер, из Молдавии, – представился он. – Из Кишинёва. Ты заешь, какой это замечательный город! Прекрасный город: виноград, солнце,

футбольная команда «Нистру»! А какие девушки, смуглянки-молдаванки! Нет, я из Кишинёва – никуда! В Москву за просто так приехал. Отдохнуть, прошвырнуться по магазинам, ресторанам, отцовские деньги потранжирить. Он у меня замминистра лёгкой промышленности, большая шишка, когда-то вместе с самим Леонидом Ильичом работал! Мне плевать на институт, поживу здесь недельки две и обратно до дому подамся. Отец шибко хочет выучить меня да в своё министерство усадить. А я не рвусь, успеется! Пока молодой – погуляю всласть! А москвички ничего, девчонки – что надо! Вчера с такой кралей познакомился! Только утром выяснилось, что она из Бердичева приехала... Но я философски к жизни отношусь. Ты знаешь, что по этому поводу Людвиг Фейербах говорил? «Придавая ценность источнику жизни, я лишь в предмете своего сознания начинаю усматривать ту ценность, которую бессознательно придаю себе, своей жизни». Как сказано, как сказано! Ве-ли-ко-ле-пи-е мысли!

«Ещё один философ лёгкой жизни. Не много ли на мою голову? – подумал Юрка. – С такими мудрецами и кашу не сварить, и экзамены завалишь».

«Гегель» срезался на математике. Не мог решить плёвый, по Юркиным понятиям, пример по теории вероятности. «Прохоряус» ходил по общаге пьяный в драбан и жалостливо пел под гитару: «Прощай, любимый город, уходим завтра в море...» Собрав пожитки, он коротко бросил: «Ну, будь здоров, колхозник!» И навсегда исчез из Юркиной жизни.

Через неделю после отъезда «Гегеля» получил трояк по физике «Фейербах». С такой оценкой по профилирующему предмету даже речи о поступлении быть не могло. Ромка забрал документы из приёмной комиссии, но из общаги выписываться не торопился. Под вечер он исчезал, приходил утром навеселе и весь день отсыпался. Это вполне устраивало Юрку, поскольку молдавский прожигатель жизни не мешал ему готовиться к очередному экзамену.

Юрка, словно стайер, тонко и расчётливо вёл игру на выживание в одиночестве. Осталась позади математика, сданная им на две пятерки. Прошёл налегке физику, по которой оценка выглядела на балл скромнее. За сочинение по рублевой лирике Маяковского неожиданно для себя получил «трояк», из-за чего сильно расстроился. Впереди маячил иностранный язык, в котором он не смыслил ни бельмеса.

На консультации преподаватель немецкого языка Павел Ефимович Листиков, высокий седовласый красавец с женственными манерами и наманикюрованными ногтями, прямо заявил:

– Если вы, молодой человек, будете так отвечать на экзамене, то получите оценку только «три».

При этом он кокетливо поправлял модную, мало чем отличающуюся от женской, модельную стрижку.

В общежитии Юрка поделился своей болячкой с Кергером. Тот рассмеялся:

– Мир тесен! Знаком я с этим «немцем». В ресторане «Прага» встретились. Он на меня сразу запал, коньяком угощал. У них там весьма пикантный междусобойчик по интересам собирается. Номер своего телефона мне оставил.

Вот я ему сегодня вечерком звоночек насчёт тебя и устрою. Считай, что ты сдал этот экзамен. Только смотри, долг платежом красен. Станешь великим учёным, в своих мемуарах не забудь упомянуть, что цыганский еврей Ромка Кергер к твоей судьбе руку приложил.

По итогам вступительных экзаменов Юрка набрал четырнадцать целых семь десятых балла из шестнадцати возможных. В списках принятых на «электрические машины и аппараты» своей фамилии он не нашёл. Понурый, побрёл в приёмную комиссию, чтобы забрать документы. Тимашова сразу узнала его:

– Ну что, поздравляю с зачислением в институт! Я посмотрела, балл у тебя проходной. Теперь ты настоящий студент. А почему хмурый такой?

– Чему радоваться, в списках меня нет.

– Это какое-то недоразумение, должен быть. Ты хорошо смотрел?

– Раза три пробежал.

– А по другим специальностям смотрел? На факультете практикуется, если абитуриент подходящий, его с одной специальности на другую перебросить могут, где недобор. Ну-ка, пошли! Аспирантка, как маленького, взяла Юрку за руку.

У доски объявлений толпился народ. Кто откровенно радовался, не в силах сдержать эмоции. Кто огорчённо хмурил брови.

Фамилия Расстегаев отыскалась в третьей группе по специальности «Электропривод и автоматизация промышленных установок».

Студент! Юрка не знал, радоваться ему или плакать.

Эмма МЕНЬШИКОВА

Слёзы Донбасса

Стихи

* * *

Гремели выпускные по России,
Салюты разрывали небеса,
А там «Не убивайте нас!» просили
Ребята со слезами на глазах.

Там по жилым кварталам били «грады»,
И люди из домов бежали прочь...
– *Мы украинцы, но скажу вам правду:*
Что все мы стали русскими в ту ночь, –

Так говорила женщина с младенцем,
Прошедшая с ребёнком через ад...
– *В моей стране устроили Освенцим,*
И нет теперь для нас пути назад...

А сколько их, вновь испечённых русских,
Крещённых не водою, а огнём,
Ушли в Россию по просёлкам узким,
По воздуху, по морю, ночью, днём.

Чем ни займусь, а в мыслях Украина.
У нас гроза, а там идёт обстрел.
У нас повсюду ломаются витрины,
А там мальчишка хлеба не поел.

У нас любовь, а там беда и страсти.
И ночь у нас тиха и высока.
А там к Луганску через город Счастье
Подтягивают танки и войска...

* * *

Чернеет за окном предновогодье,
Какая безотрадность на Земле...
Сиротские тоскуют огороды,
Стеной острожной лес стоит во мгле.

Река темна, и небо непроглядно,
От ветра прячься, птичка к ветке льнёт...
А всё война, да будь она неладна,
Зима, и та по-вдови слёзы льёт.

В мехах ли белоснежных красоваться,
Когда беда на свете, кровь и смерть.
А Украина щерится паяцем,
Как будто ей самой – не умереть...

На Аллее Ангелов

В эти игрушки никто не играет,
Тихо вокруг.
Как это страшно, когда умирает
Маленький друг.

Как это больно – лишь память лелеять
Вместо детей...
Стала им вечным приютом аллея
В мире людей.

Как это горестно: звать – не дозваться...
Слёз не сдержатъ,
Глядя на плюшевых мишек и зайцев
Скорбную рать.

В эти игрушки никто не играет –
Здесь плач и боль.
Ангелы только своих собирают
В эту юдоль,

С высей слетая на детские стоны
Каждую ночь,
Чтобы услышать, чтобы запомнить,
Чтобы помочь,

Чтобы унять незажившие раны,
Слёзы и страх.
И до утра что-то петь непрерывно
О небесах...

А на рассвете взовьётся тревожный
Ангелов глас:
Русь православная с помощью Божьей
Станет за вас,

Малых своих, – и пробьёт час Победы
В этом бою.
Ангелы детям расскажут об этом
В райском краю...

А мне всё пишется война...

Читаю: звёзды, и луна,
И Млечный Путь в седой крылатке...
А сердце мне стучит: война –
И бьётся Киев в лихорадке!

Кому-то виды из окна
По осени – как пасторали...
А я всё думаю – война!
И дети ангелами стали...

Иным дорожка не ровна,
Стенают о пропащей доле,
А у меня болит: война!
И близко Прохорово поле...

Всё понимаю – жизнь одна,
И можно жить без потрясений,
Писать стихи, когда война,
О том, как дождь шуршит осенний,

И душу вытрясти до дна,
Рифмуя болести и страсти...
А мне всё пишется – война,
Она мне свет небесный застит.

И покаяния полна,
Творю молитвенное слово,
А про стихи, пока война,
Душа моя забыла словно.

В молитвах числю имена
Парней последнего призыва,
А напишу о них красиво,
Когда окончится война...

Душа моя Россия

Душа моя Россия...
Ты свыше мне дана.
И никакою силой
Не отлучить меня

От усманских просторов
И добровских твердынь...
Намоленных соборов,
Восставших из руин

В Ельце и Лебедяни,
По всей Руси святой –
И в деревеньке дальней
Теперь есть купол свой.

И колокольным звоном,
Вздымаясь до небес,
Над лесом и над Доном
Плывёт благая весть...

Не отлучить мне сердце
От милости такой...
От церкви по соседству
С избушкой вековой,

От праведного слова,
Взыскующих икон...
От поля Куликова,
Где ставили на кон

Судьбу и волю нашу,
Где кровь лилась рекой...
Ужель всего за «Рашу»
Дружину вёл Донской?

Нет, это от бессилья
Они возводят ложь...
Ведь ты душа, Россия,
А душу не убьёшь...

Если душа жива...

Как бы мы, Господи, без Тебя на Земле жили?
Ради чего бы рвали нервы свои и жилы?

Зачем бы ели, дышали, в муках детей рожали,
Когда б душа не ведала то, что хранят скрижали?

Как бы мы век коротали свой без любви Божьей?
Чем бы мы жили в мире с ненавистью и ложью?

Как бы мы знали, что ничего на Земле не страшно,
Если душа жива, если любит она и страдает...

Ирина ГЛУШКОВА

Родину я крыльями поглажу...

Стихи

После боя...

Снова взрывы...
Сполохи огня
пробивались до небес до самых.
Вроде больше в мире нет меня.
Но в просёлках солнечного дня
Я брожу бесцельно
и упрямо...
Чьим-то плачем стыну над бедой,
бьюсь нечеловеческою дрожью
с ветром над краснеющей водой,
стоном над озябшим бездорожьем...
Ртом сожжённым силуюсь задышать
и незрячим взглядом всё живое
охватить...
но лёгкая душа
знает, что смертельно огневое...
Вот он, мой не пройденный
блокпост.
Дайте крикнуть,
ну, хотя бы слово...
Город, превратившийся в погост,
Фосфорным дождём смывают снова.
В сотый раз собрала дань война
или, может, в миллионный даже.
Бой утих.

Блаженна тишина...
Прежде чем шагнуть в рассвет без дна,
Родину я крыльями поглажу...

Город

Птицы стальные плывут, как предвестники ночи.
Дымные ветры о смерти псалом затянули.
Огненный город, как жерло вулкана клокочет.
Непокорённый, сдаваться фашистам не хочет.
Город, летящий сквозь время, сквозь стоны, сквозь пули.
Город, измученный яростным пепельным жалом
Нечеловеческой злобы,
Желающей крови...
Там, где живые завидуют мёртвым
В подвалах.
Где распинали дитя, насмехаясь, шакалы...
Сына, который по сути ни в чём не виновен...
Город, который не шлёт позывные: «Спасите»...
В мир, погружённый в тоску лицемерья, как в кокон...
Если вы всё еще люди,
у Бога спросите,
Кто и когда возвратится из страшных событий
В город, глядящий пустыми глазницами окон.

* * *

Клубятся облака из стали,
И нечисти ликует рать.
Мы слишком многое проспали.
Но... время камни собирать.
И грянул час... покой нарушен,
Раздавлен огненной стеной.
Не усыпайте наши души.
Они разбужены войной.
Они, воскресшие из пепла
Безликой лжи, земного зла,
Встают, чтоб Вера в нас окрепла
И в бой за Родину вела...
...Рассвет... В холодное ненастье
Врывается сирены вой.
Я ощутила в одночасье
Начало третьей мировой.

Поминальное...

Свечи каштанов погашены,
Жутко хрипят небеса...
Это сгорающих заживо
Слышатся вновь голоса.
Огненной пылью завьюжены.
Можно ли это понять?..
Если в утробе задушенный
Плачет ребёнок опять.
Ткани фашистского знамени
Тонут в кровавой росе.
Те, кто спасётся из пламени,
будут расстреляны все.
Пепел кружит над Отечеством,
Это не призрак, не сон...
Прокляты всем человечеством
Варвары наших времён.

Новые страницы

Сколько лютой подлости на свете...
Сколько неоправданного зла.
Там в подвалах гибнут, гибнут дети...
Без воды, без хлеба, без тепла...
Позабыты сласти и игрушки...
Преданные заживо земле,
Прячутся, как беглые зверушки,
Маленькие солнышки во мгле...
Небеса и ветры хрипло дышат
Огненным проклятием войны.
В сытой Раде крик детей не слышат
Проданные слуги сатаны –
Услужить ему безмерно рады,
Дав ему предательства обет...
Жизни рвут, в ночи беснуясь, «грады»,
Унося из мира детский свет.
Толстосумы, твари и убийцы
За собой не чувствуют вины...
Детской кровью новые страницы
Пишутся в истории страны.

Май в Одессе

Вот ступени...
Вот этажи...
Вот прицел,
как предвестник ночи...
Нужно выбраться, чтобы жить.
Горьким пеплом душа дрожит,
Едкий дым застилает очи.
Вот обугленная ладонь...
Вот плывет чей-то крик набатом.
Прямо – дуло.
Назад – огонь.
Здесь нацизм собирает плату.
Я не знала, что столько зла...
Как шакалы на нас бросались.
Изувеченные тела,
поджигая,
они смеялись...
Это я или нет кричу.
Сердце воплями захлебнулось.
Мама!!!
Мамочка, жить хочу!!!
... И от ужаса я проснулась.

P.S. Правды хочется, не войны.
Пусть прозренья придёт,
как милость.
Мы услышать их крик должны,
Чтобы это не повторилось.

* * *

Не надо, Господи.
Не надо.
Звучит в душе моей набат.
Они лежат шеренгой, рядом –
Мальчишек цинковых отряд.
И бьются Ангелы в бессилье,
Спасая мальчиков от бед.
Их расстреляли, раздробили.
Их больше в этом мире нет.
Кровавой, страшной смертью схожих,

Забывших боль земных обид,
Я больше не могу, о Боже...
Кто их из пепла возродит?
Горяч с огнём плывущий ветер
Над сединой последних дней.
Простите, цинковые дети –
Сыночки Родины моей.

* * *

Я стала старой
и такой усталой,
На мир глядящей
Трезво и сурово.
А ты писал о ветвях краснотала.
А о войне мне не писал ни слова.
Как будто беды вовсе и не беды.
Их одолеть...
Да разве есть что проще?..
Вы в ночь шагали, как отцы и деды,
Встречали вас теплом родимым рощи.
Березки вам живые письма слали,
И пахли домом ясные рябины.
Ты мне писал о светлом краснотале.
А рядом разрывались злые мины.
А рядом распадался мир на части.
И пахло гарью, копотью и кровью.
Но вам хотелось просто верить в счастье
И в чудо с побеждающей любовью.

«Ты учишься не жалеть, а быть милосердным...»

Заметки из прифронтового госпиталя

Сестрёнка

Валя держит за руку большого мужчину. В углу плачет миловидная женщина. Плачет украдкой, смахивая одну слезинку за другой. Так только наши умеют плакать – невидимо и горько.

– Возьмите салфетку. Всё будет хорошо.

– Я знаю, – улыбается женщина, а слёзы всё текут.

Большой мужчина – её муж. Доброволец. Тяжело ранен. Валя – дочь. На фронт сбежала в девятнадцать лет. Бросила медучилище и сбежала.

– Почему? – вопрос задаю больше по привычке что-то спрашивать, чем из желания узнать ответ. Валя пожимает худенькими плечами:

– Потому что нужны были медики. Потому что много раненых. Потому что кто-то должен это делать.

Каждую фразу Валя проговаривает отчётливо. Такого спокойствия в голосе я не слышала нигде и никогда.

– Вы медсестра?

– Да, точнее, была бы. Если бы окончила. А я всё бросила и ушла.

В Луганской республиканской клинической больнице непривычно тихо. Молча проходят врачи, раненые без любопытства окидывают взглядом. Только в воздухе витает что-то неуловимое, замершее ожидание, что ли.

– На фронте сейчас муж. Папа ранен. Я до 18-го года была там, потом перевелась в тыл, сейчас опять на фронт.

– Как для вас началась спецоперация?

Валя впервые улыбается.

– Когда я услышала речь нашего президента – уже такими громкими словами говорю: «нашего», – вы даже представить не можете, какой это было радостью. Пережить всё это, видеть, как гибнут дети, и наконец-то дожидаться...

Валя обрывает фразу из-за слёз. Плачет тихо и горько, совсем как мать. Глажу по голове, как маленького ребёнка.

– Ещё чуть-чуть, и всё будет хорошо, – еле слышно откликается девушка.

– С мужем во время войны познакомились?

Валя перестаёт плакать, улыбается мягко, уголками губ, во взгляде появляется что-то живое и бесконечное.

– Да. Мы познакомились еще в 14-м году. Он тогда получил ранение. Долго ходил на костылях. Потом наши дороги разошлись. Но мы общались, просто дружили. А в прошлом году опять встретились и решили больше не расставаться. Как в книжках пишут, так и получилось.

Больничная каталка с раненым бойцом скользит по гладкому полу. Взгляд невольно бежит за ней вслед...

– Что для вас было самым тяжёлым на войне?

Валя переключает внимание с бойца:

– Когда я шла добровольцем, знала, что там увижу. Родители воспитывали меня на наших старых советских фильмах. Пускай там не всё показано, но осознавала, что, зачем и как. Понимала, как будут вести себя раненые во время контузии. Человек в таком состоянии порой не осознает, что он делает, что говорит и куда идёт, если в состоянии вообще куда-то идти. А для меня это работа. Она всегда одинаковая.

– Но разве к человеческой боли можно привыкнуть?

– К человеческой боли нет. Самое страшное – видеть, как люди умирают, и не иметь возможности что-то сделать. Когда человек ранен, ты можешь помочь. А когда доходишь или доползаешь до раненого и понимаешь, что ничего сделать не можешь, это больно. С этим ничего поделать нельзя. Война.

– Люди на войне умирают по-разному...

Валя едва кивает.

– Обычно все мальчишки, с которыми приходилось быть на фронте, меня слушались и не пререкались. Я говорила им: «Сиди здесь и никуда не уходи». И они сидели. Был случай на Дебальцево... Мальчишки тогда сильно попали. Я вывозила четверых человек. Один запал в мысли. У него было артериальное кровотечение, останавливала, как могла. Капельницу поставила. Всю дорогу с ним разговаривала, говорила, чтобы на меня смотрел, только б не спать. Он не послушал. Просто сказал: «Я устал». Немало лет прошло с тех пор, а я это помню. Засело внутри. В какой-то степени себя виню, хотя многие потом говорили, что это чудо, что я вообще его довезла. В больнице у него остановилось сердце. Мальчишка не выжил. Но он был замечательным человеком, знаю это не понаслышке.

– Детей приходилось спасать?

– Однажды на Дебальцево я закрывала собой ребёнка. Благо до этого была на таких позициях, где не было гражданских. А на Дебальцево встретили семью, у них была маленькая ферма. Они приехали из Стаханова, думали здесь спрятаться от бомбёжки, но в тот момент по нам начали работать, и я просто закрыла ребёнка. Мы лежали и ждали, когда всё закончится. Потом побежали в машину, чтобы их вывезти. Слава Богу, взрослые люди понимают, что детям на войне не место.

– Приходилось спасать жизнь украинцев?

– Нет, мне не доводилось. Хотя приказ есть приказ. В первую очередь я медик, потом – солдат. Если будет приказ спасти, то мне придётся. Но раньше не доводилось, – повторяет Валя.

– Вы чувствуете к ним ненависть?

– Честно? Ненависть – это слишком большое чувство. Мне их жаль, искренне жаль. Настолько у них промыты мозги, настолько забыта наша история. Я могу их только жалеть. Жалость – низменное чувство. Больше ничего. Но там, – Валя на миг замолкает, – там я их жалеть не буду.

– Что вы имеете в виду?

– Ну знаете... Многие же говорят: «Они (украинцы. – Прим. ред.) тоже люди». Но наши дети тоже дети. Жалости я не дам. По крайней мере, если будет стоять выбор: они или мы. Я выберу нас. Потому что в 2014 году мы не пошли на них с оружием, а они что устроили в центре города? Донецк тоже не шёл на них с оружием. А я помню, как в центре Луганска собирались и пели старые песни. Одна из них «Катюша», её сейчас весь русскоязычный мир поёт. А они это восприняли в штаны. Простить? Я не знаю, возможно ли это. Наверное, есть такие милосердные люди, которые умеют прощать. У меня хоть и нет своих детей, но за детей Донбасса я не прощу.

Где-то зазвонил телефон. Мелодия звучала несерьёзно, путала мысли...

– Вы после войны чем заниматься будете?

– Жить! Просто жить! Наслаждаться этой жизнью, потому что, кроме как на войне, нигде не осознаёшь того, как дорога жизнь.

– Медиком останетесь?

– Да, думаю, что да. Хотя хотелось бы просто отдохнуть пару месяцев и побыть с семьёй. А там как Бог даст.

Десантник Денис

Боец прячет покалеченную ногу под выцветшую простыню. Говорит бодро, много шутит и рассказывает о войне так, что невольно улыбаешься. Боец многое знает и о многом молчит. Глаза очень взрослого человека, хотя, думаю, что вряд ли ему есть сорок.

В госпитале на многое смотришь иначе. Одно перестает быть ценным, другое, наоборот, обостряется до предела. Здесь ты учишься не жалеть, а быть милосердным, ещё учишься пускать слёзы по изнанке щёк. Не моя фраза, но очень правильная. ТАМ плакать нельзя. Слёзы будут потом. Горькие такие, беспомощные и от того злые.

Есть ещё один момент. Учишься не помогать парням на инвалидных колясках и на костылях. Хотят сами донести сумки – отдаёшь. Просят не придерживать дверь – не придерживаешь. Сильные люди хотят оставаться сильными. Слабые ищут повод для слабости. Ни больше, ни меньше.

Суровая такая школа жизни. Меня больно стукнула. В какой-то степени я стала злее. Научилась биться за своих, потому что чужих хватает. Чужих много, ещё больше злых и откровенно глупых. И до безумия много тех, кому война – мать родная. Кому не нужны матери и жёны, дети и старики, им нужно, чтобы они плакали, а на их фоне можно было рассказывать о беде Донбасса. Помогать и говорить о помощи – это разное. Но оказывается, и беда может быть валютой.

Об этом потом думается. По дороге домой. ТАМ говоришь о планах, о том, как будем жить, говоришь о Боге, Его милости, семье и счастье. В общем, обо всём, что наполняет жизнь смыслом. Будничным таким, уютным и настоящим.

... На Донбассе сейчас весна. Боец радуется солнцу, как маленький. А я трясусь из него обещание никогда не вешать крылья. Он кивает в ответ, и ведь знаю же, что не соврёт...

Вот такое есть.

– Кино снимаете?

Поднимаю глаза – передо мной молодой человек, с иронией рассматривающий камеру.

– Нет. Репортаж готовим.

Коротко рассказываю о цели визита, заодно знакомлюсь с героем.

Денис – десантник. Родился в Улан-Удэ. В армию пошёл сразу после школы. Почему? Да потому что свято верит, что каждый мужчина должен защищать свою семью и свою Родину. В 16-м году поехал добровольцем на Донбасс, затем снова вернулся на контрактную службу. С февраля 22-го на передовой. Воевал на Херсонском направлении. Тяжело ранен.

– Вы знаете, ради чего Вы там?

Денис не даёт договорить...

– Конечно, знаю. Там геноцид русскоязычного населения. Они хотят полностью искоренить русский мир. И это одна из причин, почему мы там.

По коридорам проносятся врачи. Раненые солдаты в стороне что-то громко обсуждают. Пахнет больницей и кофе.

– А вы знаете, против кого воюете? – спрашиваю Дениса.

– Конечно.

– Как к ним относитесь?

– Негативно. Как ещё можно к ним относиться?

– Почему? Только потому что они идеологические враги?

– Не в этом дело. А в том, какие зверства они вытворяют. Мы не против украинского народа. И воюем не против них... Стояли под Кривым Рогом. Начался сильный артобстрел. Долбили по мирным. Люди же продолжают там жить. Кому-то просто некуда уезжать. В один из домов попал снаряд, женщине перебило ноги. Мы под обстрелом оказали ей первую помощь, вывезли её в больницу.

– Как вас встречало мирное население?

– По-разному. Кто-то радовался, что русские пришли. Говорили, что теперь всё поменяется в лучшую сторону. Кто-то, наоборот, негативно относился. Но большинство было за Россию.

Вручаю Денису стопку писем от школьников и ленточки «Живый в помощи». Прошу передать соседям по палате.

– Вам письма настроение поднимают? Вообще важна такая поддержка?

Денис, наверное, впервые за весь разговор улыбается.

– На передовую приходили письма, читаешь их, и слёзы наворачиваются. Очень сильно поднимает боевой дух. Я вам так скажу: это реально помогает.

Мы знаем, что мы воюем за правое дело. Мы не агрессоры, которые вторглись на чужую территорию. Хотя у нас в стране есть люди, которые так думают.

– После ранения хотите вернуться обратно?

– Да, буду дальше служить. Как только восстановлюсь – попрошусь обратно в подразделение. Духом падать нельзя, даже если тяжело.

Денис уехал. А мне подумалось лишь одно: наверное, подвиг не в том, чтобы пережить ад. А в том, чтобы не сдаться и продолжать верить в этот мир, даже если иногда кажется, что он совсем не стоит спасения.

Хочу открыть консервный завод

– Что вы фотографируете?

Большой добродушный мужчина широко улыбается.

– Флаги над больницей, – улыбаюсь в ответ.

– А я вот только начал ходить. Тяжело ранили. Остался без глаза. Врачи сказали, что чудом выжил. Но служить больше не могу, теперь спишут.

Боец отводит взгляд, размышляя о чём-то своём.

– Раз Господь вам сохранил жизнь, значит, вы ещё можете сделать много добрых дел, – старюсь приободрить случайного знакомого. – Как вас зовут?

– Иван.

Мужчина по-детски улыбается.

– А я ведь хочу открыть консервный завод. У нас в Луганске ж ничего своего нет. Всё привозное. У меня и сельхозпроизводители знакомые есть.

– Значит, после Победы обязательно приедем на открытие вашего завода. Вы только поправляйтесь. Договорились?

– Договорились. Только после Победы обязательно приезжайте.

«За ленточкой» всё совершенно иначе. Даже небо другое, «разговорчивее», что ли... То, что кажется важным здесь, там – такая мелочь. Иногда мне кажется, что мы разучились дружить, любить, радоваться, сопереживать и быть милосердными. Мы просто стали роботами, запрограммированными сами на себе. А потом встретишь случайного «Ивана» и снова веришь в человека. Ведь это же такая малость: сделать что-то ради другого. Минутное дело, но почему-то именно этой минуты вечно не хватает.

Анна МЕЩЕРСКАЯ,
корреспондент газеты «Наш город Тамбов»,
волонтер

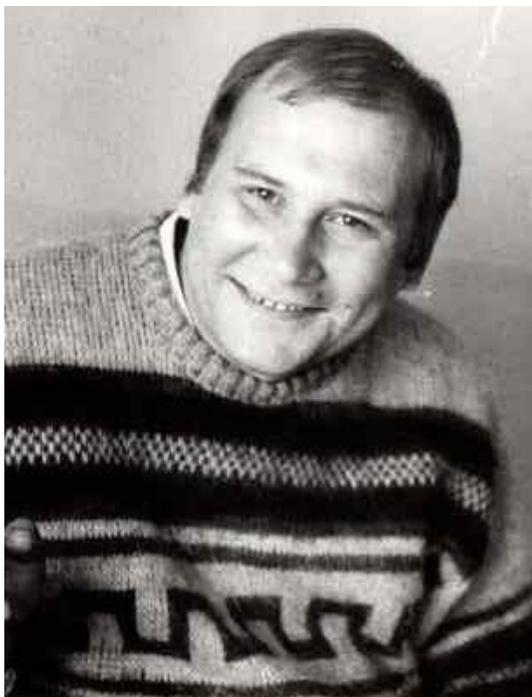

«Мир вам, бедные люди...»

Очерк о поэте Анатолии Остроухове

Судьба часто баловала меня знакомствами с яркими, добрыми и светлыми людьми. Но дружбой с Анатолием Остроуховым дорожу особо. И не только за возможность прикоснуться к его удивительному, кристально чистому таланту. Природа щедро одарила его и другими достоинствами: необыкновенной душевной теплотой, порядочностью, скромностью. Читатели «массовой» литературы, скорее всего, не знакомы с его творчеством. Что ж, тем хуже для этих читателей...

Поэт Анатолий Остроухов родился в 1959 году в Луганской области, в ближайшем феврале ему исполнится 65 лет, ну, да, не юбилей... После школы работал столяром. Отслужил в Советской Армии. Окончил литературный институт имени М. Горького и по распределению попал в Тамбовскую область. Трудился в Никифоровской районной газете. Учился на высших сценарных курсах

Анатолий
ОСТРОУХОВ

Госкино СССР. Переехав в Тамбов, работал журналистом в газете «Голос Притамбовья» («Притамбовье»). Писал стихи.

В городе затосковал, заскучал и снова вернулся в тихую Никифоровку. Несколько лет одинокой, почти отшельнической жизни – и обратно в Тамбов...

И снова: грусть и стихи, полнейшая бытовая неустроенность – койка в рабочей общаге, да подоконник с книгами и стихи, одиночество, безденежье и стихи... Что ему ещё, кроме стихов, в этой жизни было нужно?!

Через несколько лет, круто и горько закручившись, по весне вновь из Тамбова сбежал. На этот раз – в Питер. Работал там в небольшом издательстве, жил по обыкновению в общежитии, мирно ушёл на пенсию...

Недавно созвонились:

– Привет, золотой ты наш Толя! Очень по тебе скучаем. Как ты там?

– Альберт, дорогой, у меня всё нормально! Передай это всем, кто меня помнит. Свою любимую и единственную женщину, увы, так и не встретил, квартиру у родственницы... Но зато стихи ещё пишутся! Кажется – неплохие. Так что у меня всё просто замечательно!

И действительно – разве жизнь не замечательна, если пишутся стихи? Да ещё и «неплохие»!

Средневековой дождь

Он уходит, не затворяя
заскрипевшие двери,
грустным шёпотом повторяя:
«До свидания, Мери».
А она, прислонившись
к шторам плюшевым пыльным,
повторяет, забывшись:
«До свидания, Вильям».
Вильям, бедный и честный,
в путь собрался неблизкий,
в серый дождик отвесный,
в мокрый ветер английский.
А она оставалась
с тайной скорбью и жутью,
её платье вздымалось
над невзрачною грудью.
И качалась карета,
и темнела дорога.
Он смотрел на соседа
Отрешённо и строго.

* * *

Мир вам, бедные люди,
вашей доле нетленной.
Пусть вас Бог не забудет
на просторах Вселенной.

Для застенчивого, ранимого, в общении с людьми по-детски неуклюжего Анатолия Остроухова как-то «пробивать-проталкивать» свои стихотворения в печать всегда было почти немислимо. Когда-то выручал Александр Акулинин – издал за собственные деньги в своей «Книжной лавке писателя» несколько его тонких сборничков: «Звезда одинокая», «Волчье эхо», «В бедном свете вокзальном».

Как-то на день рождения поэта он подарил ему новые ботинки – старые давно уже широко «улыбались» отклеившимися подошвами. Анатолий, сердито «нахохлившись»... вернул подарок обратно.

– От чистого же сердца дарю! На память и из уважения, – возмутился Акулинин. – Не примешь – мы с тобой не друзья боле!

– Спасибо. От вас приму, – покраснел Остроухов, – но носить их не буду. Под кровать в общежитии поставлю. На память.

И ушёл из Дома печати в старых ботинках. Акулининский подарок в общежитии вскоре украли Толины соседи – алкаши...

Остроухов никогда не писал стихи «на заказ». Только под настроение, «от нахлынувшего»... Однажды, на тот момент работая в Тамбове, «загуляв» по весне, в очередной раз исчез на несколько дней в Никифоровку. Вернувшись, смурной и несчастный, что-то надрывно и невразумительно пытался рассказать о весенней деревне и безысходности жизни, о какой-то старой собаке... Через пару дней принёс в редакцию стихотворение.

Опять весёлая капля
приветствует начало марта.
А старый палевый кобель
стоит и смотрит виновато.

Какой уж год ему! какой,
а он никак не околеет.
Хозяин – тот махнул рукой.
Хозяйка старая жалеет.

Она в полдневный влажный дым
войдя болезненно и скупно,
поставит молча перед ним
жестянку каши или супа.

И разогнётся тяжело,
поглаживая поясницу.
А он в глаза глядит светло,
как будто хочет повиниться...

А капля, падая, свистит!
И мимо них с завидным рвением
петух за курицей бежит,
сверкая грозным опереньем!

«Скромность» собственного быта и неудачные попытки наладить личную жизнь, внешне казалось, мало тяготили поэта. Во всяком случае, он не любил на эту тему всерьёз разговаривать. Но в его лирических стихах рана и боль человеческого одиночества всегда сквозила самым лютым и пронизывающим ветром.

Москва – Тамбов

Стучали небеса колёс,
рыдали каждым перегонном.
Вихлястый, дерзкий поезд вёз
людей, безумный лязг и гомон.
И у разбитого окна,
в которое метель летела,
сидела женщина одна,
во тьму кромешную глядела.

Не умолкал в вагоне крик.
И люди сталкивались лбами.
Непротрезвевший проводник
ругался скверными словами.

Его напротив, у окна,
которое заледенело,
сидела женщина одна.
Во тьму кромешную глядела.

Весёлый плач, печальный смех,
звуча, сплетались воедино.
И с полок сыпались на всех
оранжевые мандарины.

Но у разбитого окна,
расцвеченного огоньками,
сидела женщина. Одна.
Закрыв лицо своё руками.

Поэт, по месту рождения, как он сам говорил – «парень с городской окраины», с великим удовольствием выбирался на природу, медленно бродил по берегу речки, мог бесконечно долго смотреть в небо на стаи пролетающих птиц. И просто боготворил тамбовскую деревню.

Я в синь небосклона
кричу как юродивый:
«Деревня – икона
в избе моей Родины!»

Иногда, уставший, но с просветлённой душой, вернувшись из очередного побега «в родные чернозёмы», делился с друзьями очередной новой байкой о сельском житье и рассказами о царящих в какой-нибудь Богом забытой глубинке исконном русском быте и обычаях. Говорил о пережитых деревенских событиях

взволнованно, с любовью и уважением, но почти всегда с какой-то непонятной маятой и тревогой.

Сквозь гулкий осенний ветрище
собачий доносится вой.
Идти вдоль ограды кладбища
я вынужден ночью сырой.

Когда умолкает собака,
шуршит застарелый венок.
Мигает из ветра и мрака
бесцветный больной огонёк.

Колышутся пьяные тени,
сознание напряжено.
Каких-то неясных видений
и ждёт и боится оно.

И страшно назад оглянуться,
всё кажется, что за спиной
зловещие духи толкуются,
решая, что делать со мной.

И вновь завывает собака.
И ветер крепчает во мгле.
Натерпишься страху, однако,
шатаясь один по земле!

Большой ребёнок и фантазёр Остроухов иногда грезил по разным экзотическим странам и мирам, но совершенно искренне признавался, что постоянно жить там ни за что, ни за какие «коврижки» не согласился бы.

Эмигрант. 1919 год

Как-то раз проездом был в Италии
некий неизвестный господин.
Он носил ременные сандалии
и ходил по городу один.

А кругом плескалось море синее,
раскалённый воздух жёг виски.
Господин прикладывал усилия,
чтоб не задохнуться от тоски.

Всё сидел в прибрежном ресторанчике
и смотрел в открытое окно.
Наполняя хрупкие стаканчики,
вяло опрокидывал вино.

И смотрел, смотрел куда-то за море
сквозь венок оливковых ветвей,
словно видел огненное зарево
над далёкой Родиной своей.

Дни тянулись блёклые и пресные.
Жизнь не обещала ничего.
И грустили молча неизвестные
бывшие попутчики его.

Да и он, душою изнурённый,
глубже стал заглядывать в стакан.
И всё чаще трогал воронённый
и холодный, словно лёд, наган.

И однажды над толпою зыбкой
он поднялся, строен и высок.
Улыбнулся трезвою улыбкой
и рванул подагливый курок.

Здесь случайно, хмурый, молчаливый,
находился местный прокурор.
Он салфетку скомкал и брезгливо
отвернул свой равнодушный взор.

Подозвав чернявого мужчину,
он сказал, почёсывая грудь:
«Разобраться. И найти причину,
почему он выбрал этот путь».

А наутро, в светлом кабинете,
где в лепных амурах потолок,
тот мужчина коротко ответил,
дав на подпись небольшой листок:

«Поиски успехом не увенчаны,
обнаружили в карманах лишь
карточку красивой русской женщины.
Деньги. И билет в Париж...»

А вот некоторые стихи Анатолия Остроухова, в которых показал себя настоящим лириком, тонко чувствующим человеком и поэтом, как говорится, без комментариев.

* * *

Воспоминанье об узорах
на стылых стёклах, на которых
созданья дивные зимы
неповторимы и немы.

Неповторимы, прихотливы,
у каждого свои извивы,
свой чудный росчерк на окне
и тайный холод в глубине.

Цветок, растаявший весной,
деливший немоту со мною,
где нынче расцветаешь ты?

Твой аромат в холодном ветре,
твоя печаль в вечерней ветви,
а тайна – в высоте звезды.

* * *

Весёлый ветер перед вечером
летит, холодный и хмельной.
Луною раннею подсвеченный
и подгоняемый весной.

Своё не знает он название,
куда – не знает прилетит.
И это юное незнание
его совсем не тяготит.

Пока ночная пыль не тянется,
и полон радости полёт,
лети! Твоя звезда румянится,
даль неизвестная зовёт.

* * *

Когда из мутного былого,
водоворота бытия,
взошло листом осенним слово –
немая вздрогнула земля.

Я говорю, а пар морозный
стеклянно стынет на устах.
Мне страшно видеть холод звёздный
в твоих темнеющих глазах.

О, сад осенний, сад осенний,
стряхни с ветвей звенящий лёд.
За что мне горечь откровений
сознание больное жжёт?

... долина неба снег уронит,
и сразу – молния в глаза!
Держал снежинку на ладони,
взглянул – а там лежит слеза.

* * *

Судьбою связанные туго,
прижатые к плечу плечо,
они любили горячо
и ненавидели друг друга.

Им надоела эта жизнь,
она их наплатала ядом.
Они стремились разойтись,
но всё же оставались рядом.

И непонятно было им,
что их история – простая.
Что отторжением своим
они друг в друга прорастают.

Так две дорожных колеи
в пространство яростное рвутся.
И, вздрогнув на краю земли,
в любви и бешенстве сольются.

* * *

Там окошко желтело, мигая,
там в стекло завихрялась листва,
там бабёнка жила молодая,
мужичка молодого ждала.

Только он, мужичок её жданный,
без картуза, без жалких рублей,
разметался, раскрытый и пьяный,
на задворках деревни своей.

В долгих сумерках женской тревоги
на порог выходила она.
Холодел он у дальней дороги
в диких ужасах пьяного сна.

Клокотала стихия ночная,
ветер жалостно выл ледяной,
Вплоть до сердца её пробирая,
а его засыпая листвою.

* * *

Необъяснимое есть что-то,
что отемняет ум людской
своей фальшивой позолотой
и значимостью площадной.

Подкинутой мыслишке рада,
толпа бурлит, зовёт на бой.
Беснуется, как в полдень стадо,
искусанное мошкаркой.

Её задор тяжёл и злобен,
бежит вперёд, несётся вспять,
и топчет тех, кто неспособен
идеи века понимать.

Потом приходит отрезвление,
стыд за восторженности пыл.
И возглас позднего прозренья:
«Ведь нами бес руководил!»

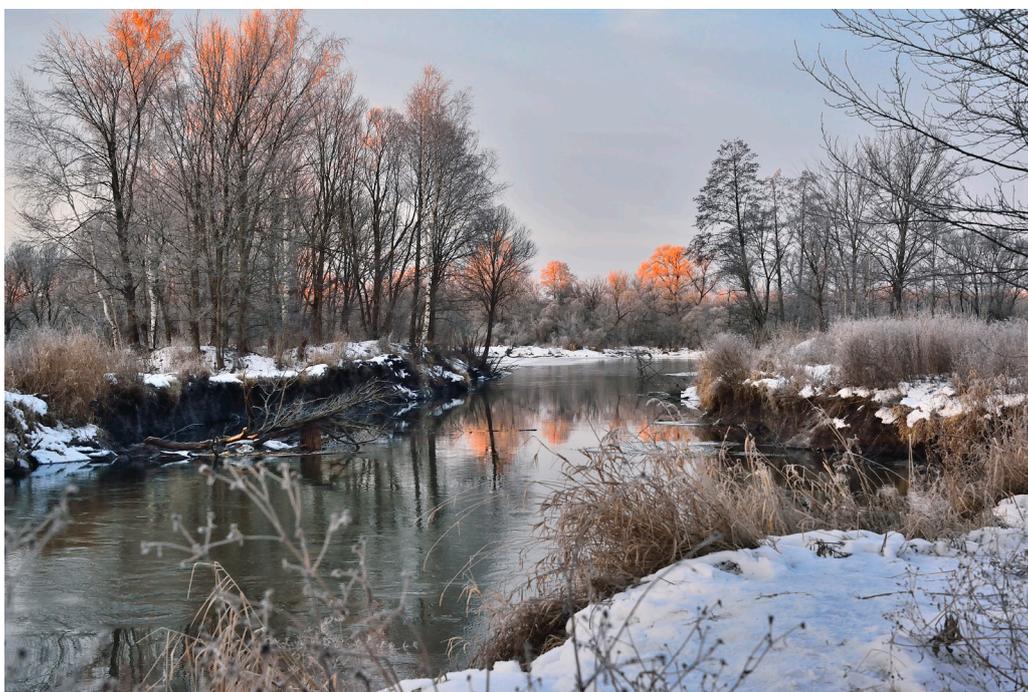
И это всё кругообразно,
из года в год, из века в век.
И ты гармонию напрасно
на свете ищешь, человек.

Альберт ЗВЕРЕВ,
журналист

Фотокартины Сергея Рудакова

Под снегом

Лесной Тамбов

Восход на Барской горе

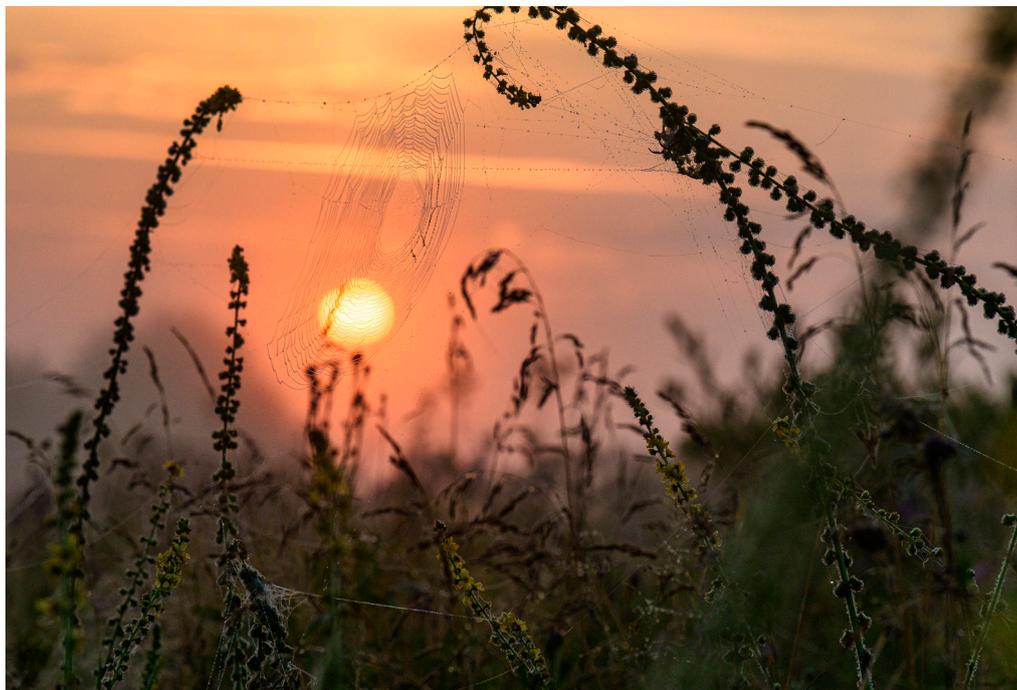
Старая Ольшанка

Казанская церковь в селе Курдюки

Страна берёзового ситца

Солнце в паутине

Зимняя сказка

Александра МИХАЙЛОВА

Дворяночка *Роман. Продолжение*

* * *

Вечером, дождавшись, когда стемнеет, Клавдия взяла заветную шкатулку с фонариком и нырнула под одеяло. Теперь, думала девочка, нужно бдительнее охранять тайну, чтобы она ни в коем случае не оказалась в чужих руках. Выложив всё содержимое, достала старый снимок. Вгляделась в лицо Николая Александровича, припомнила черты незнакомца. Да, в их сходстве сомневаться не приходилось. Загадочному гостю только усов недостаёт, да волосы темнее.

– Что это может быть? – нервно подрагивая, вопрошала себя Клава. – Что за странный пришелец? Просто совпадение? Нет, вряд ли. Для иностранца он слишком хорошо говорит по-русски. Наверно, готовился. А вдруг он хочет завладеть нашим домом? С другой стороны, зачем ему этот продукт полураспада?.. Место разве что удобное. Снесёт всё. Построит какой-нибудь торговый центр, как теперь делают, да и будет наживать. Говорят, чёрные бизнесмены из-за участков на любую подлость идут: вредят жильцам, дома поджигают. Никто из простых людей за правду не вступится, все таких бандитов боятся...

И вдруг нелепая мысль захватила её возбужденное воображение:

– Всё из-за клада. Я потревожила прошлое – и явились призраки. А вдруг он придёт ночью? Какой кошмар! Мама ничего не знает, а папа на дежурстве.

Девочка, зашедшись мелкой дрожью, спрятала шкатулку в платяной шкаф и накрылась одеялом с головой. Твёрдо решила бодрствовать, чтобы быть начеку. Только часового из неё не вышло. Тишина, наконец, умиротворила, убаюкала, расслабила. Сон окутал своими сетями вкрадчиво и незаметно. Всегда дремота приходит в тайне, и никто, как ни старайся, не в силах уловить тот момент, когда она забирает разом в сладостный плен.

Утром Клава проснулась от чих-то приглушённых голосов, раздававшихся на улице. Один из них определённо был отцовский. Значит, он вернулся с дежурства. А другой... Она выпрямилась в рост, как пружина. Виталий! Вче-

рашний гость! Бросилась к окну. Действительно, напротив дома непринужденно беседовали её отец и подозрительный художник, который уже успел установить неподалёку свой этюдник.

Евгешин одобрительно хлопнул Виталия по плечу, пожал ему руку и направился восвояси. А тот продолжил накладывать мазки на холст. На сей раз он был одет в походно-полевое: красную толстовку с капюшоном, джинсы и кроссовки. Всё это тоже к нему шло и сидело на нём идеально, как на звезде экрана. Но Клаву передёрнуло. Работа над картиной представлялась ей таинством, и потому казалось непозволительным, что служитель высокого искусства выглядит как бродяга.

Клава атаковала шкаф. В бордовом велюровом пиджачке, поношенном до неё внучкой соседки, и в клетчатой юбке, полностью собранная в школу, она пришла на кухню. Андрей Юрьевич, как ни в чём не бывало, жарил яичницу и кипятил чайник.

– Доброе утро, папуть!

– Чуть свет – уж на ногах?

– Да, вы меня разбудили. Ты разговаривал с этим парнем, ну, который рисует. Что он сказал?

– Что, знаешь ли, некая милая особа вчера любезно встретила его и позволила изобразить наш дом на холсте, – прозвучало в ответ пародийным тоном.

Дочка смущённо опустила глаза.

– Кстати, малый отлично рисует. Видно, большой мастер в своём деле. И ведь знаешь, хочет написать дом – как сто лет назад.

– Что?!

– Да-да, чтобы чики-пуки было, не то что сейчас.

«Точно непростой гусь, – про себя смекнула Клава. – Почему он отматывает век назад? Зачем ему прошлое? Может, так он рассчитывает напасть на нужный след, чтобы найти клад? Придётся с ним пообщаться и выведать его планы».

– Здравьете, – кивнула она, выйдя за ворота.

– Доброе утро, Клавдия! В школу? – широко улыбнулся Виталий.

«Уже знает, что в школу. Вперёд меня всё разведаль», – мысленно съязвила девочка, а вслух сказала:

– Да. А вы чем будете заниматься? Целый день рисовать?

– Сделаю несколько этюдов с разных сторон.

– Можно посмотреть?

– Извольте. Ещё далеко не готово, но я не думаю, что зритель вспугнёт вдохновенье.

Клава подошла настолько близко, что уловила травянисто-пряный аромат элитного парфюма. Робко покосилась на мастера. Среди мужчин он казался бы не самым высоким, но Клава всё равно едва доходила ему до уровня плеч. Это её почему-то больно кольнуло.

На полотне уже обрёл узнаваемые очертания старинный особняк. Но не было пристройки, покосившейся рамы, облупившейся штукатурки, надтреснутых кирпичей, подушечек мха на крыше и чёрно-зелёного потёка на углу. Сквозь

поредевшие кусты сирени хорошо просматривался фасад. Дом глядел юным молодцем, полным надежд на долгую жизнь.

– Красиво. Только почему вы рисуете неправдоподобно? Он же ветхий.

– Люблю романтику старины, – подняв на Клаву светлые глаза, в которых искрились задоринки, ответил молодой человек.

Она внутренне содрогнулась, но то была приятная эмоция: неужели ещё один из современников разделяет её интерес к делам давно минувших дней!

– Вы наверняка чем-то увлекаетесь. Может, рисуете? – спросил Виталий.

– Нет, я больше люблю шить, вышивать, готовить, а теперь мне ещё нравится выращивать цветы, – неожиданно для самой себя разоткровенничалась Клава.

– Я заметил. И к тому же чудесно поёте. Был бы счастлив услышать ваш ангельский голос ещё раз.

Клава вспомнила минуту знакомства и, сама не зная почему, смутилась. Даже перехватило дух.

– Мне пора. До свиданья, – поспешила она уйти, пока её вконец не обезоружил этот обаятельный малый.

– До свиданья. Успехов вам в учёбе.

Евгешина опять не могла дождаться окончания занятий. Но теперь не столько потому, что приходилось терпеть неприятное общество, сколько из-за неясной путаницы вокруг дома. Чем больше она думала, тем больше образ Виталия проступал искренним, мягким, доброжелательным. Должную оценку получили и приятность его внешности, и изысканность его манер.

«Не терять бдительности! – перебивала она саму себя. – Говорят, внешность часто обманчива. Может, это его инструмент для ослабления нашего внимания».

Рассеянность помешала получить достойную оценку за ответ на уроке истории, что даже удивило учителя. Да и едкие замечания от задир пролетели мимо Клавиных ушей. Настолько её волновали замыслы Виталия.

Шёл второй час пополудни, и весеннее солнышко озорничало вовсю. Зелень на деревьях проступила ярче, а щебетанье птиц стало неудержимо радостным. Даже, казалось, дом приосанился, он словно улыбался игре лёгкого ветерка с солнечным светом и тенями от веток сирени.

Возле ворот уже не было ни живописца, ни этюдника. Зато навстречу выбежал пушистый серый кот – один из попрошаек.

– Пушок пришёл! Иди на ручки. Пойдём, я сейчас тебя попотчую. Ты мой милашка, ты мой проказник! – причитала Клава по пути. И вдруг запнулась.

Виталий, на удивление, сидел в обществе Татьяны Степановны за раскладным столиком, который Евгешины выставляли на террасе для летних трапез. Оба оживлённо разговаривали, а хозяйка то и дело смеялась. Любо-дорого было бы смотреть, если бы не двусмысленность ситуации.

– А вот и Клабочка, – заметила мать.

Гость обернулся и приветливо улыбнулся барышне. Клаве одновременно

захотелось и ответить на любезность и сказать какую-нибудь колкость. Но из вежливости она лишь сдержанно кивнула.

– Переодевайся и отца позови, – сказала Татьяна Степановна, – будем обедать. Угостим гостя, чем Бог послал.

– Что вы, Татьяна Степановна, я не могу доставлять столько хлопот.

– Бросьте церемониться, – махнула та рукой. – Мы простые русские люди. А значит, хлебосольство и радушие у нас в крови. Вы нас даже обидите, если не останетесь.

– Да, о русском хлебосольстве я слышан, – засмеялся Виталий и принял приглашение без дальнейших препирательств.

– У нас на такой случай и бутылочка припасена, – задорно подмигнула Татьяна Степановна, а супруг разлил по рюмкам красное вино и сок для Клавы.

– Будем здоровы! – провозгласил он первый тост.

– Ура! – воскликнул Виталий, подняв бокал.

Новые знакомцы разделили скромный обед: щи, жареную рыбу, чай с домашним печеньем и вареньем из вишни.

Уплетая, Андрей Юрьевич то приговаривал: «Ум один», то причмокивал. Жена кидала на него суровый взгляд, и он оправдывался:

– Не могу удержаться, когда так вкусно.

К довершению, он обтёр тарелку хлебом. Эту привычку и сама Татьяна Степановна не смогла искоренить.

– Уж извиняйте, мы по-нашенски, по-простячки.

– Как вам будет угодно.

Виталию всё было в диковинку: и этот рачительский обычай, и вкус самих блюд. Но в благодарность за угощение юноша тоже не скупился на похвалы. Вообще, как успела заметить Клава, он был весьма словоохотлив и вместе с тем любознателен. Казалось, говоря, он черпал из кладезя занятных историй и тут же, как водяная мельница, пополнял его новыми знаниями от других людей. Он умел увлекать рассказом и с интересом слушать, что делало его прекрасным собеседником.

– Помню, я был ещё маленьким, мама сварила щи по настоянию бабушки. Рецепт она взяла в какой-то поварской книге. Как мне помнится, получилось неплохо, но дед сказал: не то – и ел без аппетита. Думаю, на сей раз его мнение оказалось бы другим.

– Бабушкин рецепт, она была любительница щец постибать, – кивнул Андрей Юрьевич.

– Постибать?

– Ну то есть похлебать. Это так она говорила, по-деревенски.

– Откуда же ваш дедушка знает вкус русской еды? – насторожилась Клава.

– Он большой ценитель русской кухни и русской культуры вообще. Я, пожалуй, от него унаследовал любовь к России. Другие родственники относятся к ней спокойнее, если сказать мягко.

– Что ж, как говорят у нас: между первой и второй промежуток небольшой, – вклинился Андрей Юрьевич. – Твоё слово, дорогой гость.

– За величие России. Ура!

– Поддерживаем!

– А где именно вы живёте в Италии? – спросила Татьяна Степановна.

– Родился в Риме, там и сейчас живут мои родители, брат и сестра. Но всё свободное время я проводил с дедушкой, сейчас совсем к нему переехал – ему нужна компания. Он обосновался на юге. Красивейшее место! Если б вы только его увидели! Панорама моря всегда перед глазами. Цвета – от лазури до густой синевы. А как богата, как красочна флора! Амальфитанское побережье – дивное обрамление моря. Если взглянуть издали на ступенчатые ряды домов, которыми усеяны скалы, – дух захватывает! Но и без человеческой смекалки природа способна удивить. У нас есть нерукотворный памятник Божией Матери с Младенцем. Это каменное образование, похожее на женскую фигуру с зелёным венком на голове. А к груди будто бы прижат новорождённый ребёнок, тоже в венке.

– Чудо! – воскликнула Татьяна Степановна. – Наверное, вы часто пишете эти чудесные пейзажи.

– Увы, нет. Я хотел бы, чтобы так было. Но вынужден заниматься не совсем тем, к чему лежит душа. Работаю на мебельной фабрике художником по текстилю. Одновременно учусь. Пишу картины только в свободное время – это моя отдушина. Но ещё не определился, что мне удаётся больше – пейзаж, портрет, натюрморт или бытовой жанр.

– Ваша семья давно здесь живёт? – поинтересовался, в свою очередь, Виталий.

– Лет около десяти, – пожал плечами Андрей Юрьевич.

– Кто же до вас владел усадьбой?

– Значит так... До нас здесь жила моя мать, она получила в этом доме квартиру после войны, – начал перечислять Андрей Юрьевич. – До неё сменилось несколько семей. После семнадцатого года, знаешь ли, проводилось уплотнение, и тут кого только не обитало: рабочие, переселенцы из деревень, беженцы. А строил этот дом, насколько помнится, барин по фамилии Нечаев. Он после революции за границу уехал.

Внимательно наблюдавшая за иностранцем, Клава заметила, что тот опустил глаза и дрогнувшим голосом проронил:

– Большую трагедию пережил русский народ.

Мимо компании, шумно сопя и шаркая ногами, прошёл ссутулившийся Ильич. Он даже не посмотрел в сторону соседей. Виталий проводил взглядом седого старика в затёртом пиджаке и спросил:

– Что же теперь?

– Сейчас делим кров вот с ним и с его сыном, – кивнула Татьяна Степановна в сторону Сергея Ильича.

– Я смотрю, многое в усадьбе уцелело с царских времён.

– Думаю, в таком виде она малоузнаваема, – вздохнула Татьяна Степановна. – Всё было разграблено, запущено, опрощено. Здесь ничего не осталось, кроме стен, земли да старой беседки. Печально, но такова судьба многих имений.

– Но стены всё помнят, и ещё способны вдохновлять, – печально улыб-

нулся Виталий. – Однако пора и честь знать. Благодарю вас за тёплый приём. Мне пора братья за кисть.

– Дай Бог поработать на пользу, – пожелала Татьяна Степановна, вставая.

– Здесь, со стороны сада, интересная терраса, и крылья, они будто обнимают её и нас вместе с нею... Однако правая угловая часть выступает эркером и, вероятно, прежде красовалась окнами?

«К оранжерее подбирается!» – мысленно ужаснулась Клава.

– Одно, как видишь, осталось. Остальные давно заколочены, – пояснил Андрей Юрьевич.

– Хотелось бы запечатлеть вид на дом еще и отсюда. Позвольте?

– Конечно! Пиши, отводи душеньку.

Клава, глядя вслед «разведчику», безмерно удивлялась, как быстро он смог завоевать сердце её матери. Даже закралось какое-то чувство зависти. Если бы она, неудачница и одиночка, умела так легко располагать к себе людей. Если бы к ней так тянулись, слушали и не могли наслушаться. Как много путей открылось бы тогда! С другой стороны, у неё было другое преимущество: она умела молчать. Качество в такой игре умов немаловажное. Виталий из-за нетерпения и болтливости мало-помалу выдавал свои цели, а вот в неприступности Клавдии не угадывалось всё возрастающей подозрительности. Столь бурный интерес иностранца к дому всё более беспокоил, подкрепляя худшие опасения.

– Мама, зачем вы всё о нас рассказываете неизвестно кому?

– Да брось ершиться, – махнула она рукой. – Знала бы ты, какой он милый парнишка. Я ни одного из всех знакомых не могу рядом с ним поставить. Какая эрудированность! Какое воспитание! Настоящий джентльмен.

– Не уверена, – буркнула дочь. – Красивая картинка ещё не значит, что за ней достойное содержание. Не всё то золото, что блестит.

– Что ж, убеждать не буду. Ты скоро сама всё поймешь. А я жизнь и людей повидала.

* * *

Сгущались сумерки. Виталий сидел напротив зеркала в гостиничном номере. Печально-задумчивый взгляд его был устремлён на эскизы, разложенные на туалетном столике, но мысли были далеко. Он вспоминал бабушку и его откровение – там, в Сорренто.

– В тот вечер, мой последний вечер дома, шёл такой же дождь, – поведал тогда высокий, не по годам прямой и бодрый старик. – Точно такой же дождь – вялый, равнодушный. Какое ему было дело до нашей драмы...

За окном действительно моросило. Капли, упавшие на стекло, соединялись в струйки и медленно сползали вниз. Девятилетний в ту пору Виталий, сидевший поодаль за книгой, насторожился. Далёкое прошлое вновь опрокинуло свой купол над дедом, а воспоминания всегда чрезмерно волновали и его самого, и его маленького слушателя.

Картины прошлого закружились в воображении обоих. Для старца они были пережитой реальностью, для мальчика – историей семьи, но – прочувствованной с глубокой болью.

– Это шёл восемнадцатый год. Я был такой же юнец, как ты теперь. Ночью в великой спешке отец вернулся из Петербурга, где получил место после нашей невосполнимой потери. Поднял нас с бабушкой. Ничего не объяснив, приказал собрать драгоценности и самые необходимые вещи. На настойчивые вопросы бабушки он, наконец, сказал, что им угрожает опасность, что необходимо отправиться за границу на неопределённый срок. А мне сказал – едем в путешествие. Я вроде и обрадовался, но в душе поселилась тревога: так надрывно на отдых не собираются. У нас ещё было тихо, но ходили слухи о поджогах, погромах, беспчинствах. Люди замерли в ожидании. Знали, что при безвластии предстоят испытания. Папенька предвидел худшее: судя по новоявленным лозунгам, грядущая смута грозила перемолоть народ. Звание дворянина могло обернуться роковым приговором. Так оно потом и случилось. Твой прадед спас нас всех. Дороги уже встали, и мы отправились в неизвестность на ветхой пролётке. Дождь навевал душераздирающие чувства, хотя я к ним не прислушивался. Отец прощальным взглядом окинул взлелеянный им дом, многозначительно кивнул остававшейся на хозяйстве служанке. Мы тронулись. Никто не предполагал, что никогда не увидит этого чудного уголка, где осталось наше общее счастье. Когда мы отъехали и увидели весь ужас смятения, я понял, что совершил промах. В подвале остался мой драгоценный ларчик, который я по наивности доверил тайнику. Как ненадёжно он был устроен...

Старик в ту минуту провёл дрожащей рукой по лицу, будто смахивая волнение, и продолжил:

– А там была карточка. Мне бы теперь только одно утешение: взглянуть в глаза милой матушки. Ты же знаешь, что у нас от прежней жизни ничего не осталось. Будто её и не было. Матушка, уже давно больная, скончалась за год до переворота. Бабушка убрала все её фотографии, вещи, чтобы отец не тосковал, видя их каждый день перед собой. Я же спрятал кое-что для себя. Столько лет прошло, и теперь я почти не помню её лица. О фотографиях и письмах мы второпях не подумали. Но где-то там, в недрах старого дома, хранится эта фотография – память о наших лучших денёчках. Только бы на неё взглянуть – была бы отрада за всю мою горькую жизнь.

– Я найду эту фотографию, – вызвался внук.

– Да ты что! Там уж, поди, дома нашего и в помине нет. Это я дал лиху – будто он устоял. Всё старое большевики безжалостно ломали, строили своё, новое. Я это знаю.

– Не может быть! А если и так, тогда я обязательно привезу тебе что-нибудь другое с родной земли. Когда вырасту, хочу увидеть Россию. Даже если она сильно изменилась.

– Да, Вито, ты у меня весь русский, не то что Константин с Машенькой. Лицом с моим *рарá* схож. Ты один из всех родных стал мне близким другом. Утешеньем за Леночку... Ох, колет в боку. Надо найти точку умиротворения. А ты, родненький, поезжай в мае, когда цветут сады, полюбуйся тогда на нашу Родину. Я до той поры, скорее всего, не доживу, но ты поклонись русской земле от меня.

«Дорогой мой Боян, – размышлял теперь Виталий, – я обещал себе исполнить твоё желание во что бы то ни стало. Но не думал, что это будет настолько трудно – с камнем за пазухой приходиться к людям. Даже если я пришел за своим, как можно обмануть их доверие? Как можно исполнить тайный замысел, а потом исчезнуть бесследно? Низко, коварно, нелепо!»

Он схватился за виски и простонал:

– Боже, что мне делать?!

Потом встал, налил стакан воды и, освежившись, подошёл к вопросу с другой стороны:

– Я почти ничего об этой семье не знаю. Нет, надо молчать, иначе все надежды могут рухнуть. В конце концов, я не грабитель и ничего плохого не делаю. Не нужен же, в самом деле, им этот, может статься, трухлявый ларчик.

* * *

Ни свет ни заря художник снова работал перед старым особняком. Клава несколько минут наблюдала за Виталием сквозь тюлевые шторы. Его рука делала чёткие уверенные движения. Лицо было чрезвычайно подвижным. То сосредоточенное, то просветлённое, то игривое, оно выдавало малейшие оттенки чувств. Это был поистине артист.

В доме между тем начался обычный день. Андрей Юрьевич отправился на дежурство, Клава – в школу. А у Татьяны Степановны появились новые приятные хлопоты – потчевать дорогого гостя.

– Доброе утро, сынок. Как работается? – с открытой улыбкой вышла она за ворота.

– Здравствуйте, милейшая Татьяна Степановна! Всё хорошо вашими молитвами.

– Виталечка, можно тебя ненадолго отвлечь? Уж прости, помощь нужна, а дома никого.

– Конечно, к вашим услугам.

– Сделай милость, спустись в подвал и достань баночку лечо и вишнёвый компот. У нас это дело всегда за Клавой. Она мечтательная, стеснительная. Всё включается в книгу или в пальцы и сидит. А ей двигаться надо. Поэтому я её заставляю лазить, хотя она боится подполья. Да и мы с отцом, сказать прямо, увечные. Хорошая причина воззвать к помощи. Вот и теперь голова гудит, как чугунный котёл. Войдёшь, увидишь слева стеллажи – на них банки с заготовками. Думаю, разберёшься.

Виталий не преминул воспользоваться счастливой случайностью. Он немедленно оставил кисти и отправился на поиски, но не съестных запасов, а дедушкиных реликвий. Ибо в нём текла кровь Нечаевых.

От волнения ком подкатил к горлу. Виталий спустился на несколько ступенек, прятаясь под крыльцом, и наткнулся на дверь. Взялся за ржавое железное кольцо, потянул на себя и шагнул в полумрак. Здесь когда-то играл его обожаемый дедушка – самый близкий сердцу человек.

Прежде всего Виталий выполнил поручение, отыскав нужные банки: если хозяйка будет торопить, можно подхватить их и быстро вернуться на поверхность. А пока в его распоряжении было несколько минут, со свойственной ему ловкостью атлета начал оглядывать и ощупывать кирпичные опоры, одну за другой.

– Виталенька, у тебя там всё в порядке? Нашёл? – донеслось снаружи.

– Нет, то есть да, – откликнулся он. – Иду.

– Ай да спасибо!

– Это пустяк, любезная Татьяна Степановна. Обращайтесь в другой раз, буду рад помочь!

– Сынок, повернись-ка. Паутины-то насобирали. Танцевал ты там, что ли? Снимай пиджак, почищу.

Молодого человека охватила досада. Долгожданная возможность была упущена, добраться до тайника с первой попытки не удалось. Как знать, сколько времени потребуется ещё здесь пробыть, чтобы отыскать «фамильные сокровища». С другой стороны, разведка уже была сама по себе хоть каким-то результатом: по крайней мере, удалось убедиться, что весь антураж соответствует рассказам деда. Да и пребывание в этом доме оказывалось не таким уж тягостным, скорее, наоборот, обаяние простых русских, пусть и потомков коммунистов, взяло Нечаевское сердце, как говорится, без штурма.

Виталий вернулся к холсту. Но работа не спорилась, к тому же навалилась какая-то истома. Давила духота.

Он бросил своё занятие и устроился прямо на траве. Необходимо было передохнуть и успокоиться. Довольно долго сидел он так, покусывая соломинку, сосредоточенный на своих мыслях.

– Зачем вы сидите на холодной земле? В наших краях в это время легко простыть, – донёсся приятный голосок из реальности.

Виталий очнулся и обернулся. Перед ним, с увесистым рюкзаком, стояла Клава. Она снова поёжилась, увидев лицо с незапамятной фотографии.

– Ваша правда, сударыня, – поднимаясь, ответил художник. – Решил передохнуть и замечтался. Так бы и замёрз, если бы не милый ангел, который спас меня.

Клаву передёрнуло от снисходительного обращения. Она что-то проворчала под нос и юркнула во двор.

– Ёжик, – усмехнулся юноша.

Между тем погода портилась. Не на шутку разыгрались низовой ветер, взметавший пыль, и брат его, сгонявший к городу плотные тучи. Об этюдах нечего было и думать. Виталий принялся собирать инструменты и укладывать наброски.

– Недоглядел, – корил он сам себя. – Надо же было в такое завихрение попасть. Хоть бы успеть найти крышу. В магазине небось не выгонят.

– Виталий, – окликнула Клава. – Скоро гроза будет.

В подтверждение в небе пророкотало, словно в утробе голодного великана.

– Мама зовёт вас в дом, переждёте непогоду у нас.

– Как это великодушно с вашей стороны! Премного благодарен!

Едва молодые люди успели закрыть за собой дверь, грянул второй раскат грома. Клаву пробрала мелкая дрожь. Прерывающимся от волнения голосом она направила гостя:

– Уж простите, мы пройдем в мою комнату. Мама занялась готовкой.

Виталий впервые оказался в доме своих предков. Охватившее было чувство благоговения быстро сменилось недоумением и разочарованием. Клавдия провела гостя через общую прихожую, и они оказались на небольшой кухне, где хлопотала Татьяна Степановна.

– Вот переждешь у нас дождичочек, – улыбнулась она, не перестав при этом кромсать лук ножом.

– Премного благодарен! – повторил Виталий и подумал о том, как стремится к мягкости русский язык: дождь, дождик и даже дождичочек. Этим проявляется доброта его носителей.

В комнате было чрезвычайно тесно и темно от нагроможденной мебели, к тому же во всем наблюдалась дикая какофония. Здесь соседствовали старый резной буфет, дешёвенький пенал советских времен, грубые самодельные тумбы и полки, откуда едва не высыпались разные хозяйственные принадлежности. В углу обреталось газовое оборудование и мойка. Рядом ютился компактный столик на тонких ножках, застеленный цветастой клеёнкой и заставленный пирамидами из посуды. Под ним прятались табуретки. Свободными здесь оставались небольшой пятачок да проход в другую комнату. Запах только что сваренной еды смешивался с неизживаемым спутником старых стен – лёгкой затхлостью. Впрочем, было довольно чисто, и какой-никакой уют гнезвился в этой клетушке.

Далее следовала более просторная комната, где из-за закрытых штор и ненастья царил сумрак. Намётанный глаз мастера успел заметить громоздкий шкаф, в котором, несмотря на его размеры, не поместилась куча узлов, пристроенных наверху, под самым потолком; потёртый диван и отгороженный ширмой угол, где стояла кровать. Никогда ещё младший Нечаев не видел такой бедности, хотя его дед, по рассказам, жил в условиях и похуже. Но одно дело – минувшее, сколь далёкое, столь невероятное, и совершенно другое – реальность, неотвратимая и беспощадная.

Несколько тихих шагов по выщербленному коврику – и перед Виталием распахнулась дверь в светлицу – именно так он мысленно назвал эту комнату по первому впечатлению. На вошедших хлынул поток приглушённого света, лившегося в два больших окна.

– Неожиданно, – не смог удержаться от реплики. – Наверное, это помещение когда-то служило для библиотеки или оранжереи.

– Нет, но сейчас служит, – показала Клава на комнатные цветы, которыми были уставлены подоконники, и полки с книгами. – Нечаевская оранжерея была с другой стороны, в пристройке. Помните тот уголок за террасой?

– Помню. Каково же было назначение настоящей комнаты?

– Думаю, то же, что и сейчас, – спальня. А почему вы спрашиваете?

– Любопытен, – усмехнулся Виталий.

Ситуация была неловкая. Оба не знали, как продолжить разговор. Вспышка молнии и прокатившийся затем громовой раскат заставили Клаву сжаться и зажмуриться. Она совсем потерялась от смущения и не знала, чем бы отвлечься.

– Присаживайтесь, пожалуйста, а я посмотрю, как мама.

– Я провела Виталия в свою комнату, – доложила ей.

– Молодец, доброе дело. Раньше на Руси всегда странников привечали, слушали их рассказы о дальних краях. Ты тоже иди, побеседуй, нельзя заставлять гостя скучать. Я не буду мешать, сейчас доварю и отдохну немного.

Виталий покорно сидел на стуле у письменного стола. Он не переменял положения с тех пор, как его оставила Клава, но не смог удержаться от соблазна осмотреть прямо из этой точки необычные покои.

Виталию показалось, что он провёл в светлице, по меньшей мере, час – так много он успел подметить и обдумать. Но Клава вернулась спустя другую-третью минуту – с намерением застать гостя врасплох. Наверняка, подозревала она, этот человек, если он кладоискатель, использует свой шанс, чтобы пошарить по углам.

– Позвольте поинтересоваться: эта картина, что с барышней в богатом доме... Не скажете ли, кто её автор.

– Маковский. Называется она «Нежное создание». Красиво, правда?

– Бесспорно. А чьи руки трудились над вышивками?

– Когда я отдыхаю, берусь за пяльцы. Мне нравятся картины старины. Больше всего люблю эту, где пара прогуливается по берегу речки.

– Почему?

– Ну, – застопорилась Клава. Не хотелось бы ей обнаруживать сокровенное. И в то же время фонила другая мысль: сказала «А» – говори «Б».

– Думаю, они жених и невеста, – молвила она, потупившись. – У них самое счастливое время. Вы заметили, что у неё в руках букет полевых ромашек? Его подарил спутник. Думаю, через минуту девушка решится на шалость. Возьмёт и вставит цветок в петлицу ухажёру. Потом они будут смеяться и просто наслаждаться счастьем... Жаль, вся эта красота безвозвратно ушла.

– То, в чём есть нужда, однажды может возродиться.

А весенняя гроза знала своё дело и выплёскивала накопившиеся за зиму силы. При очередном всполохе и оглушающем раскате Клава вздрогнула и крепко зажмурилась.

– Клавдия, что с вами?

– С малых лет боюсь грома, молнии и буйного ветра, – шепнула она, как будто грозная стихия могла её подслушать, а потом со злорадством над ней потешиться.

– Странно. По мне, наоборот, гроза имеет невероятное очарование. Да, она опасна, но опасность иногда так притягательна. Не стоит её избегать и малодушно прятаться. Надо выходить ей навстречу, сражаться со своими страхами. Когда испытываешь горечь, острее чувствуется радость. Жизнь становится ярче, интереснее.

* * *

Весенний дождик, как ворсистая щётка, смёл городскую пыль. Гроза по обыкновению стала предвестницей тепла. Утро, будто в награду за пережитые страхи, выдалось чудесным. После дождя земля освежилась, задышала. Воздух будто стал прозрачнее. Лучше прежнего зазеленела трава, и распустила первые цветочки сирень. Солнце между тем забавлялось: то пряталось за пышными и вязкими, как вата, облаками, то выглядывало из-за них, словно бы хитро прищуриваясь. Столетний особняк гляделся молодцом. Его и без воображения оведал романтический ореол, столь милый певцам старины.

В такие дни хочется полной свободы – оттолкнуться бы от земли и воспарить к небу. И кажется, сама природа призывает насладиться блаженством жизни. Недаром Татьяна Степановна каждый год повторяла: «Май – это кусочек рая».

Клава, едва проснувшись, ощутила эту радость. Будто чудодейственный эликсир разлился по всему телу. И хотя было ещё рано, захотелось встать и напитаться прелестью весеннего утра.

Она подошла к овальному зеркалу в дверце шкафа. Оно отразило нежное худощавое, но симпатичное личико. Привлекательные синие глаза, обрамлённые длинными ресницами, почти прямые тёмные брови, аккуратный чуть вздёрнутый нос и необыкновенно яркие, в контраст белой коже, губы. Каждый день Клава видела этот портрет, но сегодня пыталась зацепить в нём новые штрихи. Где-то глубоко внутри блуждало неуловимое чувство: будто она перешла какую-то грань, из-за которой нет возврата. Неизведанное и пугало, и влекло. Оно, в общем-то, было естественно. Если бы Клава могла подобрать слова, то назвала бы своё состояние взрослением – запоздалым, но неминуемым. Как-никак, через тройку месяцев ей исполнится пятнадцать.

Впрочем, было недосуг вдумываться в душевные перемены и их причины. Она вспомнила о минувшем вечере и тепло улыбнулась. В её жизни ещё не было столь ярких, столь сладостных минут общения – общения непринуждённого и захватывающего. Словно бы с другом.

Хорошая погода повлияла не на неё одну. Татьяна Степановна бойко хлопотала на кухне и даже затеяла шоколадный пирог – ей хотелось удивить домочадцев и своего любимца Виталия, к которому она прониклась материнской нежностью.

Виталий же, напротив, этим утром был сам не свой. Он, скрестив руки, стоял у окна в своём номере и невидящим взором смотрел на гостиничный двор. Молодой человек пребывал в растерянности: ему до сих пор не удалось найти тайник, но приходится каждый день подло обманывать, недоговаривая хозяевам об истинной причине своего интереса к старинной усадьбе. Хотя бы и на самом деле он желал писать этот дом бесконечно, бесчестно было скрывать львиную долю правды.

Когда Нечаев, наконец, приступил к работе, дело не спорилось. И, собрав инструменты, он отправился, куда глаза глядят. Потерянный, он долго бродил без цели. Но мало-помалу прогулка развеяла мысли и даже дала подпитку вдохновению. Прохожих встречалось мало – только два мальчишки на самокатах и

немолодая уже, ярко покрашенная модница. Виталий в полную силу пользовался свободой и с восхищением смотрел на тамбовские домики. Построек по неповторимому русскому образцу здесь оказалось в изобилии, не проникли ещё сюда европейские стандарты с их бездушной ровностью, с непритязательной отделкой. Виталий переходил от одного к другому, часто возвращаясь, чтобы рассмотреть какую-нибудь деталь. То привлёк его низкий, словно вжавший голову в плечи, деревянный особнячок, выкрашенный голубой краской. Все шесть его окон были обрамлены наличниками с мелким причудливым ажуром, выделенным белым цветом. То другой, рядом, – с расписными ставнями и венчиками, похожими на раскрытые крылья птиц. То стоявший против них кирпичный дом с грубоватой оторочкой окон. Его красили остатки парадного входа с крыльцом и двустворчатой дверью, упиравшейся в тротуар. Частные домовладения манили тайной. Кто-то в них живёт? Счастливы ли?

– Сынок, сколько время? – окликнул скрипучий голос.

У покосившейся калитки, облокотившись на палку, стояла согбенная старушка. В пёстром платке, ситцевом платье и телогрейке, в галошах на босу ногу. Странно, что Виталий сразу не заметил эту удивительную фигуру. А бабуля между тем пристально смотрела на него водянисто-серыми добрыми глазами.

– Третий час пополудни, – ответил юноша, сверившись с часами, и про себя, досадуя, повторил: – Третий час!

– Ты, я вижу, не тутошный. Всё ходишь туда-сюда. Случаем не заблудился? Ты напрямки, напрямки ступай, на главную улицу, – махала она рукой в нужную сторону – как раз к Евгешиным. – А там разберёшься.

– Благодарю за совет!

– На здоровье!

– Скажите, вы давно здесь живёте?

– Давнёхонько. Вот моя избушка-развалюшка девяносто годков со мной скоротала.

– Не помните ли вы местного барина Николая Александровича Нечаева?

– А то как же? Разок видала, как с деревни перебралась. Осиротела я шести годков, тётка к себе взяла. С ней-то и наведались в барскую усадьбу за каким-то надом. Покамест тётка там была, я ждала её на дворе. Тут и барин заходит с улицы, красивый такой, нарядный, надушенный. Говорит: «Сударыня, вы наша гостья?» Я глазами только хлопаю – оторопела. Он улыбнулся, сорвал цветочек анютину глазку и мне протянул. Жёлтенький такой, яркий, как цыплёнок. Вот так было.

– Трогательная история, – сказал юноша.

– Да. А тебе на что про барина знать?

– Я занимаюсь историей. Не требуется ли вам какая-нибудь помощь?

– Да нет, всё слава Богу, дети, внуки не оставляют заботами.

– Тогда позвольте откланяться. Благодарю за интересный рассказ.

– Помогай Бог тебе, сынок!

«Удивительно! – подумал он. – Столько лет прошло – почти век, – а у женщины перед глазами тот цветок. Знать, это было одним из самых сильных впечат-

лений её детства, а возможно, и всей жизни. Да... Следует хотя бы изредка делать приятные мелочи людям. Как знать, когда за это добрым словом помянут...»

Вспомнились между тем и другие слова старушки: «Ты напрямки, напрямки ступай», – они показались вещими. И Нечаев бодрым шагом направился назад, но не на главную улицу, а к Евгешиным. С твёрдым намерением действовать прямо и честно.

Он откроет своё инкогнито – и будь что будет.

– Куда ты запропастился? – весело встретила Татьяна Степановна. – Мы ждали, ждали, да уж пообедали. А ты подоспел к чаю. Думала, и пирога моего не отведаешь. Я, смотри-ка, сегодня порхаю вровень с птахами в садах. Погода – люкс! Сирень не сегодня-завтра распустится. Самое время жить да радоваться. Проходи, проходи, не стой у порога. Хоть с опозданием, но покушаешь.

– Скоро в нахлебника превращусь, – невесело усмехнулся Виталий. – Я, собственно, по другому делу пришёл.

– Подождёт дело. Или ты расстроить нас хочешь? Клавка молодая, легко перенесёт. А мне чуть понервничать – и разыграется болячка.

– Значит, надо вас побережь. Хорошо, от чаю не откажусь.

– Будь другом, не смущайся, мы же договорились, – щебетала хозяйка. – Садись, садись. Принимай тарелку. Суп сегодня отменный.

Клава была невозмутима, спокойно-благородна. Движения её были величавы и плавны. Будто это не девчонка, перекладывающая посуду, а светская дама, подбирающая драгоценности к вечернему приёму. Она в то же время вполглаза следила за гостем. Мама сказала, что не сама доставала заготовки из подполья – это сделал Виталий. И к тому же задержался там. Хотя заблудиться сложно: банки от дверей видны. Не приходилось сомневаться: он либо искал клад, либо примеривался к дому, чтобы им завладеть. Клава опять насторожилась. Неизвестность пугала. И было особенно горько, что нужда иностранца была не в общении с ней. Она служила лишь проводником для какой-то корыстной цели, которого используют и благополучно забудут. Опять предприняла робкую попытку доверять человеку – и опять прогадала.

«Выяснить! Надо всё выяснить! – думала Клавдия. – Брякнуть невзначай, будто знаю о его корыстных целях. Он наверняка растеряется, да и выдаст себя. Интересно, что он скажет в своё оправдание? Остаётся только улучшить момент. Когда сеньор неожиданность будет меньше всего ожидать. А пока затаиться, вести себя так, чтобы он ничего не почувствовал».

Виталий никак не мог угадать настроения девочки. Ему нужно было обязательно с ней поговорить. Потому что именно перед ней, недоверчиво к нему относившейся и в этом правой, хотелось повиниться.

– Клавдия, прошу вас покорнейше позировать мне для картины, если, конечно, ваша матушка не будет возражать, – неожиданно возникла спасительная идея.

– Что?! – оторопела Клава.

– Как замечательно! В историю войдёшь, – хлопнула в ладоши Татьяна Степановна.

– Зачем это? – опустила глаза дочь. По правде, она растерялась между желанием увидеть себя на полотне, предубеждением насчет Виталия и девичьей скромностью. Не знала, считать ли себя польщённой или стыдиться внимания мастера. Разумом предпочла второе, а сердце упрямо пело о другом.

– Умоляю, не отказывайте. Мне очень нужен образ молодой барышни для одного этюда.

– Прекрати упираться. Когда ещё такой шанс выпадет! Иди, иди, – и мать незаметно подтолкнула Клаву локтем.

«А что? Вот и он, удобный случай. Выведаю тайну волка в овечьей шкуре!» – решила та.

– Нам бы расположиться где-нибудь в тени, – сказал Виталий, обозревая напоенную солнцем усадьбу.

– Может быть, в беседке, – предложила Клава. – Здесь вам никто не помешает. Я всегда сюда прихожу, когда хочется побыть одной.

По пути в тайное место невозможно было не увидеть неприглядные залежи. Ржавая проволока, пустые банки из-под краски, бензобаки и велосипедные рамы – груда металлолома громоздилась вдоль забора. Где только было свободное место, теснился сухостой.

– Это не наше добро, соседское, – краснея, пояснила Клава.

– Не стоит беспокоиться, – утешающе кивнул Виталий, в то время как внутри всё переворачивалось от возмущения.

Когда он увидел беседку, им вновь овладело знакомое чувство слиянных радости и боли. Это была барская постройка, теперь изрядно обветшавшая, но ещё бодрившаяся, как старая пушкинская графиня. Виталий овладел собой и усадил натурщицу.

– Можно узнать: какая у вас задумка? Зачем нужна барышня?

– В такой обстановке разве может возникнуть другой образ? Благородная старина навеивает мысли об идиллии. Но эту интригу я бы ещё подержал. Вас, как я понял, тоже интересует история?

– Да, я люблю старину. Раньше всё было так красиво: одежда, вещи, манеры. А балы, театры, конные прогулки...

– Этикет и дорогие вещи по-прежнему уважаемы. Только, увы, балов теперь не бывает. Их сменили приёмы, банкеты. Что, в общем, одно и то же.

– Совсем не то же! Разве на банкетах танцуют полонез, мазурку или хотя бы вальс?

– Тише, тише! Без резких движений. Вам хотелось бы на бал?

– Бал балу рознь. У нас в школе после одиннадцатого класса будет выпускной бал. Но разве можно его даже близко ставить со старинным праздником? Хотя и принято танцевать вальс, но, как слышно, в последнее время эту часть программы опускают.

– Вам так нравится вальс?

– Да, это мой любимый танец.

Виталий усмехнулся, помедлил и, вдруг оставив кисть, предложил руку:

– Мадемуазель, позвольте пригласить вас на тур вальса.

- Да вы что, смеётесь? – вспыхнула она.
- Ни в коем случае. Простите. Я давно не танцевал и не прочь покружиться.
- Я не умею, – насупилась Клава.
- А я научу. Это несложно. Пройдёмте во двор, где больше места, – и...
- Не буду!
- Что ж, ещё раз простите. Продолжим работу?

Делая набросок, Виталий отчаянно подбирал слова и выражения, но получалось натянуто и неискренне. Завоевать расположение ёжика никак не получалось. «Ты напрямки, напрямки ступай», – вспомнилась недавняя рекомендация. Он на то и решился.

– Клавдия, я хочу открыть вам тайну, – начал он так вдруг, что Клава вздрогнула. Но само слово «тайна» действует, как магнит, и невольно натурщица навестила уши.

- Я приехал не только затем, чтобы работать.

«Значит, я была права. Но неужели он сам признается?» – подумала она.

– Этот дом... Это родное гнездо моей семьи. Я – внук Владимира Николаевича Нечаева. Виталий Нечаев.

Клава оцепенела, поражённая откровением. Несколько секунд она сидела молча, безучастно, как человек после обморока. Виталий ожидал отклика в волнении, словно от её приговора зависело развитие событий. Смотря на неё в упор, он задавался вопросом: о чём современная русская девочка заговорит в первую очередь?

– Вы наверняка разочаровались, когда увидели, в каком всё запустении, да? – наконец, сказала она, составив в уме удручающую картину реальности.

– Да, прискорбно мне видеть упадок. Но всё-таки дом на прежнем месте, он выстоял и дождался меня. Он дорог мне не меньше, чем если бы был ухоженным, – горячо проговорил Нечаев.

– И чтобы увидеть почти что руины, вы рискнули пуститься в такой далёкий путь?

– Что здесь удивительного? Это моя страна, моя историческая родина. Она мне так же, как прекраснейшая Италия, дорога и близка. Я считаю себя её частью, я говорю на русском языке. Но, признаюсь, приехал не только за тем, чтобы взглянуть на родное гнездо. Я хочу исполнить обещание, которое дал дедушке. Он провёл здесь своё детство, и в это время постоянно сочинял себе приключения. Так, играючи, он спрятал свои детские ценности. И главная среди них – фотография его семьи. У нас почти ничего не сохранилось со времени бегства. Семейные снимки и вовсе не подумали взять с собой. Те, что по случайности захватили, были украдены вместе с чемоданом. Дедушка пережил много страшных испытаний. Он так и не вернулся на Родину, и теперь желает только одного – увидеть глаза своей матери. Скоро ему исполнится девяносто пять лет, и я дал себе слово сделать всё, чтобы этот достойный человек на пороге вечности был счастлив. Поэтому я прошу о помощи. Если дом уцелел, то, может быть, и старую шкатулку никто не потревожил...

Клава встала и, сказав одно слово: «Подождите», – помчалась к себе. Виталий кинулся было вдогонку, но остановился и, ухватившись за подбородок, принялся обдумывать положение.

У Клавы тоже клокотали мысли, противоречивые и обрывистые. Когда тайна занимала лишь её, всё было просто. Но вдруг нашёлся другой правообладатель. За ней стоял трудный выбор: скрыть находку или объявить о ней. С одной стороны, думала девочка, шкатулка – собственность хозяина дома, и Виталий пришёл за своим. С другой, разве клад не одно целое с историческим местом? В чьих руках он теперь должен будет находиться? Определённо, его владелица – Россия, в то же время собрание принадлежит живущему в далёком итальянском городе старичку, который о нём помнит и ждёт в жизни, может быть, только этого. Жестоко и бесчестно второй раз лишать его надежды. Клавдия скрепя сердце решила показать свою находку, и если эмигрант попросит её совсем – тогда отдать.

Ради конспирации ларец был положен в большую картонную коробку с лоскутами. Обычное дело, когда рукодельница занималась шитьём в беседке. Поэтому никто не подозревал, что она втихомолку частенько любовалась кладом.

Так и на сей раз Клава молча вынула шкатулку и вручила наследнику.

– Это – что? Неужели...

– Да. Это тайна вашего дедушки.

– И вы не спросите у меня доказательств?

– Ваше лицо – убедительнее всех документов.

– Мamma mea! – Виталий благоговейно коснулся крышки, будто под ней хранилась вся поэзия былого, будто эта шкатулка была залогом счастья всего рода Нечаевых. В глазах юноши блеснули слёзы: то, что касалось истории семьи, делало его сентиментальным.

Наконец, настал миг, полный надежды, радости и волнения. Виталий открыл шкатулку. Первой он вытянул фотографию и сразу понял, почему его «лицо – убедительнее всех документов». Он жадно всматривался в черты родных и находил, что сам будто отлит по образу прадеда. Рядом с Николаем Александровичем сидела та, кого мечтал увидеть дедушка – красавица и бесконечно нежная мать Надежда Ивановна. В мальчишке внук без труда узнал старого Бояна – этот пытливый, задиристый взгляд он отличил бы из миллиона. В квадратном футлярчике обнаружил перстень с сапфиром.

– Это обручальное кольцо Надежды Ивановны. Она была светленькая, и ей больше шло серебро. Но что за чудный здесь камень! Переливается, будто дышит. Дивные узоры по металлу... Надо будет почистить, налёт образовался. Видите ли, когда прабабушка умерла, дедушке было всего девять. Всю жизнь он лелеял образ матери, как огонёк своего сердца. И будто наперёд знал, спрятал её перстень. Хотя, как он рассказал, матушка передала его перед своей кончиной для будущей невестки. Этот завет он не смог исполнить, а подарок сохранил.

– Как интересно! Одна вещь – и целая история.

– Да, предмет может рассказать о многом – о времени, о месте, о человеке. Медальон с князем Владимиром, крестителем Руси. Это ангел моего дедушки.

Святыньку привёз богомолец из Киева, кто-то из наёмников прадеда, кажется, Григорий Филиппович. Да-да, он самый, который потом тайник устроил. Как хорошо всё сохранилось...

– Виталий, значит, вы дворянин? – спросила Клава, и в глазах её блеснуло восхищение.

– Да. Правда, не из знатных и титулованных. Но я счастлив, что имею предков благородных кровей, глубоко чту их.

– А мои предки хоть и не аристократы, но я горжусь ими не менее, – процедила Клавдия. – Конечно, я люблю дворянскую культуру, но если б все так жили. С разделением на элиту и массы я не могу согласиться. Одни, без всяких заслуг, рождаются благородными, другие – простыми. Перед первыми трепещут, на вторых смотрят свысока и называют чернью. С какой стати? Дворянин и дворовый вообще от одного корня. И человеческое их достоинство тоже одинаковое. Отвратительна эта система неравенства! Хорошо, сейчас её нет. Мы все имеем и тело, и душу, и чувства, которые уважаются в каждом. О человеке судят по талантам и по поступкам. Любой, независимо от происхождения, может подняться к вершинам.

– Ого! В вашем порыве звучат отголоски революции. Я, грешным делом, думал, вы монархистка. Поистине: человек – единство противоположностей.

– А разве так справедливо?

На этих словах Клава запнулась и резко села на пенёк. Теперь она впервые по-настоящему прочувствовала почву, на которой вызрел бунт семнадцатого года. Непреодолимая пропасть между высшими и низшими, раз и навсегда от рождения определённое место и образ жизни, неравный достаток. Вот на чём подстрекатели разбудили гордыню и восстание против несправедливости.

– Справедливость? В чём она? И справедливость ли на самом деле то, что кажется таковой? Место в жизни, как и таланты, даёт Господь. И это тоже не по нашим заслугам. Разве можно в таком случае делить людей по мере их дарований? – возразил Нечаев. – Впрочем, люди сами любят отделяться от остальных, сбиваться в группы, объединения, общества и очень ревностно оберегают их от вторжения новых лиц... Для чего нам несправедливости? Чтобы мы помогали друг другу и учились прощать врагов. Хотя в одном вы правы: нужно уважать друг в друге человеческое достоинство. Что до дворян, то звание более обязанность, чем привилегия. Барин – как начальник, и на нём попечение, забота о благе подчинённых, каждый из которых занят своим маленьким делом. Сколько на одного богатого приходится просителей...

– Может быть, человек из крестьян настолько гениален, что смог бы управляться не хуже барина, или он прирождённый поэт, или полководец, или искусный мастер, который сам мог бы зарабатывать. Но нет – он угнетён и должен хоронить свои способности на чужом поле. Если бы Ломоносов своей сильной волей не вырвался из дальней деревни, так и остался бы рядовым помором. Не все были способны на подобный подвиг, – Клава пылала, как ей казалось, праведным гневом. – Мне противен коммунизм. Но при всей преданности монархии

я благодарна революции за то, что она добилась равноправия для всех граждан. Я теперь свободна, могу не сидеть дома в тени отца, брата или мужа, а сама чего-то достичь. Причём в любой сфере. Если бы не переворот, то как бы мы преодолели эту пропасть неравенства?

– Все эти новые права не стоили таких жертв, – отчеканил Виталий.
– Да и границы между сословиями на рубеже веков уже начинали таять. Хождение учителей в народ принесло плоды просвещения, перед представителями низших слоёв открылись новые пути. В большие люди выходили купцы, фабриканты, сметливые крестьяне. Но неповоротливое общество не успело развить и закрепить успех. Продержись страна десятка два-три лет, мы пришли бы к результатам лучшим, чем дал этот слепой бунт.

– Ладно. Спорить – что водить по бревну двуручной пилой: всяк на себя тянет, а толку – чуть. Ничего теперь не вернёшь. Как есть уже.

– Да, не нам, сытым и безмятежным, судить наших предшественников.

– Когда вы узнали о своём происхождении? – уже миролюбиво спросила Клава.

– Мне было лет семь, я гостил в Сорренто...

– Сорренто? Это что?

– Город в Италии.

– А я подумала тогда, как вы сказали: Иссорренто, что это ваша фамилия, – прыснула Клава.

– Нет, моя фамилия – Нечаев. Так вот, однажды я наткнулся на небольшой сундучок со старыми вещами, оставшимися от прадеда. Тогда мне дедушка рассказал о нашем происхождении и бегстве, а потом постепенно укоренил во мне любовь к России и своему роду. Мы с тех пор часто беседовали вечерами...

– Клава, вы где? – окликнула Татьяна Степановна совсем близко.

– Мама ничего не знает о кладе, – вскочив, прошептала Клава.

– Есть причины скрывать его?

– Нет.

– Так давайте поделимся новостью. Разделённая радость умножается, говорят на востоке.

– Но тогда не будет тайны.

– Тайна останется, но она будет храниться в узком кругу и связывать всех нас воедино, как своего рода закрытое общество.

– Хорошо. Мама, мы в беседке, иди сюда. Присядь. Посмотри, я нашла в нашем доме клад.

– Ну и дела! – всплеснула та руками. – И не сказала! Кремень-девка!

– Не обижайся, всё случилось неожиданно и быстро. Я только недавно его нашла, а там приехал Виталий. На самом деле шкатулка принадлежит ему, то есть его дедушке Владимиру Николаевичу Нечаеву.

– Как? Значит, ты...

– Виталий Георгиевич Нечаев, – почтительно склонил голову тот. – Когда-то эта усадьба принадлежала моим предкам.

– Невероятно! И ты приехал, чтоб взглянуть на родную землю? Всё думаю: как родители тебя, совсем молодого, отпустили в такую даль?

– Я человек самостоятельный, с детства привык к путешествиям. Как только позволили обстоятельства, приехал.

– Ты удивительный парень. Я сразу это заметила. Теперь ты у нас не как дома, а по-настоящему дома. Приходи в любое время, будем рады.

– Спасибо на добром слове, но мне скоро надо возвращаться домой в Италию, к бабушке. Я только дождусь, когда зацветёт сирень. Бабушка настаивал, чтобы я это увидел.

– Да, сирень, – улыбнулась Татьяна Степановна. – Как не любить эти ароматные грозди? Жаль, что распускаются они ненадолго. Но в эти несколько дней они приносят нам уладу... Ну, что же там, в кладе? Хотя стойте... Ребята, давайте уж и отца позовём. Он хоть и со смены, да я растолкаю. Несправедливо будет, если ему не сказать.

– Клавдия, право слово, не могу выразить, как я вам признателен за то, что вы сохранили наши ценности, – повторился Виталий.

– За что тут благодарить? Мне самой было интересно такое приключение, о каких в книгах пишут. Я тут, между прочим, занялась историей дома и его жителей. Недавно в архиве обнаружила запись о рождении Николая Александровича. Рассказать бы обо всём этом самому Владимиру Николаевичу – вот бы он порадовался...

– Обязательно расскажу, и во всех подробностях. Как подарок к юбилею.

Когда все были в сборе, Клава поведала историю кладоискательства. Она ничего не приукрашивала, но слушали упоённо, как былинную песнь о родных местах.

– Здесь ещё открытка с вырезкой, – показала Клава. – Наверное, на ней автограф – видите, чернилами надписано.

– Предположение – в точку, это действительно росчерк автора, – подтвердил Нечаев. – Бабушка говорил, что Надежда Ивановна, его мать, в девичестве виделась с господином Гайдебуровым, и он подписал ей открытку с любимым стихотворением. Прабабушка дорожила ею.

– Вот почему она здесь! – обрадовалась разгадке Клавдия.

Андрей Юрьевич смотрел, вытянув губы трубочкой – от удивления. Поймав паузу, он спросил:

– Остаются деньги. Какая история за ними?

– О них мне ничего неизвестно, это, видимо, выдавалось на мелкие расходы.

– Молодчина, Клавка, – одобрительно покачал головой отец. – Мы всегда знали, что ты у нас редкая умница. Хорошо, что нам находку показали, а то увезёте её...

– Нет, – отрезал Виталий. – Клад останется здесь. Он принадлежит не мне, не вам, а этому дому. Я только запечатаю всё на снимках. К тому же мне ещё пересекать границу: вещи старинные, и могут возникнуть вопросы на таможне.

– Так значит, ты скоро уедешь, – поникла Татьяна Степановна.

– А нет ли желания вернуться? – подхватил Андрей Юрьевич. – Я, знаешь ли, всегда удивлялся: интеллигенция наворотила дел, да и была такова. Разбирайтесь тут сами с вашими свободой, равенством и братством. Надо отдать должное, Родину они любили и, конечно, хотели как лучше. Но перебурobili её будь здоров. Теперь вот показывают детей эмигрантов по телевизору. Они в один голос поют: мы русские, мы любим Россию. Но если так, то почему вы сторонитесь её?

– Все нет, – возразил Виталий. – Многие после падения советского строя приезжали в Россию, некоторые состоятельные люди даже занимались вопросами восстановления своих бывших усадеб.

– Это, бесспорно, хорошо. Но дома надо наполнять жизнью. В доме должно биться сердце – человек. Вы же наши соотечественники, русские. Так почему предпочитаете чужие страны?

– Понятно почему: нелегко сняться с насиженного места, бросить жильё, работу, друзей, – вступилась супруга.

– Да нет в том ничего убийственного. Мы же перебрались из Казахстана на Родину, – перебил Андрей Юрьевич.

– И до сих пор не выкарабкались из нищеты.

– Мы и там несладко жили.

– Видите ли, трудно говорить от лица всего русского рассеяния, – начал Виталий, пораздумав. – Полагаю, самая веская причина – изменения. Как я успел заметить, страна совершенно иная, чем мы знаем её по рассказам. Мы знакомы с царской Россией, а сейчас это демократическое государство. Совершенно другой строй.

– Ну, а в чём разница? Царь, генсек или президент – у руля всегда кто-то один, – Андрей Юрьевич так искренне недоумевал, что под натиском бровей у него сморщился лоб.

– Разница есть. Царь – помазанник Божий. Его власть священна, она благословлена свыше. В этом случае избирает Бог, а не люди.

– Любого правителя определяет Бог. Всё в Его воле, – сказала Татьяна Степановна.

– Но есть одна тонкость: наследника с детства готовят к правлению.

– Не факт, что это обеспечит ему успех, – поднял указательный палец Евгешин. – Сколько знает история выходцев из народа, способных властвовать не хуже принцев. Наполеон один чего стоит.

– Таких людей блеск власти, к которому они не привыкли, ослепляет.

– Блеск блеском, но есть ещё долг. Допустим, эмигранты, что сделали для процветания родной земли?

– Родина нас выгнала. Теперь она и подавно в нас не нуждается.

– Не Родина! – вмешалась Татьяна Степановна. – Родина – это мать. Может ли она отвергать своих детей? Выгнали братья, родство которых, между прочим, не спешили признавать на верхах. Разделение-то, оно ещё задолго до революции возникло. Но теперь всё прошло и быльём поросло. Ничего не изменишь.

– Как бы там ни было, держава исчезла, а народ-то остался, – стоял на

своём Андрей Юрьевич. – Он всё такой же простой, незлобивый, терпеливый, мечтательный. С сердцем, открытым всем ветрам.

– Только готов ли он нас принять? Мы прочно забыли друг о друге.

– Хотя прошлое всё ещё тяготеет над нами, – добавила Татьяна Степановна.

– Пора отпустить его, – заявил Андрей Юрьевич. – Впрочем, маленькому человеку сложно об этом рассуждать. Сверху, с тронов, вид может быть совершенно другой.

– Примирить нас может только одно – взаимное прощение, – торжественно произнесла Татьяна Степановна.

– Может, уже не будем спорить? – подала голос Клава. – Давайте вернёмся к кладу.

– И то верно, – усмехнулся отец.

– Дамы и господа, предлагаю всем нам дать обещание, что никто никому ничего не скажет о кладе, – твёрдо, с расстановкой объявила девушка.

– Обещаем, – вразной подтвердили три голоса.

– И я обещаю.

– Клава, можно взглянуть на само хранилище? – укладывая ценности, спросил Виталий.

– Только по очереди, чтобы не привлекать лишнего внимания, – предупредила та и вдруг уже на выходе обернулась к остальным со словами:

– Я одно замечу сразу: не хотелось бы скрывать находку от ещё одного человека. Это отец Владислав. Он помогал мне провести исследование по истории дома и семьи Нечаевых. Никто не против?

– Да, это, пожалуй, будет справедливо, – кивнула мать.

* * *

Встреча с ним была назначена в послеобеденное время. Заинтригованный странной просьбой своей подопечной, отец Владислав сразу согласился прийти. Хотя он и не ожидал услышать чего-то сверхъестественного.

Виталий ещё с вечера предупредил, что придёт к Евгешиным раньше означенного времени, чтобы заняться съёмкой. Клава принесла шкатулку в беседку, и он наделал кучу снимков с реликвиями во всевозможных комбинациях и ракурсах. Можно было любоваться, с каким очарованием – будто ювелир на редкие самоцветы – смотрел он на каждую вещь.

– До сих пор поверить не могу, что и у нас есть фамильные ценности, которые когда-то держали в руках прадедушка и прабабушка, – не однажды повторил он. – Я счастлив просто прикасаться к их вещам.

– Да, вы счастливчик, – подтвердила Клава. – У нашей семьи ничего не сохранилось, да и нечему было сохраняться, мы же не дворянского происхождения.

– У вас осталась Родина. Она – самая величайшая ценность из тех, что передаются из поколения в поколение. Ваши предки жили на своих местах. И не пришлось им, как миллионам изгнанников, испытать все тяготы сиротства, нищеты, унижений. Поистине достойно восхищенья, что даже в суровых условиях те люди сохранили высокую русскую культуру, чего почти не осталось здесь.

– Как так не осталось? Память осталась, здания остались, книги, которые уберегли чудом, – вспыхнула Клава. – Вы говорите о бедности. А знаете, каково было тем, кто тогда жил на родной земле? Мама говорит, они тоже были как в эмиграции, ведь страна стала другой, неузнаваемой. Разве провозглашённые свобода, равенство и братство пришли сразу, да ещё вместе с достатком? Нет. Разгул бандитизма, потом гражданская война, потом раскулачивание, ссылки, расстрелы. Мой прадед, простой сельский священник, был убит ни за что. По доносу. Потом Великая Отечественная война, которая унесла жертву от каждой семьи. Потом стройки коммунизма до надрыва. А как верующих гоняли. Храмы рушили, святыни уничтожали. Даже мама застала то время, когда на Пасху возле церкви дежурила милиция. Молодёжь не пускали, старших осмеивали. Если вздумал ребёночка окрестить – это сразу становилось известно, и ослушника примерно наказывали. Вот какая выстроилась система. Братство было хуже рабства. Сколько крови, слёз и страха на этой земле видели. Наш простой народ столько вынес, сколько ни один другой на всей планете. Так что неизвестно, кому тяжелее пришлось...

Клава кипела от негодования и всколыхнувшейся боли за все страдания России. Глаза метали молнии, ноздри подрагивали, всё тело напряглось, словно предстояло сражение. В столь неожиданном всплеске Виталий увидел всю силу патриотизма этой хрупкой девочки. Он понял: ещё одно пререкательство – и та не остановится ни перед чем, даже перед крупной ссорой. Разрушать завязавшуюся дружбу не хотелось. Да и сам порыв её был прекрасен и оправдан.

– Откуда вы в ваши годы всё это знаете? – пошёл он на попятную.

– Мы с мамой говорим о многом.

– Простите мне великодушно односторонность суждений. Только во мне, так же, как и в вас, не унимается боль из-за той трагедии, которая разделила наш народ на враждебные станы. Эта боль передалась мне через поколения.

– И мне, – тихо добавила Клава.

– Мир и дружба? – протянул ей руку юноша. – Мы же представители одного народа. Так давайте просто, как сказал Андрей Юрьевич, отпустим обиды нашему прошлому и будем жить дальше.

– Мир и дружба! – улыбнулась Клава, отвечая на рукопожатие. – Значит, мы теперь друзья?

– Почту за честь называться вашим другом.

– Знаете, у нас принято, что друзья общаются на «ты».

– Весьма польщен.

Не более чем через четверть часа появился отец Владислав.

Клава встретила его радостно и провела в тайное убежище новоявленного общества. Подтянулись и хозяева.

– Отец Владислав, хочу вас познакомить с нашим гостем, – начала Клавдия. – Виталий Нечаев – прямой потомок того, о ком мы так хотели узнать побольше. Правнук владельца нашей усадьбы Николая Александровича Нечаева.

– Я не ослышался? Вы из семьи эмигрантов?! – промолвил потрясённый батюшка. – Откуда же вы приехали?

– Из Италии. Родился я в Риме, но большей частью живу на юге страны.

– У вас прекрасный русский.

– Заслуга дедушки – он общался со мной только на своём родном языке.

Когда я переходил на итальянский, дедушка мне не отвечал, говорил, что не понимает.

– У нас тут такой круговорот с его приездом: всколыхнулось былое, – заметила Татьяна Степановна, а своим шепнула: – Берём благословение.

Андрей Юрьевич и Клава послушно подошли вслед за нею, а Виталий остался на месте, поставленный в весьма неловкое положение.

– Виталий, что же ты, – обернулась к нему Татьяна Степановна. – Или ты не знаешь, как это делается?

– Знаю, – замялся тот. – Но, простите, не могу. Я принадлежу к церкви за границей.

– Как? Разве ты католик?! – искренне удивилась Клава.

– Нет. Русская Церковь Заграницей – православная.

– Ничего не понимаю, – растерялась Клава.

– Позволь объяснить, – вмешался священник. – Русская Церковь Заграницей образовалась в двадцатых годах с так называемой белой эмиграцией. Последствием революционной катастрофы и гражданской войны для части нашего народа, не побоюсь этих слов – цвета нации, стало рассеяние по всей планете. Учёные насчитывают от двух до десяти даже миллионов беженцев. Среди них были не только потерпевшие поражение белые офицеры, но и штатские, их жёны, дети, кое-кто даже из простонародья. Выехали из России многие священнослужители. Они разнесли по дальним странам Православие. Вера поддерживала и объединяла людей, несмотря на расстояния и специфику чужих стран. Но много тут возникло искушений. Позиция Московского Патриархата, который был вынужден считаться с новым гражданским правительством, казалась эмигрантам неприемлемой. Компромисс ими не принимался. Молиться не за царя, а за властей представлялось невыносимым. Это и стало главной причиной разногласий. Так за пределами Родины в двадцатых годах возникла Русская зарубежная церковь.

– Но это вроде бы логично: царя же не стало, его сменили другие, – сказала Клава.

– Вопрос очень сложный и щекотливый. Как бы то ни было, с тех пор нет между нами евхаристического общения. То есть мы не можем причащаться из одной Чаши, совместно участвовать в Таинствах, ну и брать благословение, как в нашем случае.

– Я и не знала об этом, – растерялась Клава. – Как же так: православные, а не вместе? Ведь с греками мы общаемся, хотя бы они и другой национальности.

– Видишь ли, дело в другом, – сказал батюшка. – Между русскими всё очень обострено, у многих ещё не зажили те раны. Взаимные претензии велики, но, есть надежда, преодолимы. Мало-помалу богатейшая русская культура, сохранённая в эмиграции и у нас в частных домах, проникает в нашу жизнь.

В то время как в других странах её очаги угасают. Слава Богу, мы ещё успели перехватить эстафету. Когда-нибудь, и, похоже, час этот недалёк, русские православные церкви в России и за рубежом воссоединятся.

– Это будет правильно, – облегченно улыбнулась Клава. – Виталий, а ты как считаешь?

– Пожалуй, я был бы рад. Чего не скажешь обо всём нашем духовенстве. Встречал одного престарелого священника, который в большой обиде на большевиков. Он ревностный противник восстановления единства, потому что до сих пор считает Россию вместилищем коммунизма. Я теперь увидел, что это не так. Хотя следы истории ещё хорошо заметны. На вашей главной площади стоит памятник предателю Ленину, а многие улицы носят названия времён красной тирании.

– Что верно, то верно, – сказал Андрей Юрьевич. – Но прежние названия возвращаются. Что до памятника – тут ведутся дискуссии. Сколь много сторонников демонтажа, столь много и противников.

– Если не мы, то кто-то другой ещё верен заветам Ильича. Надо уважать их чувства, – возразила мать. – Хорошо, что современная власть не уподобляется предшественнице и не спешит топтать историю.

– Если судить непредвзято, то советская эпоха – эпоха великих свершений. Одно покорение космоса чего стоит! – добавил Андрей Юрьевич.

– Мы отвлеклись от нашей темы, – в очередной раз остановила Клава. – Собрались мы не только затем, чтобы отец Владислав и Виталий познакомились. У нас ещё одна новость: мы нашли клад. Виталий приехал именно за ним, за дедушкиным сокровищем, но я добралась до него первой.

– Старинная усадьба, эмигранты, да ещё и клад! – покачал головой батюшка. – Друзья мои, да у вас тут творится что-то невообразимое!

Молодые люди показали ему реликвии, не видевшие света более восьмидесяти лет, и снова перебрали историю каждой. Священник слушал увлечённо, вещи рассматривал внимательно, держа их так аккуратно, будто они были из хрупкого перламутра.

– Счастливые вы: вам довелось стать участниками настоящего приключения, – сказал отец Владислав. – Подлинное чудо, что дом стоит целое столетие, что в его недрах сохранилась шкатулка. А ещё важнее: вы, веточки одного корня, встретились и поладили. Замечательно, что вы вместе и вас объединяет одна цель – хранить память об истории дома, о его обитателях и, не побоюсь замахнуться на такие слова, о русской культуре. Может, по вашему примеру, сольются два русских потока?

– Мы не смеем считать своё частное дело всеохватным, – заметил Виталий.

– Как знать, как знать...

– Батюшка, по совести, кому принадлежит клад? Мы вчера решили, что – этому месту. Правильно ли? – спросила Татьяна Степановна.

– Здесь нет художественно ценных вещей, так что для музея он никакого интереса не представляет. Да и владелец жив. Поэтому, собственно, кладом в

общепринятом понимании находку назвать нельзя. Думаю, вы правильно рассудили. Шкатулка общая, и её судьба должна в будущем решаться на вашем совете. А хранителем, как я понимаю, будет Клавдия?

– Получается, – подтвердила та.

Совсем неожиданно из вдохновителя она превратилась в руководителя и незаметно для себя самой начала хорошо справляться с этой ролью:

– Отец Владислав, как ответственное лицо я прошу вас дать обещание, что вы никому-никому не скажете о находке. Знают о ней только шестеро: вы, мои родители, Виталий, его дедушка и я. Видите, у нас получилось общество клада.

– У как забористо, – усмехнулся священник и уже серьёзно добавил: – Даю слово: ни одна душа не узнает от меня тайну клада. На этом я бы с вашего позволения откланялся. На службу пора. Благодарю за откровенность и необычайное приключение с итальянцем в России.

– Спасибо, что вы с нами, – ответила Клава.

– С Богом! На всё доброе! – и, перекрестив Евгешиных, священник удалился.

* * *

Близилась пора экзаменов, которые так пугают и мучают молодёжь. Клаве, упорной и добросовестной, приходилось невероятным усилием воли понуждать себя к занятиям. Трудно было сосредоточиться на формулах и правилах, когда дома вместе с сиренью расцвела невероятно увлекательная интеллектуальная жизнь.

Виталий спешил запечатлеть на холсте дивные сиреневые гроздья, Клавдия в свободную минуту позировала на их фоне перед фотоаппаратом. Аромат миллионов разделённых начетверо цветков навевал мечтательное настроение.

Беседы приносили усладу обоим. Незаметно русский итальянец и тамбовчанка, разные, как облако и камень, сдружились. Круг общих интересов оказался довольно широк. Это был экскурс не только в историю, но и в литературу, живопись, архитектуру, моду и даже естествознание.

– Клава, я всё хочу спросить: что это за загадочные створки, которые никогда не открываются? – Виталий показал на дверь, ведущую из прихожей в центральную часть дома.

– Там комната и кухня тёти Риты. Это ещё одна соседка. Просто она не хочет жить рядом с пьяницами, да ещё ждать, пока старые стены погребут её под собой. Так она говорит. Тётя Рита уже давно переехала к дочери. Продать свою долю всё никак не может: площадь маленькая, да и кто захочет селиться под одной крышей с этими...

– Как же вы их терпите?

– Нам просто деваться некуда. Продать свою часть мы тоже не можем, да и не хотим. Нам здесь нравится. Если б только не эти товарищи...

– Я мог бы выкупить часть тёти Риты. Было бы неплохое подспорье вам. Я понял, что не хочу навсегда расставаться с этим местом. Вы не станете возра-

жать, если я изредка, может быть, раз в год или в два, буду гостить в нашем старом дворянском гнезде? Чтобы не стеснять вас, хорошо бы иметь своё пристанище. Полагаю, заброшенные комнаты вполне для того подойдут. А в остальное время там располагались бы вы. Как вам такой расклад? Поскольку там никто не живёт, часть дома ветшает. Вы же будете поддерживать порядок. Только сделкой и оформлением я прошу заняться вас самих. Мне через два дня надо уезжать.

* * *

Согласие соседки на продажу её наследной доли было получено без уговоров. Напротив, она чуть не приплясывала от радости. Евгешиним оставалось только удивляться, как легко удаётся расторопному иностранцу разрешать все возникающие вопросы.

– Молодец, Виталик, – хвалила Татьяна Степановна. – Ты не только талантливый художник, но и прекрасный организатор. Казалось бы, необычное сочетание – а вот он ты, перед нами.

– Да в этих случаях никаких усилий не требовалось, – отнекивался тот. – Две-три нужные фразы в доверительной беседе – и взаимопонимание достигнуто. Какая здесь заслуга?

– Видела бы ты, Танюша, – смеялся Андрей Юрьевич. – Он был великолепен! И ручку поцеловал, и провёл эту дородную выкрашенную тётку к креслу, и Маргаритой Павловной её величал.

– Рита этого заслуживает. Она, хоть и жгучий перец, женщина добрая и щедрая, – справедливости ради заметила Татьяна Степановна.

– Она в детстве меня баловала – то пирожком угостит, то конфеткой, – поддержала Клавдия.

– В общем-то, это выглядело красиво. Ей, судя по всему, тоже понравилось, – подытожил отец.

– Что верно, то верно: с тобой приятно общаться, обаяшка, – улыбнулась Татьяна Степановна и, растрогавшись, пожала его запястье.

– Мне с вами тоже очень хорошо, – признался Виталий. – Но пора и честь знать. Билеты заказаны. Завтра приду попрощаться. Поезд на Москву отходит вечером.

– Как жаль. Мы к тебе уже привыкли. Выглянешь в окно – ты там рисуешь. Очень будет тебя не хватать.

Клава не промолвила ни слова, но внутри у неё всё сжалось от осознания неизбежности. Ей тоже начинало казаться, что так теперь будет всегда: выглянешь в окно и увидишь друга за этюдником. Увы, это была наивная грёза, которая увяла, как сорванный цветок.

– Промчались две недели – не заметил, – сказал Виталий, прощаясь на другой день. – Но забыть друг о друге нам не придётся. У вас остаётся клад, который вы наверняка будете хранить, как святыню. Я увожу с собой эскизы, фотографии и необыкновенные впечатления. Здесь я почувствовал себя будто дома. Увидел семейный круг, в котором так трепетно относятся друг к другу. Узнал, что

значит заниматься тем, чем просит душа. Ещё насладился чудесными красками весны в этом саду, на других улицах. Сирень, анютины глазки, тюльпаны, маргаритки – все они прекрасны. Искренне вам благодарен за русское хлебосольство, о котором далеко идёт слава.

– И ещё одна просьба, вернее, приглашение, – добавил Нечаев. – Буду рад видеть вас в Италии. Поверьте, у нас райски красиво в это время и погода хорошая. Осенью тоже неплохо. Расходы готов взять на себя. И даже не отказывайтесь, не то приеду и всех вас похищу!

– Спасибо, дорогой, но до следующего года много воды утечёт. Поживём – увидим, – ответила Татьяна Степановна. – Ты уж пиши нам.

– Пожалуй. Будет повод применить уроки чистописания на практике, – подмигнул Виталий Клавдии. Об электронной почте он не заикнулся, когда в этом доме даже проводного телефона никогда не было.

– Что ж, до свиданья. Оставайтесь с миром и будьте здоровы.

– Счастливо, сынок, – обняла его хозяйка. – Дай тебе Бог всех благ и невесту хорошую. Ангела-хранителя в путь!

Виталий обменялся крепким рукопожатием с Андреем Юрьевичем, обнялся с Татьяной Степановной и склонился к руке Клавдии. Это был не только галантный жест: он преклонился перед всем необычным, перед всем прекрасным, что цвело в этой юной душе.

– И ты прощай, дом, – прикоснулся он, уходя, к кирпичной стене. – Бог даст, ещё свидимся.

Семья рассталась с дорогим гостем у ворот.

– Честь имею! – поклонился он ещё раз и направился в гостиницу – собирать вещи.

Супруги гомонили, балагурили, а Клава лишь помахала вслед. Заговори она – не смогла бы совладать с голосом от волнения. Но едва Виталий скрылся за поворотом, Клава, всхлипнув, кинулась домой.

– Что это с ней? – удивился отец.

– Пойду узнаю. Не думала, что она такая впечатлительная.

А в светлице сходила лавина. Не в силах поддерживать равновесие, Клава упала на кровать. Изменила ей всегдашняя сдержанность и скрытность, она зарыдала в голос. То было слишком сильное испытание: все застарелые и новые, толком не осознанные, переживания выплеснулись наружу.

– Доченька, да что с тобой? – так нежно и сочувственно проворковала мать, подсаживаясь к страдалнице, что та зашлась пуще прежнего.

– Единственный друг... Настоящий друг за всю мою жизнь... И уехал. Может быть, навсегда.

– Тише, тише. Всё будет хорошо. Я же тоже твой друг.

– Да, ты самая родная и любимая, ты всегда со мной. Но ты мама. А здесь человек, который прежде был чужим, и вдруг стал таким близким, мы о стольком с ним говорили. Он первый не из семьи, кто меня с удовольствием слушал. Он понимал мои интересы. Нам было так хорошо вместе.

– Зато будет у тебя теперь друг по переписке, как в нашем золотом девятнадцатом веке. Виталий ведь обещал писать.

– Маша, которая через дорогу жила, тоже обещала писать. А как уехала в Москву – ни строчечки. Подруга называется. Столько лет с ней играли – и с лёгкостью меня забыла.

– Ну, это ветреная девчонка. Она на год постарше тебя. В детстве такая разница очень ощутима. Да и столица закружила. Новые знакомые, новая школа. Зато ты теперь знаешь цену иной дружбе. Настоящий друг – он навек! Где бы ни был – о тебе помнит. А Виталию, пожалуй, не забыть о своём приключении. Я видела в его глазах неподдельный восторг. Даст Бог, ещё получится приехать...

Этот довод несколько успокоил.

– Думаешь о худшем, надеешься на лучшее, а случается, чего никак не ожидается, – вяло улыбнувшись, заметила Клава.

И хотя внутри всё ещё буйствовал расстроенный оркестр, хотя вопрос: «Не забудет ли?» – не давал покоя, она увидела впереди ясную цель. Да, она будет ждать первой весточки с цветущего побережья. Как в любимом девятнадцатом веке...

Нелегко прощальный час дался и Виталию. Когда позади осталась суета сборов, и по-доброму попрощались с Алексеем Львовичем, он почувствовал себя, как витязь на распутье. Он рвался домой, к бабушке и своему красочному миру, и в то же время не покидало желание остаться на земле, питавшей корни его рода. От этих мыслей острее ощущалось одиночество, и он уже пожалел, что отказался от прощальной встречи с Евгешиными на вокзале.

В ожидании поезда Виталий бродил по скверу, смотрел на фонтан-невесту и размышлял:

– Подумать только: ещё месяц назад жизнь в Тамбове представлялась мне чем-то вроде легенды. Теперь же я, пусть и обрывочно, знаком с ним, с его историей и его жителями. Наш общий дом связал нас как одну семью...

До самого рассвета молодой человек просто лежал в купе с закрытыми глазами. Сон к нему не шёл. Всплывали воспоминания. Преследовала, подобно тянущимся вдоль путей проводам, пугающая мысль: не напрасно ли обнадёжил новых друзей, получится ли приехать ещё хоть однажды?

Часть вторая

Долгая дорога, на которую ушло более суток, показалась Виталию мимолётным наваждением. Поезд, электричка, самолёт, автобус – весь путь проносился фоном. Виталий пристально и неспешно, как увлечённый антиквар, перебирал драгоценные впечатления. Вспомнив о первой встрече с Клавой, невольно улыбнулся. Теперь ему была ясна причина её непредсказуемой реакции: девочка подумала, что видит гостя из прошлого. А потом были насыщенные творческим горением дни и приятные вечера с захватывающими беседами. И наконец, вековая тайна усадьбы, которую удалось раскрыть. Он беззаботно радовался успеху

своей миссии. Отправляясь в загадочную Россию, он не мог даже представить, что дальняя Родина так ласково встретит, подарит свою любовь вкупе с вереницей чудесных мгновений. Новыми красками заиграло то давно взлелеянное чувство к этой земле, которое именуется сыновней любовью.

Виталий размышлял ещё и о том, когда лучше рассказать дедушке о своих находках – сразу или подождать торжественного дня. До юбилея оставалось несколько месяцев, а у старейшего из Нечаевых был тот возраст, когда решающим мог быть каждый час. Внук решил потратить ещё некоторое время на дорогу и отправиться напрямик в Сорренто.

О, это море! О, это побережье! Путешественник приткнулся к окну автобуса, жадно ловя взглядом знакомые с детства картины. Ухо улавливало бойкую итальянскую речь. Здесь тоже была Родина...

Здесь Виталий знал едва ли не всё: кто где живёт, что где продаётся, куда обратиться по делу. Нужно теперь напечатать фотографии – к его услугам милая знакомая из магазина на соседней улице.

Когда добрый вестник переступил порог дома, Владимир Николаевич принимал одну из ежедневных медицинских процедур, хотя в последнее время они мало помогали. Ожидание томило, волновало, заставляло считать и подгонять дни, которых и так оставалось немного.

– Дедушка, родной, я вернулся, и вернулся с победой!

– Вито, мальчик мой, – просиял старик. – Иди же ко мне, я тебя прижму к сердцу покрепче. Не верится: ты был там, в родных краях. Дай хоть прикоснусь к заронившимся пылинкам, запах русский вдохну.

– Сеньор, вы же видите: пациент взволнован. Это нам мешает. Оставьте его сейчас или успокойте, – вмешалась медсестра.

– Я попозже приду и всё тебе расскажу, хорошо? Ты же отпустишь меня умыться и поужинать?

– Да, дружок, иди. Но потом – сразу ко мне. Я буду ждать. Почти век ждал, подожду ещё немного...

– Вито, ты, что ли? Наконец-то! – перехватил его за дверью старший брат. – Уж не чаял тебя дождаться. Дедушка плохо себя чувствует, чудит и капризничает, пришлось за ним присматривать. Пока я тут пестуюсь, дела стоят.

– Константин, это же твой дедушка, о каких делах может идти речь!

– Но я всё-таки не сиделка, чем могу быть ему полезен?

– Заботой и разговором по душам. Хотя это, и правда, не про тебя. Забудь.

– Что ж, если ты здесь, я могу завтра отправляться в Рим. Ещё увидимся.

Вечером, когда уже стемнело, Виталий постучался к дедушке. Это было обычное у них время душевных бесед, со сказками, легендами, увлекательными жизненными историями. Давно повелось, что после заката дед и внук собирались за круглым столом в уютной комнате старшего Нечаева. Он был умелым рассказчиком. Недаром соотечественники одарили его прозвищем Боян – в честь былинного певца и сказителя, что, кстати говоря, весьма льстило старику. Его словом и артистизмом легко оживлялись картины минувших лет, а когда он го-

ворил о шедеврах искусства, то привлекал всевозможные подробности – от бытовых до лирических. Слишком многое он видел на своём веку.

Теперь же слово было за Виталием. Он усадил Владимира Николаевича в коляску, которую тот в шутку именовал «подруга дней моих суровых», и подкатил к столику. Дед выжидательно молчал, претерпевая манипуляции внука.

– Вот, всё как раньше, – сказал юноша, садясь напротив. – Дедушка, только прошу тебя, не принимай близко к сердцу, словно не о нас речь. Расскажу я тебе потрясающую историю. Наконец, один из нас увидел страну нашей мечты. Россия в самом деле такая – прекрасная, открытая и щедрая, как ты о ней помнишь. На день я останавливался в Москве, видел Красную площадь с Покровским собором. Остальное время провёл в Тамбове, где и познакомился с настоящей Россией. Ты будешь удивлён, но дом ваш стоит в целостности и сохранности.

Эмигрант не смог сдержать стоны и слёз – эти слова, в один миг преобразившие надежду в действительность, целительно подействовали на душу.

– Воды? – забеспокоился внук.

– Нет, всё в порядке. Продолжай.

– Как ты знаешь, барские дома ещё тогда были захвачены. В вашем тоже сейчас живёт другая семья.

– Бог им судья.

– Эти люди очень хорошие, – поспешил заверить Виталий. – Я глубоко сдружился с Евгешинными, и особенно с младшей из них, Клавдией. Девочка необычная, увлекается дворянской культурой, хотя её предки из других сословий. Может, на неё повлияло место, где она живёт? Представляешь, у неё есть мечта – потанцевать на балу. В её комнате – как в музее, всюду напоминовения о девятнадцатом веке. А в саду растут цветы, как было в старые времена. И... именно Клава стала той, кто первая прикоснулась к нашему прошлому. Она нашла твой клад незадолго до моего приезда.

Владимир Николаевич вздрогнул и глубоко, прерывисто вздохнул:

– Зачем клад? Чтобы его кто-нибудь отыскал. Я уж думал, это сделали раньше. Какие-нибудь красные.

– Евгешины не красные. Они почитают Государя-Императора. И они поступили честно: предложили мне забрать найденные вещи. Я их не взял. Потому что предстояло пересекать границу. Но ты увидишь и свой дом, и глаза матери.

– О, Боже, слава Тебе, слава Тебе, слава Тебе!

– Ты хорошо обустроил тайничок: фотография отлично сохранилась. Это – её копия.

– Матушка! – раздался едва слышный стон.

И почти столетний старик заплакал – заплакал как ребёнок, со всей силой недоцветшей сыновней любви. Горечь разлуки и томительность ожидания, сгустившиеся в тучу боли, разрешились мощнейшим прорывом. Страшно было видеть немощного человека, сотрясавшегося всем своим маленьким, иссохшим телом и не имевшего в эту минуту сил даже утереть слёзы.

* * *

Жизнь в Нечаевской усадьбе вошла в своё русло, но после памятных событий казалась вялой и однообразной.

По заведенной традиции летом Клава делала генеральную уборку. Как подросла, пришлось раз и навсегда освоить мамину присказку: «В жизни каникул не бывает». Разные сюрпризы выскакивали из углов в эту пору. На сей раз из-под стола на кухне она вымела ключ, на котором болтался брелок с флагом Италии.

– Мам, смотри: наверно, Виталий потерял.

– Ой, точно. Я тут ему пиджак чистила, и вроде что-то звякнуло. Посмотрела – пусто. А оно вот само нашлось. Надо будет вернуть.

– Но как? Когда ещё он приедет?

– Бандеролью можно.

– Давай подождём, чтобы он первым прислал письмо. Испытаем, насколько он верен своему слову.

Как бы ни было спокойно, Клаве остро чего-то не хватало. Она не могла себе признаться, что имя неуловимому нечто – общение. В нём одиночки иногда нуждаются отчаянно – как в живительной влаге. Хотя им кажется, что они самодостаточны. Хотя в компании они чувствуют себя не в своей тарелке и быстро устают. Помочь может лишь тот, кто не поленился найти щель в надёжно сомкнутой раковине. Чуткий искренний собеседник обязательно натолкнётся на встречное течение, более того, он будет одарен безграничным доверием и искренней привязанностью.

Не удивительно поэтому, что о Виталии Клава вспоминала каждый день, и почтальон стал для неё *persona grata*, когда, наконец, вручил бумажный прямоугольник, пестрящий марками и штемпелями. Письмо пришло из Италии и было адресовано всему семейству Евгешиных:

«Дорогие мои, незабвенные Андрей Юрьевич, Татьяна Степановна и Клавочка! Шлю вам привет из солнечной Италии. Я усердно в прошлый месяц занимался чистописанием. Кажется, делаю успехи и готов к переписке. Это в самом деле воодушевляет, не менее, чем разговор по телефону. Хочется стараться над почерком и подбирать слова, чтобы яснее выразится. Хорошо так упражняться в русском языке.

Безмерно рад, что предприятие моё удалось на славу. Дедушка счастлив: он увидел безценную семейную карточку. Правда, он сильно ослаб от переживаний, но глядит весело и покойно. Я также показал ему фотографические карточки с кладом и свои эскизы, на которых запечатлел ваш дом. Дедушка плакал и благодарил. Теперь сокрушается, что не отважился посетить Россию, когда был ещё в силах. Очень заинтересовался личностью Клавдии. Внимательно слушал мои рассказы и всё вглядывался в снимок, который я, каюсь, сделал тайком. Замечательный вышел портрет. Посмотрите сами, он вложен в конверт вместе с остальными карточками.

Почти сразу же я приступил к работе над новым проектом. Поездка вдохновила меня на создание новой коллекции мебели под гарнитуры русских

усадеб XIX века. Уверен, эта идея будет встречена грозой начальства, но на особость покупатель наверняка найдётся.

Дорогие мои друзья! Те дни, что провёл с вами, стали для меня источником радости и отдохновения. Ещё раз повторю, мне не забыть тех трепетных переживаний, с которыми впервые подошёл к дому. Не забыть того восторга, с каким прикасался к кладу. Не забыть того мира, что воцарился в душе при общении с вами. Я бесконечно благодарен вам всем, так же как и мой дедушка.

Мне теперь хочется приехать зимой и увидеть знаменитый русский снег. О нём так теперь мечтается среди жары. Лелею надежду, что смогу показать вам море, наши южные цветы и лучшие произведения искусства. Хочется угостить вас нектаром от виноградных лоз, прославленной пастой, десертом тирамису и другими блюдами. Для меня заветной мыслью стало желание открыть вам прекрасный мир Италии. Как вы открыли для меня совсем другой, но не менее чудесный мир России. Смею верить, что недалёк тот день, когда это осуществится. К тому же меня горячо поддерживает дедушка. Он желает познакомиться с русскими современниками. Прошу покорнейше, не откажите человеку, столько вынесшему в жизни.

Хорошо было бы вам приехать в начале осени, когда не так удручающе жарко. Лучшие всего, чтобы вы побывали на юбилее дедушки, 17 сентября у нас состоится большой праздник. Настаиваю на том, чтобы расходы были моей заботой. Никаких возражений не принимается. Ещё раз прошу: только приезжайте.

С нетерпением ожидающий новой встречи, Виталий Нечаев.

P.S. Клавдия, проверь в углу беседки. Там есть кое-что для тебя. Очень надеюсь, что ты ещё туда не заглядывала».

Клава будто вдохнула аромат ванили. На душе стало светло и радостно: Виталий не забыл. Она вглядывалась в состоявшие из печатных букв ровные строчки, написать которые автору наверняка стоило большого труда. Её забавляли орфографические ошибки и стилистические погрешности. Но в этом листке таилось безграничье тепла и искреннего дружеского расположения.

Потом Клава достала фотографии. Одна была общая – Виталий с нею и её родителями. На другой стояли, удручающе разнокалиберные, Виталий и Клавдия. Третья давала их крупным планом. Клава присмотрелась к правнуку Николая Александровича Нечаева. Взяла старую карточку, чтобы сличить их лица. И тут поняла, что ошибалась прежде: они казались похожими, но не как две капли воды. У Виталия резче выдавались скулы, разрез глаз казался чуть прямее, а тон кожи – темнее, нос был несколько уже и с лёгкой горбинкой.

На том снимке, о котором Виталий упомянул отдельно, Клава смотрела куда-то вдаль, мягко и счастливо улыбаясь. Художник поймал мгновение, когда она выглядела необыкновенно хорошо. Настолько хорошо, что ей самой теперь стало неловко. Против женской природы, она не стремилась слыть красавицей. Красота привлекает внимание. Если случалось, что ей делали такой комплимент, её это только раздражало. И вдруг – кадр, как с обложки журнала. Скромница решила спрятать и никому не показывать фотографию, в отличие от письма.

В беседке за стеблями плюща она нашла коробку в жёлтой бумаге, с бантиком и открыткой «С днем рождения!» По ней полз маленький красный паучок. Клава подождала, пока он переправится на размашистый плющевой лист, и взяла подарок. Открыв, даже ахнула от радости: внутри, обернутый мягкой тканью, лежал двурогий медный подсвечник.

– А Виталий весточку прислал, – объявила Клава за ужином.

– Прочитай скорее, – подогнала мать.

И Клава с упоением озвучила каждую фразу, кроме той, где говорилось о снимке.

– Сюрпризом был подсвечник.

– Старинный, – покачала головой Татьяна Степановна.

– Увесистый, – добавил Андрей Юрьевич. – Дорого, небось, дал.

– Они зовут нас в гости. Но поехать мы не сможем. Так? – проронила Клава.

– У нас же ремонт, большие, да к тому же непредвиденные расходы, – пожал плечами Андрей Юрьевич. – Мы же не можем, в самом деле, согласиться жить на чужой счет. Это неприлично. Да и мама не здорова.

– Я всегда не здорова, – перебила Татьяна Степановна. – Поезжайте вы вдвоём. Возьмите мои сбережения – и вперёд. Кто знает, доведётся ли в другой раз посмотреть мир.

– Но как же ты? – встревожилась дочь.

– Не пропаду. А ты не упускай свой шанс.

– Ты хочешь поехать? – спросил отец Клаву.

Смущенно улыбнувшись, она дважды кивнула, а на следующий день купные строки легли на тетрадный лист:

«Здравствуй, Виталий! Мы были очень рады твоему письму и рады за твоего дедушку. У нас всё идёт по-прежнему. Спасибо за Лидию Чарскую. Нашла в библиотеке её книги «Записки институтки» и «Княжна Джаваха», они мне очень понравились. Мама настояла принять твоё приглашение. Мы с папой сможем приехать на юбилей, если успеем оформить документы. Мама останется дома, она слаба для такой дальней дороги. Я нашла твой ключ. Думаем, что и без него ты смог открыть дверь дома. Но всё равно привезём тебе его. До встречи в Италии! Клава».

* * *

Сентябрьский Рим показался северянам тёплым и приветливым. Лицом столицы стала для них молодая женщина, которая с любезной улыбкой указывала им и другим прибывшим дорогу к входным дверям аэропорта. Озираясь, Евгешины искали Виталия. Тот, от нетерпения приехавший задолго до приземления самолёта, увидел их первым:

– Андрей Юрьевич, Клава! Здравствуйте! Как долетели?

– И тебе не хворать, красавчик! – пожимая руку, сказал Андрей Юрьевич.

– Всё у нас хорошо.

– Да-да, это прекрасно, – улыбнулся молодой человек. – Сейчас мы отправимся прямо в дом дедушки. Он ждёт не дожждётся вас.

– У вас тут тепло, – заметила девушка. – Виталий, возьми ключ, который ты у нас потерял.

– Отлично! – подмигнул юноша и открыл им белый «Мерседес».

– Это твоя машина? – спросил Андрей Юрьевич.

– Да, родители подарили год назад.

– Хорошие дороги у вас, – отметил Евгешин. – И кругом всё ухожено.

Любо-дорого посмотреть.

– Верно, за порядком следят. Как же иначе, когда это страна изящных искусств и путешественников. Надо соответствовать. Да и что говорить, итальянцы – эстеты.

– Думаю, и ты в этом преуспел. Вон какой щёголь.

К лоску молодой человек не стремился – в его пользу работала порода.

Поэтому он несколько удивился замечанию:

– Разве? Что ж, со стороны виднее. Как дела в Тамбове?

– Шевелится потихонечку.

– Как в школе? – спросил Виталий, поймав взгляд Клавы в зеркале.

– Пока неразбериха. Там была перетасовка. Одни выпускники ушли в училища, другие решили продолжить учёбу в старших классах. Несколько параллелек объединили в два класса. Народ пока притирается друг к другу. Уроки пошли сложные. Спрашивают строже.

– Твоё путешествие не слишком болезненно скажется на занятиях?

– Догоню.

Полились беседы на общие темы. Клава тем временем любовалась видами, не успевая, впрочем, составить мало-мальски целостное впечатление. По дороге встречались луга, за которыми громоздились горы, мелькали белые прямоугольники сельских домов, совсем не похожих на русские. Потом выехали на серпантин. Он петлял между серыми скалами и обрывом, падающим к дремлющему морю.

– Добро пожаловать в Сорренто! – наконец, объявил водитель.

Скоро он повернул к уютному белому особнячку, окружённому садовым участком. Дом был двухэтажный, каменный. Во двор выступал портик с дорическими колоннами, над которым был устроен балкон. Строгие прямоугольные окна тянулись вдоль обеих этажей.

Клава, да и её отец, сразу засмутились: они никогда прежде не переступали порога столь богатых домов.

– Что же вы? – подбодрил Виталий. – Не стесняйтесь. Здесь живут ваши земляки и друзья. Гостевые комнаты на втором этаже. Пройдёмте сразу туда, вам нужно отдохнуть.

Энергичный юноша подхватил чемоданы, и гостям осталось только проследовать за ним. Когда Клава увидела отведённые ей покои, не могла поверить, что оказалась среди столь восхитительной обстановки.

Как ни странно, восторга девочка не испытывала: её сковывало в окружении непривычной роскоши, и начинало закрадываться мерзенькое чувство стыда за своё убогое жилище. Как в те далекие дни, когда она побывала сначала в

квартире у одной одноклассницы, а потом в частном доме у другой. У обеих было уютно, просторно, и ни соринки. Хотя у первой жила собака, а у второй комнатные цветы занимали все подоконники. Сравнив со своими клетушками, Клава решила, что никого никогда к себе не пустит. А потом и ждать стало некого...

– Гости прибыли? – спросил Владимир Николаевич, лишь только внук шагнул в его комнату.

– Да, устраиваются.

– Хорошо. Как придут в себя, наконец, встретимся. Боже, только бы поскорее...

– Дед, лучше завтра с утра. Не то ты всю ночь не заснёшь.

– Да я и так глаз не сомкну, если не увижусь с ними!

Взбудораженный, старый дворянин, казалось, готов был выпрыгнуть из своего кресла. Но, вдруг взяв себя в руки, непререкаемо постановил:

– Я буду ждать у камина. Перед ужином.

Евгешины освежились и принарядились. Андрей Юрьевич надел свою парадную тройку, Клава – платье, в котором была на выпускном. Вечером они спустились в гостиную.

Здесь оба поразились ещё более изящному, богатому интерьеру. Сквозь огромное окно убывающее солнце освещало хрустальную люстру, дорогую дубовую мебель, мраморные скульптуры и картины, портрет последнего самодержца в резной раме, напольные часы, мерно отщёлкивающие секунды в тишине, и многочисленные безделушки, по виду старинные, расставленные по полкам, столикам. Русский герб, отлитый из металла, стоял на камине. Возле него спокойно и величаво сидел в инвалидном кресле сам хозяин дома.

Это был обычный старик. Иссохший – в чём душа, с лицом, словно бы растрескавшимся – так много на нём теснилось глубоких морщин. Волосы до того истончились и побелели, что были похожи на паутинки. Рот чуть скосился набок. Сильно выдавались уши. Однако в тщедушном, немощном теле сохранилась врождённая величавость. Соответственно возрасту он был благообразен и опрятен: волосы зачёсаны назад, лицо чисто выбрито, брови подстрижены. В светлых – видимо, когда-то голубых – глазах горел внутренний огонь, который выдавал сразу, что интерес к миру не остыл, что сердце долгожителя по-прежнему пылкое, не чуждое стремлений к новым сюрпризам бытия.

– Добро пожаловать, – как подобает, склонил голову старый дворянин в ответ на приветствие земляков.

– Дедушка, позволь тебе представить моих друзей Андрея Юрьевича и Клавдию, которые живут в старинной усадьбе Нечаевых.

– Рад знакомству, – мужчине хозяин протянул руку, а барышне сказал: – Подойдите поближе, деточка, дайте на вас взглянуть.

Клава, робея и смущаясь, медленно сделала несколько шагов вперёд, присела на корточки, чтобы пожилому человеку было удобнее разговаривать с ней, и заглянула в его лицо. Владимир Николаевич смотрел на гостью пристально, и в глазах его стояли слёзы. Вдруг он горько всхлипнул, взял её за голову и судорож-

но, порывисто расцеловал по-русски, троекратно. А потом, прислонившись лбом ко лбу, разрыдался без всякого стеснения.

– Простим друг друга, матушка? – сказал он, наконец.

– За что?

– За разлуку. Ты меня за весь русский народ, за всю Россию прости.

– Прощаю, – пролепетала Клавдия. – И вы нас простите за то, что так всё случилось.

– Прощаю, давно простил.

Свидетели понимали значимость этого момента для долгожителя, с детских лет не видевшего Родины. Виталий боролся с презренной сентиментальностью, до боли сжимая кулаки. Андрей Юрьевич, тоже растроганный до глубины души, хотя происходящее касалось его только косвенно, стоял как на священнодействии.

Клава же была в оцепенении, не зная, как реагировать на порыв едва знакомого человека. Но на задворках сознания шевелилась полумысль: он дал волю чувствам неспроста, и нужно принять почести, оказанные почему-то именно ей.

– Простите, – очнулся Владимир Николаевич и закрыл глаза дрожавшей ладонью. – Простите. Не сдержался.

– Всё в порядке, – протянула Клава. – Вы хорошо себя чувствуете?

– Хорошо, милая. Как никогда хорошо. От всего сердца благодарю тебя. За то, что сама ко мне приехала.

Виталий смекнул, что дед нуждается в отдыхе. Слишком сильные эмоции выматывали его в минуту. Виталий проводил Евгешиных в сад, а сам вернулся к деду, чтобы успокоить и поддержать его.

– Я ведь её, как Россию, обнимал, – еле слышно промолвил эмигрант, сжимая ладонь внука обеими руками. – Эта девочка с тех самых пор, как ты о ней сказал, стала для меня символом Родины. Она точно такая, какой должна быть русская барышня. Виталенька, как я благодарен тебе! Ты чудодей, ты благородный человек! Один ты приложил старания, чтобы вернуть мне Родину. Один ты моя опора, моя гордость.

– Дедушка, я счастлив, что ты утешен. Но теперь, пожалуйста, найди точку умиротворения. У нас всё получилось. Клавдия пока здесь, вы ещё не однажды увидите. Я распорядюсь, чтобы ужин принесли тебе сюда?

– Я не голоден. Тёртым яблочком перекушу.

– Тогда отдыхай, постарайся заснуть.

– Да, да, ты иди к гостям. Я буду молодцом.

Морской ветер мерно колыхал вечнозеленые деревья. Садовые фонари разгоняли мглу. По обычаю сверчки затеяли свой вечерний концерт.

Отца и дочь Виталий нашёл на скамейке близ небольшого фонтана. Они скромно сидели, о чём-то переговариваясь вполголоса.

– Вот вы где, – преувеличенно весело окликнул молодой человек. – Жаль, что теперь не весна, здесь всё утопало бы в цвету.

– Как Владимир Николаевич? – осведомилась Клава.

– Счастлив и обессилен душевной бурей. Не знаю, будет ли он в форме к

приёму. Кстати, по поводу торжества. Хочу заранее извиниться и предупредить: наверняка внимание гостей будет обращено на вас. Я постараюсь, насколько возможно, сгладить острые углы, но любопытных взглядов и пересудов не избежать. Вы же представляете Россию...

Виталий остановился, подбирая слова. Но Андрей Юрьевич перехватил:

– Наверно, вообще не лучшая идея – нам посещать светский праздник.

– Нет-нет, что вы...

– Мы будем выглядеть здесь, как Золушка и папа Карло, – поддержала отца Клава.

– Пожалуй, вам будет неловко. Но как сказать дедушке?

– Не надо ничего говорить, – остановил Андрей Юрьевич, подняв ладонь.

– Мы пойдём на его праздник.

– Расскажи, что там будет, на приёме?

– Увы, это не бал из старых книжек. Бесконечные хвалебные речи, потом обед и развлечения – танцы, игры, беседы... Всё на современный лад.

– Нам-то как себя вести? – уточнил Андрей Юрьевич.

– Просто и естественно. Вы же не можете знать местных традиций. Умоляю только об одном: не надо откровенничать. Незачем всем знать, почему вы здесь. В остальном действуйте так, как считаете правильным и уместным, как если бы вы были на приёме в своём городе.

– Мы никогда не бывали на приёмах даже в своём городе, – призналась Клава. – На семейных праздниках всё совсем просто, без великосветской сервировки и танцев. Выросли мы без этого, а учиться поздно.

– Отнюдь. Сударыня, позвольте пригласить вас, – Виталий взял гостью за руку и, сорвав со скамейки, закружил в некоем подобии вальса.

От неожиданности и неумения партнёрша запуталась в ногах. Странно, но сюрприз не рассердил, а, напротив, развеселил её. Клава расхохоталась над своей неуклюжестью вслед за отцом. Но Виталий был серьёзен.

– Внимание. С левой ноги, – начал он урок. – И... Назад, в сторону, поворот. Раз, два, три. Вальс – единственный старый танец, который будет в программе. Потому что дедушка его обожает. Теперь попробуйте вы, Андрей Юрьевич, уступаю вам даму. Да у вас неплохо получается!

– В пору молодости мы с Татьяной разучивали вальс. Ей непременно хотелось танцевать его на свадьбе.

– Вы мне не рассказывали, – удивилась дочь. – И как, танцевали?

– Да. Хотя нам больше казалось, что мы летаем. Могу взять роль учителя на себя.

– А потом мы славно полетаем на празднике, – добавил Виталий, чем заставил собеседника поперхнуться от неловкости.

Поздно вечером, уже в кровати, Клава вспоминала этот причудливый день. Приезд, ритуал прощения, вальс между деревьев и клумб – всё казалось необычайным. Во время действия совсем не думалось о красоте происходящего. Но теперь воображение опозитизировало каждую деталь и поставило в кладовой памяти на видное место.

* * *

Приём в Сорренто обещал быть пышным. За несколько дней до назначенной даты приехали сестра Виталия Мария и их двоюродный брат Лука. Мария, тридцатилетняя энергичная дама, рьяно принялась за организацию торжества на месте. Что до Луки, то, равнодушный к семейной идиллии, он присутствовал здесь только по суровой необходимости и больше путался под ногами, чем помогал. Молодой повеса только и думал, как бы поскорее отбыть повинность и умчаться в какую-нибудь кафешку. Расторопный и общительный Виталий был назначен на семейном совете распорядителем праздника. На это он досадовал больше всего, потому что в итоге праздник приходилось пропустить.

Свою помощь предложили и гости, к чему Мария отнеслась пренебрежительно. Не раздумывая, она вежливо отказалась от поддержки, да и вообще своим дружелюбием россиян не одарила. Незнакомцам, по её разумению, было не место на празднике, который проводился в узком кругу семьи и друзей. Лука, наоборот, не прочь был пообщаться, но русского он не знал, а по-английски мог связать лишь несколько фраз. Оставалось только любезно улыбаться девчонке и понимающе кивать её папеньке.

Гости чувствовали себя неуютно. Виталий старался каждую свободную минуту уделить им. Но по-настоящему нужными в эти дни Андрей Юрьевич и Клава чувствовали себя только одинокому виновнику торжества.

– Думают, мне к сердцу их помпезность, – сетовал он. – Для себя устраивают праздник, для себя. Повод только дай, чтобы развлечься. Маша меня лишь однажды навестила, да Лука забежал два раза.

– Они очень заняты, – вступилась Клава, – стараются сделать ваш юбилей красивым и незабываемым. Так ваши родные выражают любовь к вам. Знаете, Виталий учил меня танцевать вальс, потому что это ваш любимый танец. Он сказал: все должны участвовать в туре.

– Эх ты, ангелок, – улыбнулся Владимир Николаевич.

Небо хмурилось с утра и теперь пустило вниз прозрачные стрелы. Капли разбивались о стекло и, медленно стекая, оставляли на нём свои недолговечные прозрачные следы.

– Дождь, – спохватилась Клава. – Как же теперь приём, ведь его хотели устраивать на улице.

– Я слышал, уже завтра будет ясно, – успокоил отец.

– Дождь, – задумчиво промолвил старик. Он вообще говорил медленно, с расстановкой, будто подбирая слова или припоминая детали. – Вся моя жизнь – дождь, с той ночи, в восемнадцатом, когда мы уехали из дома. Но русскому сердцу мила хандра, она питает нашу весёлость. Если не ощутить страдания, не так остро воспримутся проблески радости.

– Пожалуйста, расскажите, как это было. Как вы уехали?

– Это было непонятно и страшно. Отец был на службе в Петербурге. Я тоже переехал вслед за отцом, а к бабушке он отправил меня на лето. До нашего круга и прежде доходили слухи о подпольных течениях, о настроениях в рабочей

и студенческой среде. Но чего не приключалось в вечно бурлящих океанах столиц? Казалось, разлива не будет. Хотя где-то в глубине таилось чувство, как у зверей перед грозой. Когда грянуло крушение, отец понял, что для нас революция добром не обернётся. Один из сослуживцев, ставший большевиком, посоветовал немедленно покинуть столицу, а ещё лучше – страну. Дороги встали, и отец едва смог пробиться домой, в Тамбов. Приехал ночью, забрал нас с бабушкой, усадил в скрипучий экипаж, чудом нанятый. Он тогда очень спешил. Так мы оставили всё, уехав в никуда без малейшего представления, что ждёт нас завтра. Помню долгие и утомительные скитания. Им не предвиделось конца. Переполненные поезда, постоянные задержки составов на станциях, грязные, заплёванные шелухой вокзалы. Плачущие дети, суемящиеся горожане, крестьянки верхом на узлах. Много больных и подавленных людей. Как я боялся потеряться в этой сутолоке! Но храбрился – большой ведь уже. Мы добрались до Одессы, где прожили несколько месяцев у благодетеля нашего Дмитрия Илларионовича Лазарева. В гимназии он водил дружбу с отцом. Близ моря у Дмитрия Илларионовича была собственная квартира. Он жил с супругой и дочкой. Потом большевики стали подступать. Страшные слухи носились по городу, тревога нарастала. Потерянным, неприкаянным снова предстояло бежать. Осенью девятнадцатого нас посадили на английский пароход, и мы переправились морем в неизведанные земли. Многие тогда смотрели на отдалявшийся берег с тоской и болью. Я видел, как один офицер поцеловал колбу с землёй и прошептал: «Прощай, Родина!»

Голос Владимира Николаевича дрогнул. Он опустил глаза и принялся собирать невидимый ворс на брюках.

– Знаете, в справочниках пишут, что Николай Александрович Нечаев отбыл за границу в 1918-м. Ошибочка, – заметила Клава.

– Неужели о нас написано в книгах?

– Да, в местной энциклопедии и в альбоме с фотографиями города. Я сама видела.

– Что ж, это отрадно. Есть свидетельство, что мы там жили. Иногда начинаешь сомневаться: реальностью это было или только сном? И какой отрезок моей кочевой жизни был настоящим? Я всё стремился куда-то, нигде не чувствовал себя дома.

Старик на минуту задумался. И когда, наконец, взглянул на девушку, та спросила:

– Где же вы тогда пристали к берегу?

– Да... Нас приняло Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Король Александр Карагеоргиевич знал и любил Россию. Он сочувствовал беженцам и сделал всё, чтобы помочь. Встретили милосердно и радушно. На пристани стояли столы с едой. Всем в этой небогатой стране находились и кров, и пища, и работа. Первое время даже выдавались небольшие суммы на проживание. Однако ж и этого всё равно не хватало. У нас не было самых простых вещей. Ни щётки, чтобы почистить обувь, ни кастрюли, чтобы сварить суп. Поэтому никто не сидел даром, брались за любую работу. В то время эта молодая страна созидалась,

она нуждалась в грамотных людях. Отцу очень пригодился талант архитектора. Сначала он перебивался случайными заработками. Потом его узнали, и протекцию ему дал сам Василий Федорович фон Баумгартен. Вы о нём слышали? Нет? Он потом построил Русский дом в Белграде. Как раз в Белграде мы втроём и осели, сняли комнаты. Нам повезло с хозяйкой. Это была преклонных лет добродушная сербка, жила она в соседней квартире. Госпожа Йована. Она прониклась к нам симпатией. По воскресеньям, когда неизменно пекла кох – это пирог такой, угощала меня им. Улыбалась, беспрестанно щебетала на своём языке. Скоро я стал понимать – о чём. Уж за одно это я любил воскресенья! Мы худо-бедно поддерживали существование. Надеялись скоро вернуться в Россию. Бабушка даже не распаковывала чемодан со своими платьями. Но счастливая весть всё не прилетала. Пришлось устраиваться вместе с остальными соотечественниками. Мы приняли подданство. Но не перестали ощущать себя русскими.

– Мне интересно: вы рассказываете о балканской стране, но сейчас вы в Италии. Как вы здесь-то оказались? – спросил Андрей Юрьевич.

– Там я остался один. Первой, через семь лет после приезда, нас навеки покинула бабушка. Думаю, эта утрата подорвала здоровье отца. У него начало слабеть зрение. Я, едва-едва успев окончить гимназию, вынужден был позаботиться о нём. Устроился на железную дорогу, отвечал за состояние путей. *Рарá*, измученный болезнями и уставший от скорбей, отошёл в вечность в январе сорокового года. Мне не за кого и не за что было держаться. Но когда в сорок шестом встретил Леночку, вернулась жажда жизни. Впервые я увидел её на афише. Елена Кистер, итальянская дива, давала в Белграде концерт. Я безошибочно узнал в ней русскую. Пошёл на представление. О, небо, как она пела! Какое восхитительное вибрато выходило у неё на высоких нотах! Она, подобно сирене, взяла меня в плен. После концерта отыскал её уборную. Вошёл и сказал: «Добрый день, мадам! Я русский». Она встала, подошла и запросто обняла меня. Эта женщина плакала у меня на плече. Мы виделись ещё несколько раз, и нам не захотелось расставаться. Меня ничто не держало, и я решился на вторую эмиграцию.

– Если бы вас искали, точно бы не нашли, – ввернул Андрей Юрьевич.

– Да и некому было искать. Мы с Леночкой стали друг другу утешением, мы считали нашу любовь наградой за тяготы жизни. Едва я встал на ноги, мы обвенчались в православной церкви в Риме. Только теперь я вновь смог назвать своё жилище домом. А через год у нас появился Георгий. Мы наслаждались счастьем без малого тридцать лет. Потом моя певица серьёзно заболела и ушла. Утешился я тем, что род наш, едва не погибнув, умножился. Появились один за другим внуки – Константин и Мария. Я покинул столицу – теперь понимал, как тяжело пришлось отцу после кончины матушки. Подался на живописный юг, купил этот большой дом, наивно полагая, что сюда, к морю, будут приезжать на отдых мои чада. Прогодал... Один Виталий – отрада моей сиротливой старости.

– А ведь между горем и радостью прокатилась война, – заметил Андрей Юрьевич.

– Прокатилась...

– Вы были призывного возраста. Но вы русский. Каково вам пришлось?

– Не люблю вспоминать то время... Мысли как окаменелости, и с них осыпается краска. Со мной ли это было? Тогда мир опять охватил хаос. Полегло много жертв. И в России, я знаю, тоже.

– Война взяла подать с каждой семьи. У меня дед погиб в сорок первом, а отец, едва понюхав пороха, получил ранение. У жены дед умер в госпитале, дядя пропал без вести. У отца её, правда, была бронь как у железнодорожника, он ремонтировал вагоны.

– Вот и я на железной дороге обретался. В таких мастерах всегда острая нужда. Это и спасло. Обстановка сложилась скверная. Сербия подпала под железную руку Гитлера. Что здесь творилось – уму непостижимо. В жизнь снова ворвались страхи, скорби, смута. По счастью, воевать против Советского Союза мне не пришлось. Но я был словно не человек, а бездушный механизм. Сознание отказывалось принимать реальность. То, что происходило, весь этот ужас, казался нездоровым сном, бредом во время агонии. Многие тогда бежали в леса, в соседние страны. Молодые наши парни записывались в Русский охранный корпус – кто бороться против большевиков, кто просто за компанию. Не все одобряли их выбор. И я не одобрял. Впрочем, до того никому не было дела. Я остался не только без семьи, но и почти без друзей. Когда кошмар, наконец, закончился, захотелось забыть о войне. Меня воскресила Леночка. Она стала подарком с Небес. Здесь я познакомился с её друзьями. В Италии русских было не так много, и это ещё более спланивало. Они тоже свято берегли память о России. У Леночки был брат. Золотой, скажу я вам, человек. Искусник. Резчик по дереву. От него и Жоржик перенял интерес. Потом открыл свою мастерскую, поднял её до фабрики. Дай ему Бог здоровья богатырского. Всех нас обеспечил. Умный он у нас, наша гордость. Хотя ни я, ни Леночка с ним совершенно не схожи. Он прагматичный. Деловитый и хваткий. Не признает никакой лирики, не показывает своих чувств. А мне бы хотелось сыновней ласки...

– Простите, мы вас, наверно, измучили. Но хочется узнать: когда же у вас родился сын, ведь Виталий вам в правнуки годится? – не удержалась Клавдия.

– Мне шёл сорок третий год. Леночке было тридцать восемь. Раньше не до свадеб, не до детей было. Как стоял под венцом – такой радости за всю мою прежнюю жизнь не упомяну. А как Жоржик родился, счастье наше умножилось вдвое. Больше серьёзных перипетий у нас не было. Всё как у всех. Целых двадцать девять лет. Всего лишь двадцать девять лет.

В дверь деликатно постучались.

– Да-да, – откликнулся хозяин.

Вошедшая девушка что-то пролепетала по-итальянски.

– Это сестра милосердия. Мария. Прошу прощенья, настало время процедур. Мы уж покинем вас. Не обессудьте.

Евгешины заверили в своём почтении и вышли в сад.

– Удивительная судьба, – горестно вздохнул Андрей Юрьевич.

– Как можно столько вынести одному человеку? – покачала головой дочь.

Виталий, нёсший огромную коробку с гирляндами, застал гостей сидящими на скамейке.

– Вы одни и скучаете?

– Да всё в порядке, – сгримасничал Андрей Юрьевич, оказав золотую коронку на малом коренном зубе.

– Простите. Не думал я, что буду настолько занят. Но сейчас мы всё исправим. Тот самый ключ от нашего счастья, – он показал свою потерю и Клавину находку. – Поедем, развеемся. Возьмём курс на побережье.

Что это был за чудесный край! Клава, да и её отец, не видели ничего красивее. Девушка жадно захватывала взглядом величавые кипарисы, неприступные серые скалы, обтянутые крепкой сеткой, защищавшей дорогу от камнепада, густо-синее осеннее море. То и дело машину оглашали её восторженные возгласы – против обыкновения, она не могла себя сдержать. Андрей Юрьевич молчал, но глаза его светились радостью созерцания.

– Жаль, что вы приехали не весной, – участливо повторил Виталий. – Май здесь рай. Всё расцветает, и все краски жизни наполняют эти места.

– Может, подойдём к нему, к морю? – решила попросить Клава. – Искупаться, конечно, не получится, но можно хотя бы на него полюбоваться.

Небо далеко простиралось над волнами. Они переливались бликами и казались игривыми. Пронизывающий ветер заставил плотнее застегнуться.

– Это Тирренское море, – провёл рукой Виталий, как бы представляя его.

– Красиво, – промолвила Клава. – И название красивое.

– Простор и мощь, – добавил Андрей Юрьевич.

– Ой, смотрите, ракушка, – и Клава подняла с песка похожую на веер скорлупку. – Наверное, моллюску очень уютно жилось в таком непробиваемом домике и жаль было его потерять.

– Зато когда эти створки раскрылись, на свет, вероятно, явилась жемчужина, – в лад её наивному замечанию сказал Виталий. – Ей нет больше нужды в панцире. Она должна сиять. – И вдруг прокричал, в доказательство вскинув руки: – Мир такой большой – он необъятен.

– Что верно, то верно, – и Клава бросила находку в море.

Внимание переключилось на панораму берега. По склону подступающей к нему скалы поднимались ряды построек с плоскими крышами. Здесь, без пяди земли, ютились люди. Но со стороны это выглядело восхитительно. Где-то невдалеке зазвучала задорная песня «Аббы». Андрей Юрьевич, уловив ритмы, принялся кивать в такт. Одно резкое движение – и с него слетел головной убор.

– Не мотай головой, когда на ней шляпа, – приснула дочка.

За приятными разговорами и неустанным лицезрением экипаж «Мерседеса» не заметил, как пронеслось время. В таком окружении совсем не думалось о заботах, тревогах и обязанностях. Путешественники будто освободились от масок, открыли окно для своих чувств, которые томились, запертые в клетку условностей и приличий, задрапированные шторами от чужих осуждающих взглядов. Все трое забыли о разнице в возрасте и поле, им было весело и легко вместе

– поистине как лучшим друзьям. Беспечное трио едва успело утихомириться и привести себя в порядок к ужину.

За столом стало необыкновенно многолюдно. Здесь собрались внуки хозяина, сам он, двое гостей и Лука.

– Приятно видеть такое собрание, – заметил старейшина, когда все расселись. – Редкий праздник для меня.

– Дедушка, – любезно улыбнулась Мария, изъясняясь на ломаном русском. – Мы тоже рады гостить у вас...

– Раз в год, – фыркнул Владимир Николаевич.

Его перебила задорная мелодия телефона. Лука радостно вскинул брови и, извинившись, вышел из-за стола.

– Небось очередная пассия звонит этому ловеласу, – проворчал старший Нечаев. – И тут семья не про него.

– Скажите, уважаемые гости, как вам Италия? – перенаправила Мария разговор, устремив на Евгешина острый взгляд. Глаза – единственное, в чём было её сходство с Виталием. А вообще по внешности сложно было понять, что эти двое – родственники.

– Очень красивая страна, – ответил Андрей Юрьевич. – Просто великолепная!

– Здесь тепло и – как это по-русски? – привольно, не то, что в холодной России. Не так ли?

– Не так, – неожиданно вступилась Клава. – Италия – чудесное место, но тепло и привольно там, где Родина. Россия не менее прекрасна, и у неё есть свои достоинства.

– Золотые слова, – подхватил Виталий прежде, чем сестра успела их осмыслить. – Мы сегодня посетили Амальфитанское побережье. И, по-моему, не зря.

– Очарованы? – улыбнулся Владимир Николаевич.

– Да, – кивнула Клава. – Живописный край. Ничего подобного раньше не видела.

– Ты ещё так юна, ещё повидаешь мир, – сказал эмигрант.

– Это было бы интересно, но... не знаю.

– Не правда ли, лазанья сегодня отменная? – подметил Виталий.

Все обратились к своим тарелкам с порциями слоёнки: пластам теста, переложенным мясным фаршем с овощами.

– Лазанья? Надеюсь, мне оставили? – прощепетал вернувшийся Лука. Виталий шёпотом перевёл его реплику русским гостям. Они вежливо улыбнулись.

Разговор не вязался, да и не все собеседники хорошо друг друга понимали. Оставшееся время прошло в молчании. А впоследствии все эти люди старались вовсе избегать совместных трапез, отговариваясь занятостью или поездками.

* * *

Русские гости стали для Владимира Николаевича спасением – спасением от одиночества в этой толпе, суетившейся вокруг его имени, но забывавшей о нём самом.

– Очень хочется узнать: где же вы родились – в Санкт-Петербурге или в Тамбове? – на другой день спросила Клавдия в исследовательских интересах.

– В Санкт-Петербурге. Увидел свет севера, а потом всю жизнь стремился на юг. В Тамбов мы переехали, когда маменька занемогла. Сказались, видимо, все эти потрясения с первой революцией, а особенно с убийством градоначальника столицы его превосходительства Владимира Фёдоровича фон дер Лауница. Маменька и папенька хорошо его знали. Он, кстати, несколько лет занимал пост тамбовского губернатора. Потом моё рождение. Через год после того у *татап* открылась чахотка. Болезнь текла вяло. Но влажный холодный климат стал ей как яд. Сначала родители раз или два в год уезжали на воды, оставляя меня с бабушкой. Она держала доходный дом и управлялась с усадебным хозяйством, а я занимался науками вместе с сыном адвоката Митей Ларионовым. Потом, когда матушке стало хуже, совсем перебрались в Тамбов. Мне шёл седьмой год. Со временем отец, стараясь отвлечь её от горестных мыслей, приказал выстроить комнату для оранжереи: маменька любила цветы. Пригласил мастеров во главе с Григорием Филипповичем. И как дом стали расширять, Григорий Филиппович смастерил секретное место в подполье. Я начал бредить сокровищами, когда *рарá* прислал мне с курорта «Treasure Island» – «Остров сокровищ». Вместе с бабушкой вечерами мы читали эту книгу, она пробежала глазами строчки и тут же переводила для меня. Мне захотелось так же, поэтому стал изучать английский язык, в добавление к французскому и итальянскому. С соседским Митей мы играли в пиратов. Прятали клады. Я находил его тайники, он – мои. Это захватывало. Любимую книгу я сделал ключом к моему кладу, который был уже вне игры. Я принялся копить на фотографический аппарат, именинные денежки в шкатулку складывал. Потом, как умерла матушка, добавил туда её вещи. О главном моём секрете знал только Григорий Филиппович. Он был старый каменщик крестьянских кровей. Когда первый раз увидел его, такого сурового, с окладистой седой бородой и густыми бровями, замер с открытым ртом. Старик снял войлочную шапку и поклонился нам. Позже отец мне попенял: «Ты, братец, невежлив. Надо было первым поприветствовать Григория Филипповича. Он хоть и из простых, но старше тебя». Бабушка, та гордилась аристократическим происхождением. *Матап* и *рарá* учили иначе: прежде видеть в каждом человека, и только потом – его статус. Благородный, простолюдин, образованный, неграмотный, умный, недалёкий, здоровый, больной – в каждом видеть человека! Не так считали другие. К несчастью...

– В те дни я наслаждался свободой, – продолжал Владимир Николаевич. – Дядя Гриша – он разрешил так его звать – стал моим приятелем и наставником. Он передал мне много деревенской житейской мудрости. Никогда не пригодилось, а до сих пор помню: коровка предпочитает жёсткой соломе мягкое сено, сену – свежую луговую траву. Мило бурёнке и пойло, куда нужно добавлять что-нибудь вкусное, чтобы она побольше попила, тогда и молочка даст больше. Бородавку можно вылечить чистотелом, а ранку обеззаразить подорожником. Однажды попробовал я гвоздь забить в палочку, она треснула. Григорий Филиппович научил: надо гвоздь молоточком по острию ударить, тогда он будет плющить древесину и аккуратно войдёт. Удивил он тем, что вообще можно обойтись

без единого гвоздя. Церковь в его селе так и была построена. Я засомневался, но он показал, как это делается: соорудил крошечную избушку из брусков. Топорик только так мелькал в руках. На пари со мной дядя Гриша в одиночку передвинул громоздкий шкаф. Эта громадина словно сама шагала с угла на угол.

– А-а, кантовку он применил, – понимающе кивнул Андрей Юрьевич.

– Пришлось мне плясать русского, – засмеялся Владимир Николаевич. – И всё-то из его уст звучало сладко, может быть, оттого, что говорил всегда ласкательно: бурёнка, травинка, гвоздик. Маменьку называл всегда хозяйской, бабушку – по имени-отчеству. А вот папу почему-то – барином. Верно, из уважения. Как началась война, он приходил к нам узнавать новости. Я провожал его к карте, по которой мы следовали за нашей армией, отмечая флажками фронты. Григорий Филиппович вникал, анализировал, как ведут оборону, как – наступление. Душа-человек. О кладе о моём знал, да, видно, не выдал никому тайны, и сам на серебряные рубли не польстился. До чего настоящий русский мужик совестлив и благообразен!

– Не факт, – покачал головой Андрей Юрьевич и, усмехнувшись, добавил: – От русского мужика как раз можно ожидать чего угодно.

– Пожалуй, вы правы. Ещё господин Достоевский подметил: русский созерцает обе бездны разом, – согласился Владимир Николаевич. – Неизвестно, когда и чья чаша нарушит общий баланс. Отец себя лично винил в революции – корил за отрешённость, за недальновидность, за одно лишь сочувствие проповедникам социальной справедливости. В его окружении были такие люди. Как знать, живи мы в то время, может быть, и мы жаждали бы перемен. Ваши предки, наверное, участвовали в перевороте и в гражданской войне...

– Куда там! – протянул тамбовчанин. – Наоборот – всю семью раскулачили.

– Что это такое значит?

– Кулаками называли зажиточных крестьян. А мои корни – сплошь крестьянские. Формула была простая: отобрать у богатых, поделить между бедными. Не учитывалось то, что достаток появлялся в результате упорного труда. Пришлось всем нашим вступать в колхоз – коллективное хозяйство. Не признавалась частная собственность – имущество стало общественным. Ещё горше летопись у жены моей. Та поповского рода. Прадед в глухом селе служил. Да и там достали – забрали в тюрьму и по приговору уполномоченной «тройки» расстреляли. Двоюродного брата её деда даже в Сибирь сослали. Там выросли жуткие лагеря. Голод, холод, изнурительная работа, побои, унижения – всё это многие узники терпели за свои неугодные власти взгляды. Верхушка не терпела инакомыслия и такой уздой пыталась удержать страну.

– Страх-то какой! Натерпелись, горемычные.

– Да, страх забивал по углам. Разруха была полная. Но, надо отдать должное, потом принялись за строительство. При всех заскоках и крайностях выросла мощная держава. Её история нам не менее дорога, чем история империи.

– Только не мне, – вскинула голову Клава. – Терпеть не могу коммунистов. Они разрушили ту прекрасную Россию. А пришли они с чем? С рубильной идео-

логией. Почему они навязывали её всем и каждому? Почему решали за нас, каким быть будущему?

– Не смей плевать в прошлое! – приструнил отец и тут же, смягчившись, добавил: – Неизбежный круговорот – одно поколение строит, другое отвергает.

– Какими же судьбами вы оказались в нашей бывшей усадьбе? – Владимир Николаевич ловко увёл от опасности спора.

– Мы живём в Тамбове почти десять лет, Клабочке был шестой год, как мы переехали, – переключившись, начал Андрей Юрьевич. – Там жила моя мать. Насколько я знаю, она, моя тётя, бабушка и дедушка занимали часть дома с конца сороковых годов. А ещё раньше в нём перебивались какие-то временщики. У нас после революции было так называемое уплотнение, и в барские особняки заселяли по несколько семей. Нам крупно повезло, что мы унаследовали от мамы этот уголок. Мы ведь тоже в некотором роде оказались беженцами. Вернулись на Родину из Казахстана после развала Советского Союза, в девяносто третьем году. У мамы тесниться не стали. Первое время снимали квартиру на той же улице, без надежды когда-либо обрести собственное жильё. А потом мама слегла, да так больше и не поднялась. Мы перебрались к ней.

– О, вы прошли почти такой же путь странничества, – сочувственно кивнул Владимир Николаевич. – Тогда кому как не вам понимать нас. Но как вы оказались в Казахстане?

– Была в советское время такая практика – распределение на работу. Отрывали от корней – и в самостоятельное плавание в незнакомых краях. Так нас с женой и забросило в дальние дали. Там мы свили гнёздышко, Клабочка у нас родилась. А вообще мы тамбовские оба – тем и приглянулись друг другу.

– Виталий, когда ты пришёл? – удивился дед, увидев в дверях внука.

– Когда Андрей Юрьевич рассказывал о своём возвращении в Россию. Не хотел прерывать вашу беседу. Почему мы так же не вернулись на родную землю?

– Друг мой, сейчас там всё иначе, – отозвался Владимир Николаевич. – Прошёл почти век. Это не та Россия, которую я помню. Сын Петра Алексеевича съездил. И что? На месте их подмосковной усадьбы стоит безликий многоэтажный дом. Я не хотел менять своё представление об Отечестве, жил святой памятью.

– Но ведь многое осталось. Тамбов, например, стоит на прежнем месте. В центре – сплошь дома девятнадцатого века, правда, обветшавшие, – возразил Андрей Юрьевич.

– Больно будет не найти того, что кануло в вечность, а было необычайно дорого, – уточнил Владимир Николаевич.

– А что вам особенно дорого? – спросила Клава.

– Что? – задумался тот, и вдруг лицо его просияло, будто он увидел картины прошлого наяву. – Наши вечера. Все домочадцы собирались в гостиной. И – либо читали книги, либо музицировали. *Rará* играл на скрипке, *татап* – на рояле, бабушка – на флейте. Я пел. Кажется, неплохо. В гимназии меня ставили на клирос. Помню канун Пасхи. Страстной четверг, я и маменька расписываем яйца. Она была умелица, иголкой узоры на горячей скорлупке вычерчивала. Что за *chef-d'oeuvre* выходили из-под её рук! Я старался соответствовать – но где

мне. Рукоделие быстро наскучивало. Манила улица. Там, хоть и распутица, было движение. То ворона пролетит, то дрожки проедут. Мы, дети, знали и кучеров, и лошадей, и все экипажи местной знати. Чуть только сумерки – фонарщик приходил заправлять керосиновые лампы. До нас это благо ещё не дошло, но оно было на соседней улице. Мы с Мишей заворожённо смотрели, как тот старик зажигал огни. Для нас всё проходило, будто ежедневный ритуал, а самым захватывающим было добежать до дома, пока не стало, хоть глаз коли. В канун Пасхи это казалось особенным действием – словно вспыхивали последние сигналы готовности. Окрестности охватывало затишье. Потом в ночь всем семейством шли на богослужение. Как торжественно сияла наша Варваринская церковь, издали казалось свечением окошек казалось дивным созвездием на тёмном небосводе. А в храме – такой подъём, такое радостное, животворящее «Христос Воскресе!» Друг с другом целуются, поздравляют с великим праздником. Днём мы шли на прогулку к реке. Первый раз в сезон запускали воздушного змея. Народу было со всего города, нарядные, приветливые, счастливые. На неделе посещали парк. Ходили к чудотворцу тамбовскому Питириму, прикладывались к святым мощам в соборе, пили святую воду из ископанного им источника. *Рарá* украдкой от матушки отпускал меня с Григорием Филипповичем на гулянья, и я катался на цветных каруселях, упивался лимонадом, вдоволь ел пышные булочки и спички от Толмачёва. Да не забывал угощать спутника.

– Продавались съедобные спички? – удивилась Клава.

– Да, так их называли – сахарные палочки с шоколадными головками, – пояснил Владимир Николаевич. – Однажды приезжал в Тамбов воздухоплаватель. Мы ходили смотреть, как поднимается в небо воздушный шар. Правда, его мог любой увидеть совершенно бесплатно. Но мы уважили храбреца, купили билеты. Что за время было! Умели и умерять себя, и веселиться. Императора довелось повидать. Он приезжал к нам в четырнадцатом, святителю Питириму поклониться. В это время уже война началась. За положением на фронте мы с Митенькой следили тщательно: отмечали на карте прорывы и отступления. Я уж, кажется, говорил.

– Каким вам показался царь? – нетерпеливо спросила Клава.

– Мы с бабушкой и Григорием Филипповичем видели экипаж Государя издали. Щуплый он казался. Задумчивый, грустный. Обижались горожане, что даже не улыбнулся.

– А если бы улыбался, то в упрёк бы поставили: война идёт, а он радуется, – заметил Андрей Юрьевич.

– Пожалуй, да... Предубеждение охватывало нас. Грешники. А теперь утешаюсь тем, что смотрел на живого святого. Монета с ликом царя стала для меня подобна иконе.

– Насыщенная была у вас жизнь, – подметила Клава.

– Это только кажется, потому что целые годы умяты в одну беседу. На самом деле и тогда для меня дни тянулись, и бывало скучно.

Окончание следует.

Елена ЧИСТЯКОВА

Колдун Касьян и сиротка Танька

Из книги Сказов деда Савватая

Душевное добро не всякому дано

Однажды, зимним вечером, когда морозец жал довольно сильно, Бычкова Анна, которую в деревеньке Широкие Лужки все звали попросту: тётка Нюта, управившись по хозяйству, утомилась на печной лежанке. Тепло, приятно, пахнет сушёными яблоками, грушами – «дульками», грибами да чабрецом, что всегда навеивает приятный сон. Вдруг она встрепенулась, села и «наострила уши». Ей послышался робкий стук в затянутое узором инея стекло оконца. Стук повторился, тётка Нюта напряглась, подумав удивлённо: «Чаво ещё? Хтой-та стучаить, поди, заплутали».

Она сползла с печи на полати, на полу встряла ногами в толстых шерстяных носках в расхожие чуни* и пошмыгала к оконцу. Там, прильнув к стеклу, взгляделась.

А оттуда, снаружи, расплывчато и не чётко, тоже кто-то глянул на неё. Баба резко отпрянула, перекрестилась и, встав столбом, не могла решить, что теперь делать! Однако ж надо действовать! Она накинула на плечи большую шерстяную шаль и шагнула в холодные сени.

– Хтой-та в окошку мене стучаить, а-а-а? – как можно громче и решительнее спросила.

– Тётка Нюта! Ет я, Танька Бубнова, отвори мене Христа ради, окочанела здесь, – раздался плаксивый голосок из-за двери.

Вздыхнув обречённо, тётка Нюта отчинила* дверь. Нежданная посетительница в клубах холодного воздуха перешагнула порог избы тётки Нюты:

– Спасибочки, што впустила, – пролепетала она посиневшими, застывшими губами и добавила просительно: – дозволь мене, будь добринька тётенька, к табе на ляжаночку, посогреца чуток, пусти, а? Застыла я вконец, руки не воложаца.*

Хозяйка замялась было, но, набравшись смелости, всё же отказала:

– Ты, Танька, не серчай на мене, но не пущу я тебе на ляжаночку, вона к пячи прильни, садися на тибуреточку, прислонисси, и ладно будить, посогреисси, поди. Всем жа известна, ты с колдуном Касьяном дружбу водишь. Табе пустишь на печь, а посля и сама ня будишь знать, куды лечь. Молока тёплава табе налью с хлебцем, да уж в стараю кружечку. Када поишь молочка-та, кружачку с собой забярёшь, и ня жалка вовси, мене-та ни к чему будить посля.

Что тут подделаешь, Таньке не приходится упорствовать, спасибо и на том. Танька-то сирота. Раньше жила со старой бабушкой в избушке-развалюшке. Родители померли от холеры давненько, бабушка малышку выпестовала, да и ушла в мир иной. Теперь Танька была подёнщицей, ишачила на людей. Бралась за любую работу, с того и кормилась. Ночевала там, где и работала, но зимой мало кому помощь нужна, и Танька вернулась в свою избёнку, куда ж ей деваться было? Дровишек некому было заготовить, а зима выдалась суровая. В лес за хворостом ходить девчонке было боязно, волки там рыщут. Пришла вот маленько отогреться к соседке, зная, что тётка Нюта сердобольная. Скушав ломоть ржаного хлебушка, выпив кружку тёплого топлёного молока, Танька осоловело, с благодарностью поглядела на соседку.

– Об старике Касьяне здря вы все тах-та сказываитя плохо. Он добрай и не колдун вовси, – тихо, ненавязчиво, проговорила Танька.

– Будь уж табе! Заступница выискалася тожа! Бабам-та лучшая знать, от чаво у них подошли гуси. Колдун! Все люди как люди, а етат шарахаица то в поле, то в гаю,* колдуить! – в сердцах, раскрасневшись, выпалила рассерженная тётка Нюта.

– А хошь скажу табе, отчаво подошли те гуси, хошь? – не выдержала Танька.

– Ну-у-у-у! – набычилась хозяйка.

– Ета ж было на том конце дяревни, так?

– Ну-у-у-у! – повторила тётка Нюта.

– Прокины тама много самогону наварили, сына сваво жанили, а гуцу всюю вылили в кусты у речки. Вот гуси и наклевалися! Я об етим знаю точно! Кой-какия отошли, твярёзыя сделалися, к избе пришлёпали, а от их разило жуть как!

– Прям уж и ня знаю, чаво сказать табе, – пожала неуверенно плечами тётка Нюта, – в толк не приму чавой-та.

– А хошь, тётка Нюта скажу табе, как я знакомство завела с Касьяном?

– Да ни к чаму мене и знать-та об етим, – сказала баба, но, потоптавшись на месте, разбираемая любопытством, вдруг решительно выдала: – а давай, чаво уж тама, скажи-и-и.

– Года два тому, – начала рассказ свой Танька, – я была в подёнщицах у Касимовых, – пасла скот, коз да овец, стригалам* подмогнула осенью, када окот, я тожа при деле. Бывалоча мечуся как оглашенная туды-сюды, куды пошлють, водицы испить неколи. Зато сыта бывала завсягда, не забижали, мяско перепадало кой-када. Мене хозяйка на Троицин день красным полушалком одарила. Вот я повязала яво и пошла на лужок с козами. Уж и ня знаю, как так вышло, но сза-

ди на мене налетел бычина огромной, чярнющий весь, отвязалси, видать, он. Сопел, слюни распустил, да со всей дури ка-а-к пырнул мене рогом в спину, не пондравилася, видать, яму. Я так и повалилася в траву. И как он мене не затоптал тады, убё-ё-ё-г!

Очухалася я, руку леваю поднять не в силах. Кровяшки, правду сказать, не много натякло. Я и подумала, што, поди, вскорости пройдёт. Назавтра, из утря гроза случилася, стало быть, у мене слободнай день выдалси. Тады я и надумалася никому не сказвать о быке том. Лягла ничком на полати, так цельнай день и ночь проляжала. А к утру чую, от пляча, вся левая сторона распухла, дёргаить и жаром мене тах-та окатваить, пыхаю жаром-та. А куды денисси, пошла на лужок. Сяжу-сяжу, да повалюся без чувствов. Вот тут-то и шёл мимо старинушка Касьян. Весь беленькай – головушка сивая, борода окладиста, одёжа на ём тожа белая посконь* и порты и рубаха, – онученьки да лапоточки. Диво! Будто Ангел во плоти! Право слово!

Увидал мене и враз сообразил, чаво стряслося, как за плячо взял и сказывал так: «Ступай, милушка, к сабе в избу, выпей много водицы и ложися, я к табе приду вскорости, вот тольки коз, штоба не разбеглися, отгоню ко двору». Так и сделал. Посля, када пришёл, сказывал, што рогом занёс в рану грязь бык тот и што надоть мене спасать таперя.

Касьян всё первачом промыл, посля сделал ляпёшку из аржаной мучки да мёду поклат на рану, а поверх мытай капустнай лист. Лоскутами старай бабаниной рубахи мене обмотал крепко и дал выпить отвару из трав. И так делал пару-тройку дён. Посля принялси давить, вся штоба пакость с раны вышла, до чистой кровушки. Я криком кричала прям. Опять самогоном промыл, каку-та траву, поди, лист «дурака» с чугунок на окошке, ещё бабанин тот «дурак» был, так распластал яво и к дырке приложил, а поверх – лист лопуха и обвязал мене. Уж пострадала я, да-а! Посля мазей мазал с кореньев каких-та, штоба поджило. Ничё-ё-ё, поднял мене, спасибочки яму.

Вишь, тётка Нюта, живая я, и рана затянулася. Дед Касьян не колдун вовси, а травник, лекарь, вота хто. В избе у яво звярушки, он и их пользуеть, у кого лапка, у кого глазик, всем подмогнёт. Народ ходить, просить с суседнева сяла, да и подале, да с городу, а наши яво Колдуном обозвали.

Тётка Нюта, слушая девчонку, утирала краешком фартука слёзы. Танька глубоко вздохнула:

– Да ежели ба не он, мене уж на етим свете и живою-та не было ба. С того свету возвярнул. А таперя чаво-та сам прихворнул, простыл, поди. Так я яму печь топлю, кулеш жидинькай аль картоху варю. Он сказваить, иде на полочке какую травку брать, в ступочке растирать и запаривать варёнай водицею. У яво и мази и корешки растёртыя в пух имеютца. На гвоздочках пучки трав сушёных висять. Дух в избе дюжа приятнай, будта летом, на лужку. Хороший старик, добрай.

– Чаво ж ты, Танька, у яво не живёшь-та? Тама таперича тяпло и, поди, сытна, – задала каверзный вопрос тётка Нюта.

– Соромно мене, тёт Нют, да и накой надоть? Штоб яво хаяли* да поносили* ещё злея? А он вить в Бога веруить, у яво в красном-та куту божничка, кивот.

– Да нешта взаправду? – выпучила в изумлении глаза тётка Ньюта.
– Вот тебе хрест святой, – Танька истово перекрестилась, – ну, пошла я до своей избы, спасибочки и прощевай.
– Постой, погоди маненько, – вдруг сорвалась с места хозяйка. Она пошла в чулан и вынесла большой дублённый тулуп.
– Вот, ет маво мужука упокойника. Бяри, в яво закуляхтаисси*, и холод не проймёт. На один край лягишь, другим укроисси. Да охапку дров бяри, вон в сенцах, растопишь, всё дух тёплай пойдёт.
– Ой, – всплакнула Танька, – спасибочки!
Тётка Ньюта, немного потоптавшись у порога, как бы набираясь смелости, вдруг выпалила:
– Ты, вот чаво, Танька, приходи ежели чаво, ночуй, места много слободно-ва. Да и кланяйси деду Касьяну, пуццай не хвораить.
Закрыв за Танькой дверь, тётка Ньюта долго стояла на коленях перед божницей, молилась и шептала что-то. Что? Да кто ж ведает что, поди, самое сокровенное.

Дед Касьян помер через полгода. Танька всё время была подле него, а схоронив, перебралась в завещанную стариком-травником избу. Он оставил ей не только избу, но и свои навыки и ценные книги по медицине. Когда Танька вошла во взрослую пору, уж после революции, то, отправившись в губернский город, поступила и окончила медицинский институт. Достигла в профессии высот больших, став учёным. Могилу деда Касьяна, так же как и своих родных, навещала на Радуницу, клала на могилку букетики ароматных лечебных трав и полевых цветов.

Словарь:

чуни - *старые обрезанные валенки*
отчинила - *отворила, отперла*
не воложатся - *не работают, ослабли*
стригали - *те, кто стригут шерсть с сельхозживотных*
хаяли - *бранили, плохо говорили*
закуляхтать - *замотать, завернуть кое-как*
гай - *роща*
посконь - *домотканое льняное полотно отбелённое*

Пановские самоцветы

Очерк к 100-летию писателя Бориса Панова

В своё время Андрей Вознесенский – поэт, который в представлении не нуждается, – с грустью заметил очевидное: «Новое поколение читателей, увы, не знает Юрия Казакова, критика не упоминает о нём. Он незаметно исчез из литературного обихода, как исчезают из нашей флоры лесные ландыши...» До боли душевной горькое признание, но правдивое.

Минуло 14 лет, как нет рядом с нами большого русского советского писателя – замечательного очеркиста, рассказчика, повествователя, романиста и публициста Бориса Константиновича Панова – и вот уже стали покрываться дымкой, отходить в туманное прошлое его имя, его произведения. И на литературных встречах, где публика не только молодые люди, а и представители среднего, старшего поколения, многие смущённо переглядываются при упоминании этой некогда знаменитой писательской фамилии: дескать, что-то такое слышали

Борис
ПАНОВ

и о нём, и о трилогии «Посреди степей», а вот почитать... Извините!

Борис Панов родился 9 декабря 1923 года в селе с причудливым названием Елань-Колено, что в соседней Воронежской области. С детства довелось ему хлебнуть немало горяшка: оказался сыном несправедливо (что выясилось полвека спустя) репрессированного отца – скромного почтового служащего. Этому сегодня можно только поражаться: как всего лишь почтальон мог быть «врагом народа», какую он представлял реальную угрозу советской власти? А тогда сходу загремел под арест, под допросы с пристрастием, издевательства, ссылку... Хорошо хоть, невзирая на «клеймо» отца, Бориса после семилетки в Бутурлиновский технологический техникум приняли. Но доучиться не пришлось: «В сорок первом, сорок памятном году прокри-

чали репродукторы беду...» И он шагнул с такими же ребятами-добровольцами в самое пекло, в самую пропасть против гитлеровского нашествия, туда, где рвутся мины, брызжут смертельными осколками снаряды и где не стихает гул фрицевских самолётов, бомбящих хлипкую переправу, вызывая вполне понятный страх, ужас, панику даже среди военных, особенно первогодков. Но и проверяя людей на стойкость, прочность, мужество. Оттуда, из самой гущи боёв, и вырвались, как молитва, как заклинание, первые строки знаменитой трилогии Панова, камертоном положившие начало всему эпическому произведению: «Война, война... Сколько ты плодишь скотского, дикого в людях! И как высоко поднимается в твоих испытаниях человеческий дух!»

Тяжёлые жизненные невзгоды преследовали Бориса Константиновича и после войны. Суровая болезнь унесла любимую жену, и ему нужно было, как угодно, а справляться с домашним бытом, навалившимися хлопотами, ни в коем случае не упуская не дающую ни часу покоя редакторскую работу, и в то же время поднимать, ставить на ноги двоих сыновей. Справился! Доказал и свою профессиональную состоятельность, поднимая на заметную высоту одну за другой три районные газеты в Глазке, Сампуре, Шехмани. А там и лучик счастья улыбнулся, когда встретилась ему на жизненном пути верный друг и соратник – институтский преподаватель Ада Николаевна, с которой оказалось так много общего, слитного, не делимого до самых последних дней.

В начале 1960-х Борис Константинович, уже не только состоявшийся редактор, а и вполне известный писатель, журналист, чьи очерки охотно печатались в центральных газетах, победно прошли в столичном журнале «Москва», воронежском «Подъёме» (с одновременным приглашением на работу в отдел культуры тамошней областной газеты), возглавил редакцию мичуринской «районки» «Знамя Октября». И, сплотив вокруг себя даровитый творческий коллектив, насытив газету множеством интереснейших, захлёбываемых материалов, вывел её на «звёздный» уровень, о чём было живо, подробно, увлекательно рассказано в памятной для земляков подробной передаче Всесоюзного телевидения!

Равняясь на литературный стиль Панова, его узорчатый самоцветный язык, писательское осмысление всего вокруг происходящего, поднимались в творческом росте будущие писатели земли тамбовской Василий Кравченко, Виктор Кострикин, автор этих строк, в те годы – сотрудник находившейся в одном здании со «Знаменем» городской газеты «Мичуринская правда». Борис Константинович, как магнитом, притягивал к себе людей. По литературному поводу и без охотно навещались к Пану Борису (он знал этот свой дружеский «псевдоним» и не серчал) коллеги из Тамбова – Александр Стрыгин, Иван Кучин, Майя Румянцева, Алексей Шилин, что уж говорить о местных друзьях-товарищах... Приходили, приезжали и просто так, поговорить «за жизнь», и обсудить Пановские новинки, одна за другой выходившие в воронежском ЦЧР – книжном издательстве, вначале в мягком, а затем – в классически твёрдом переплёте: повести и рассказы «Мартовским днём», «Хозяин», «Трудный год Владимира Туровцева», первая часть трилогии «Посреди степей», газетные и журнальные публикации.

Какие же это были прекрасные, удивительные в нравственной красоте и чистоте люди! Интеллектуалы, умницы, таланты, никогда не выставявшие свои награды и заслуги напоказ и ценившие по таким же достоинствам других людей!

С лёгкой грустью (иных уж нет, а те далече) вспоминаю имена друзей Бориса Константиновича: это, прежде всего, такие же, как и он, фронтовики: личный секретарь и биограф Мичурина – Андрей Николаевич Бахарев, прекрасный художник, создавший в Мичуринске первую детскую художественную школу Аркадий Васильевич Платицын, знаменитые учёные – Валентин Иванович Будаговский и Геннадий Александрович Курсаков, главный режиссёр Мичуринского театра драмы Глеб Константинович Томилин и председатель известнейшего в то время колхоза Владимир Алексеевич Волков, врач-фтизиатр Фёдор Алексеевич Баранов и ректор педагогического института Николай Карлович Миттов, литературоведы, журналисты, краеведы – Анатолий Рафаилович Монастырский, Иван Степанович Никулин, Иван Ильич Скоркин, Леопольд Артурович Изрелович... Да разве перечислить все славные имена! Одну лишь истину можно подтвердить: скажи, кто твои друзья, и я скажу, кто ты...

Борис Константинович всегда оставался добр и расположен к друзьям.

Но ещё больше он, человек, прошедший очень суровую, исколотую такими острыми шипами школу, которая иным и не снилась, был поборником правды, справедливости, чести и достоинства. И тут для него не существовало ни «директив» свыше, ни звёздных погон, ни чиновничьих званий. Если вопрос, вынесенный на бюро райкома партии (а Панов бессленно входил в состав этого «высшего ареопага» тех лет), касался судьбы, карьеры, жизненного пути не понаслышке известного ему человека, он смело вставал и убеждал проголосовать не по форме, а по совести, по существу. Прислушивались!

Бориса Панова неизменно радовали журналистские, тем более книжные успехи «подроста», как он любовно и уважительно называл окружавшую его творческую молодёжь. Он высоко ценил прозу молодого писателя из Знаменки Валерия Кудрина, призывал читать его рассказы, обращая внимание и на стилистику, и на самую архитектонику «по-казаковски», «по-бунински» хрупких, написанных удивительно прозрачным языком новелл. Под широко распахнутым крылом Бориса Константиновича находили себя в прозе, поэзии, краеведении, филологии Василий Попков, Иван Гладких, Пётр Герасимов, Григорий Шифрин, учительница-словесник Надежда Ралдугина, на долгие годы оставался близким другом семьи тогда сотрудник ВНИИС, поэт, мастер сатирического жанра Анатолий Смагин.

Только не всё так уж благостно было в окружении Бориса Константиновича. Один из «питомцев», подхихикивая в кулачок, старательно выискивал на страницах книг прозаика пробелы, будь то чересчур уж простонародные словечки, заковыристые обороты речи, неточности, вполне простительные и объяснимые в ином случае, но не в том, когда «доброхот» отсылал собранный «урожай» в сатирический журнал «Крокодил» на всеобщее обозрение.

– Вот же Иудушка! – качал головой Борис Константинович. – Я его руко-

писи правил, в издательство звонил, просил редакторшу быть снисходительнее к начинающему, и вот такая благодарность?

– Борис Константинович, да крохоборы, они и есть крохоборы, – утешал я, как мог, расстроенного мэтра. – Что с них взять, на что они ещё способны?

* * *

Борис Константинович Панов прожил 85 лет. Крепкого сложения – с апреля и почти по октябрь купался в Лесном Воронеже, зимой постоянно бегал на лыжах, охотно совершал долгие пешие переходы – не болел, умер в одночасье. Хоронили мы его в промозглом ноябре, принося свои соболезнования безутешной Аде Николаевне, сыновьям и внукам Бориса Константиновича. Стараниями журналиста Владимира Измайлова вскоре будет издан сборник очерков памяти писателя «Кудесник слова». Руководитель областной писательской организации Николай Наседкин, как мы с ним и обещали на тризне, примет самое горячее участие в выпуске посмертного сборника произведений Бориса Панова «На окраине». Мичуринский городской Совет депутатов совместно с городской администрацией учредит ежегодно присуждаемую литературную премию имени Бориса Панова.

Но каждый раз, проходя или проезжая в Мичуринске по улице Интернациональной, мимо дома под номером 19, обязательно смотрю на окна четвёртого этажа. Умом понимаю, что давно живут там совсем другие люди, но всем сердцем желая, чтобы хоть на миг, хотя бы на мгновение промелькнул там знакомый силуэт, вновь обозначился приветственный взмах его руки и высветлилась незабываемая улыбка Бориса Константиновича Панова. Учителя. Человека. Поистине, кудесника слова.

Валерий АРШАНСКИЙ,
*член Союза писателей России,
лауреат премии имени Бориса Панова*

Высокая температура души

Очерк к 100-летию писателя Галины Татариковой

Не раз приходилось слышать от работников торговли сетования на то, что о них не пишут художественных произведений, не сочиняют песен и стихов. «Критики в наш адрес – сколько угодно, – с горечью говорила директор одного из тамбовских магазинов. – А чтобы роман написать или хотя бы рассказ хороший... Неужели нет среди продавцов положительных героев?..»

Есть, конечно, и немало, особенно среди тех, кто пришёл работать в сферу торговли по призванию. И книги о них написаны, не говоря уж о многочисленных очерках, опубликованных в газетах и журналах. Например, у Галины Ивановны Татариковой, литературная деятельность которой начиналась в Тамбове, есть повесть «Мои родные. Записки ветерана торговли», изданная отдельной книгой ещё в 1974 году. В ней рассказывается о жизни коллектива универсама. В героях книги нетрудно угадать тамбовских работников прилавка, с которыми довелось работать автору...

Галина Ивановна Татарикова родилась 23 февраля 1923 года в Москве, в семье писателя Ивана Михайловича Новокшенова. Этого автора сейчас почти никто не знает. А он был соратником М. Горького, участвовал в гражданской войне. В 1925 году был принят во Всероссийское общество крестьянских писателей. Автор повести «Потомок Чингисхана», по мотивам которой в 1928 году режиссёром Всеволодом Пудовкиным был снят одноимённый фильм. Сценарий написан автором повести совместно с Осипом Бриком.

В 1937 году Иван Михайлович Новокшенов был репрессирован. Умер 5 мая 1943 года в Свердловске. Реабилитирован посмертно. В советское время его повесть «Потомок Чингисхана» была издана в 1966 году 30-тысячным тиражом в Москве («Советский писатель»), в 1969-м – 50-тысячным тиражом в Улан-Удэ (Бурятское книжное издательство). В 1983 году в Иркутске (Восточно-Сибирское книжное издательство) увидела свет объёмная книга Ивана Новокшенова (432 с., тираж 100 тысяч экз.), в которую помимо «Потомка Чингисхана» вошли и другие повести писателя. Эту книгу, по просьбе издательства, готовила к печати его дочь – Галина Ивановна Татарикова, которая тщательно выверяла все факты по сохранившимся архивам отца....

После средней школы будущая писательница работала художником-оформителем, рабочей на заводе. Окончила юридический институт, была следователем прокуратуры, адвокатом в Московской и Курской областях.

С 1962 по 1985 год Галина Ивановна жила в Тамбове, работала юристом-консультантом на одном из тамбовских заводов и в Горпромторге, писала очерки о

лучших людях Тамбовского края, которые публиковались в местных газетах, в коллективных сборниках. На тамбовском материале написаны повести «Вечный двигатель», «Первая борозда», затрагивающие важнейшие нравственно-этические проблемы.

В Тамбове Татарикову приняли в Союз писателей СССР. Она общалась со многими поэтами, прозаиками, журналистами, но активно участвовать в работе писательской организации не могла: с большим трудом передвигалась по комнате, улицу видела только с балкона. Инвалидом Галина Ивановна стала после операции на позвоночнике, который она повредила в годы работы следователем в Курской области. По порученному ей уголовному делу надо было попасть в отдалённый район, куда из-за бездорожья никакой транспорт не ходил, и она, недавняя выпускница юридического института, поехала верхом на лошади. «Конечно, никакой практики верховой езды у меня не было, – рассказывала Галина Ивановна. – Да и лошадь была строптивая. В одном месте она меня и сбросила... По молодости, я не придавала значения боли в спине. Отлежавшись, пошла пешком. И дошла. И дело довела до конца...»

Как часто бывает, только через несколько лет последствия падения дали о себе знать невыносимыми болями... Надежды на благополучный исход операции не оправдались. В квартире появилась инвалидная коляска... Но у женщины оказался сильный характер, что в сочетании с литературным даром давало возможность жить и не быть ни для кого обузой. Творчество отвлекало от мрачных мыслей, а публикации спасали от безысходности. В тамбовской квартире Галины Ивановны на Тулиновской улице я была не один раз. Приходили к ней, хоть и редко, местные писатели, приезжали представители Центрально-Чернозёмного книжного издательства, где выходили повести и рассказы Татариковой. Она всегда была доброжелательна и гостеприимна, хотя недостаток был весьма скромный. Единственное богатство – книги...

Галина Ивановна Татарикова много писала для юношества. В 1984 году в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве вышли две повести – «Температура души» и «Этюд для арфы с барабаном», в которых во всей сложности показаны представители молодого поколения 70-80-х годов прошлого века. Исследуя социально-нравственную активность героев (а это – реальные люди), автор ненавязчиво подводит читателя к размышлению о смысле жизни, о столкновении добра и зла, о возможностях коллектива, способного воспитать человека, возвысить его в собственных глазах.

Именно в такой коллектив попадает вернувшийся из заключения Виктор (повесть «Температура души»). Мастер цеха, зная о его прошлом, всё же взял Виктора на работу и не ошибся: доверие товарищей помогло оступившемуся человеку обрести собственное «я». Автор повести знакомит читателя с внутренним миром героя, которому не даёт покоя совершённое им преступление, и он живёт в постоянном страхе, что кто-то вот-вот напомнит ему о том, где он был целых три года. Он боится, что понравившаяся ему девушка Зоя просто из жалости и от собственного одиночества подошла к нему, но связать свою судьбу с

бывшим преступником не захочет. И Виктор решает «жить тихо, мирно, никого не задевать, никуда не соваться». Такая позиция возмущает, прежде всего, Зою: «Это же не жизнь! Не может человек в норе отсиживаться!»

Выросшая в детском доме, научившаяся с малых лет узнавать и ценить людей, Зоя сердцем чувствует, что Виктор – хороший парень, она сумела разглядеть в нём доброе начало и «высокую температуру души». И перед ним открылось будущее, он увидел наконец-то свою жизнь – не ущербную, а полноценную жизнь в большой семье родных и друзей...

В повести «Этюд для арфы с барабаном» события раскрываются через восприятие девочки-подростка. Мы видим мир таким, каким видит его она, оцениваем людей по её отношению к ним. И в то же время на наших глазах происходит взросление маленькой героини – не только физическое, но и духовное: из непослушной, капризной девчонки, считавшей родителей мучителями, мечтавшей играть в ансамбле на ударных инструментах, Диана за несколько недель превращается в человека, понявшего, что значит быть нужной людям. А люди, к которым она попадает, не совсем обычные: они передвигаются на колясках, а некоторые и этого не могут.

Поработав один день в новом санатории, Диана возвращалась домой, опустив голову, – всё смотрела на ноги прохожих и думала: на земле миллионы здоровых, крепких ног, и если бы каждый человек со здоровыми ногами согласился дать тысячную долю своей силы, то все «колясочники» встали бы и пошли.

Трогательны и прекрасны порывы детской души. Встречи с разными людьми дают возможность Диане сравнивать их поступки, распознавать скрытую нежность и скрытую недоброжелательность...

И в этих, и в других произведениях Галины Татариковой основным лейтмотивом является нравственный критерий, поиск молодыми людьми правильного пути, смысла жизни...

Много лет отдала Галина Ивановна Татарикова работе над романом «Малая Бронная», который начала писать в Тамбове, а закончила в столице, куда вынуждена была уехать к дочери по состоянию здоровья. Здесь она и скончалась 10 января 1987 года. А книга вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1991 году. В неё вошли роман, давший название книге, и повесть «Следователь».

В романе автор рассказывает о первых днях после объявления войны, передаёт настроение людей и, прежде всего, молодёжи, которая вначале, возможно, и не понимала всего трагизма случившегося. В 17-летней Ане сосредоточены черты и чувства её друзей и подруг, только что окончивших школу и даже не предполагавших, что выпадет на их долю за долгие годы войны. Это и сам автор: Галине Татариковой в 1941 году было тоже 17 лет, и ощущения, переданные в романе, – не заёмные, не выдуманные, а её собственные. Сколько пережито! – голод и холод, несправедливость со стороны, казалось бы, неплохих людей, а иногда – и предательство. Всё было. Но объединяющей и спасающей силой была безграничная вера в победу. Верили. Выстояли. И победили!..

Повесть «Следователь» – продолжение жизни героев в мирное время, когда тоже сталкиваются добро и зло, встречаются зависть и трусость. Но

всё-таки опять побеждает светлое начало в человеке, потому что, говоря словами известного поэта, «людей хороших больше, чем плохих...»

В Москве живёт дочь Галины Ивановны – Алла Александровна Татарикова-Карпенко – актриса, сценарист, художник. Несколько раз мне посчастливилось встречаться с ней и в столице, и в Тамбове, куда она приезжала с театром на гастроли. Стремление к творчеству она унаследовала от матери, как и любовь к книге. Дочь так же, как и мать, отличается высокая температура души...

Валентина ДОРОЖКИНА,
член Союза писателей России

Марина ЕРОФЕЕВСКАЯ

Победитель

*5-го Межрегионального поэтического конкурса
имени Майи Румянцевой*

Пиджак

Между юбочек клетчатых и рубашек цветных зажат,
На пластмассовых плечиках – элегантный мужской пиджак.
Новый, с биркой в кармане и – не подогнан ещё манжет,
Он висит в ожидании – ну когда, ну когда уже...

Он готов лечь под ножницы, под иглу, под утюг, под пресс.
Может, к праздникам сложится? Но хозяин совсем исчез.
Рядом запонки синие, строгий галстук – его сосед.
Это невыносимо, но... Но хозяина нет и нет.

И ночами безлунными снится свадьба, как наяву,
Будто девушка юная гладит нежно по рукаву.
Гости все в изумлении – как же выправка хороша!..
Но висит объявление: «Продаётся мужской пиджак.

Сорок восемь, неношенный. Продаётся за полцены».
– Почему же так дёшево? Может, будут ещё штаны?
Покупателю нравится, пиджаку в рукава залез.
А хозяин отправился под иглу, под утюг, под пресс.

Он пропал под снарядами, стал не надобен гардероб.
У него из нарядного – по размеру сколочен гроб.

Северное

Ты говоришь – как же мы далеко,
Как у Христа за пазухой.
Снег на Севере белый, как молоко,
Мир и покой кругом испокон веков,
Воздух так чист, пьётся одним глотком,
Ни наводнений, ни засухи.

Нет ни бомбоубежищ, ни катакомб.
Здесь каждый шорох не чужд, а давно знаком.
Дом, хоть и стар, но со стенами, с потолком,
Деревянный, а не пластмассовый.
Почему я хочу свернуться тугим комком?
Почему я не думаю ни о ком?
Я желаю уйти – напролом, пешком.
Мучают мысли разные.

В этом мире, видно, закон таков:
Если нет ни дороги, ни дураков,
Если хата с краю и нет долгов,
То никому не обязаны!
Ты говоришь – как же мы далеко,
Только вот от чего – мне шепни тайком.
Дай Бог сохранить нам полностью, целиком
Ясность разума.

Солнцестояние

Под гармошку частушки весело
Пел народ,
Солнце с неба устало свесилось,
Как ядро.

Лето красное сорок первого,
Спит заря.
В Бога нынче не каждый верует,
Видно, зря.

Ночь сегодня на день поменяна,
Там вдали
Вместо солнца грядёт затмение,
Смерть сулит.

Потекут ручейками слёзными
Реки вспять.
Люди Богом на то и созданы –
Воевать.

Обжигаются крылья бабочки
О лучи.
Помолчи за солдата, бабушка,
Покричи.

Ночь, надев балаклаву смолоду,
Отберёт
Время-платину, время-золото
Наперёд.

Спи, младенец в кроватке, баюшки,
Спи свеча.
Не качать колыбели батюшке,
Не качать.

Помолись у Христа распятого,
Да иди...
Лето красное сорок пятого
Впереди.

**Яна
ЦЫГАНКОВА**

Лауреат
5-го Межрегионального поэтического конкурса
имени Майи Румянцевой

* * *

Родившись из листвы,
Что знает он? Пока –
Лишь голоса травы,
Лишь клёкот канюка.

Ещё – игру теней
На высохшей коре,
Да шум ночных зверей,
Укрывшихся в норе.

И невдомёк ему,
Покуда он – росток,
В какую глубину
Земли уходит сок,

Когда ложится снег,
Как кошка, у двери.
Как дорожает хлеб
И гаснут фонари.

И это нам из тьмы
Учиться у него:
Он знает мало. Мы
Не знаем ничего.

* * *

Говорит: а меня вот не взяли ни в рай, ни в ад,
Потому что я был не гражданский, а был солдат.
Знал приказы, муштру, оборону, захват, ружьё:
Это дело моё.

Это тело моё:
Камуфляж, вещмешок и грязь,
Рисовал меня младшенький, ртом щелезубым смеясь,
Рисовал на шифере, весь перемазался от угля:
Этот рисунок – я.

Это я: ни жетон и ни военный билет,
Ни ошмётки тела, не преданные земле,
И ни обелиск со звёздочкой синей-синей –
Ненадёжной невечной памятью из России,

Я – рисунок ребёнка,
Смытый струёй воды.

Он не вспомнит меня.
Ад и Рай не вспомнят меня.

Вспоминай хоть ты.

Павел ВЕЛИКЖАНИН

Дипломант

*5-го Межрегионального поэтического конкурса
имени Майи Румянцевой*

Ополченцы сорок первого

До сих пор здесь только чёрные пни,
Вековые деревья смертью поправ.
Это поле под Москвой чуть копни –
Зазвенит металл очковых оправ.

Позабыв мудрёных буковок вязь,
Что в сухих листьях вилась, как лоза,
Мушки чёрные ловили, слезясь,
Устремлённые на запад глаза.

Вместо скрипки лёг приклад на плечо,
Вместо мела пальцы сжали цевьё.
Небеса перечеркнул паучок,
Будто судьбы им недолгие вьёт.

С четырех сторон нахлынут враги,
Есть земля и небо – выхода нет.
Смертоносными мазками сангин
На снега ложится братский портрет.

Есть последняя граната в руке.
Даже мертвому – держаться дотла!
Лишь навстречу злему вою пике
Плыли души, уходя из котла.

И такая в них была чистота,
Прокопчённых пепелищем родным,
Что не вышло у врага ни черта:
Вся земля и небо всё – им одним.

Жесткое жнивье

Был черствый хлеб вкуснее сдоб,
Был труд войны, простой и страшный:
На фронте пашней пах окоп,
В тылу окопом пахла пашня.

Впрягались бабы в тяжкий плуг,
И почва впитывала стоны.
Мукою, смолотой из мук,
На фронт грузились эшелоны.

Навстречу им – казённый лист,
Где от руки вписали имя.
А хлеб ложился, колосист,
И плакал зёрнами...

Пробуждение богатырей

Преданье существует с давних пор,
Что живы и сейчас богатыри:
Увел дружину батька-Святогор
Под землю. И дорогу затворил.

Укрыла их собою мать-земля,
Плеснула им по чаркам сонный мёд,
Проснуться лишь тогда сынам веля,
Когда последний час Руси придёт.

Когда со всех границ да изнутри
Попрёт вражина, души полоня.
Когда во тьме, куда ни посмотри,
Не брызнет даже капелька огня.

Когда ударит небо и вобьёт
По ноздри в землю, глиной рот забив...
Тогда-то понимание придёт,
Зачем же ты под этим небом жив.

И затрубит тебе лишь слышный рог.
Рванутся ввысь травой пустыри.
И выйдут самой тайной из дорог
Проснувшиеся враз богатыри.

Ермак, Илья, Гаврила, Святогор,
Алеша, Глеб, Володя – весь отряд.
У них с врагом короткий разговор:
Они всё больше жестами твердят.

...Летят над Русью сполохи зари.
Разрублено змеиное кольцо.
Стирают кровь и пот богатыри.
У одного из них – твоё лицо.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

«Молитвы, слёзы и любовь»: роман И.С. Тургенева «Отцы и дети»

К 205-летию великого русского писателя

Роман И.С. Тургенева **«Отцы и дети»** (1861) – одно из вершинных достижений отечественной классики. Его внутренний свет не потускнел под налётом хрестоматийно-школьного глянца и вульгарно-идеологических трактовок, в том числе и режиссёрско-постановочных. Несмотря на кажущуюся доскональную изученность, вот уже более чем полтора века не угасает стремление к постижению бесконечно богатого образного мира романа; не прекращаются попытки проникнуть в его «святая святых».

Конфликт поколений в **«Отцах и детях»** с поверхности текста переходит во внутренние, глубинные пласты, в сферы внетекстовые. За внешней сюжетной основой встают вопросы религиозно-философские, и главный из них – о сокровенном смысле жизни. Размышления о её мимолётности; сознание того, что каждый неизбежно встретит смерть один на один: «Старая штука смерть, а каждому внове» (7, 182); метафизическое одиночество (философия «космического пессимизма»), свойственные складу тургеневского художественного мышления, постепенно преодолеваются на путях признания высшей трансцендентной сущности человека.

Тургенев уверен, что «только с духовным началом, с идеалами может так глубоко сочетаться наш дух, наше мышление» (I, 436). Ощущение причастности к всеобщей вселенской гармонии Божьего мира расширяет духовные горизонты личности. Человек не столь трагически переживает свою «временность» и «конечность», предчувствуя свою родственность чему-то «высшему» и «вечному».

Без образа Божия жизнь безбожна, безобразна и безобразна. Отсутствие веры писатель сознавал как неполноценность, ущербность, обделённость и обеднённость личности. Графине Е.Е. Ламберт Тургенев писал: «Да, земное всё прах и тлен – и блажен тот, кто бросил якорь не в эти бездонные волны! Имеющий веру

– имеет всё и ничего потерять не может; а кто её не имеет – тот ничего не имеет, – и это я чувствую тем глубже, что я сам принадлежу к неимущим! *Но я ещё не теряю надежды* <курсив мой. – А.Н.-С.>» (III, 61).

Христианские упования писателя нашли выражение в образах религиозно одарённых людей – таких, как Лиза Калитина («Дворянское гнездо»), Лукерья («Живые мощи»), – которых автор создавал с чувством величайшего благоговения. В религиозных переживаниях видит Тургенев источник внутренней силы и нравственной чистоты. Стихотворения в прозе «Христос», «Монах», «Молитва» свидетельствуют о «томлении духа», духовной жажде, потребности писателя в богообщении: «Только такая молитва и есть настоящая молитва – от лица к лицу» (10, 172).

В романе «Отцы и дети» проявилось осознание духовной высоты христианского чувства, православной церковной традиции. Соборование нигилиста Базарова в сцене его смерти не выглядит неожиданностью, но – наоборот – подчиняется внутренней художественной логике тургеневского произведения.

Православному Таинству Соборования отведены лаконичные строки внутри единственного абзаца, посвящённого последним мгновениям земной жизни главного героя. Крайне сдержанно сказано о церковном чинопоследовании христианского напутствия умирающему перед его уходом на суд Божий: «Отец Алексей совершил над ним обряды религии» (7, 183).

К слову, священник – отец Алексей – фигурирует в нескольких произведениях Тургенева, созданных после «Отцов и детей». В рассказе «Живые мощи» (1874) отец Алексей христиански поддерживает болящую Лукерью. Впоследствии писатель создал, по его жанровому определению, «легендообразный рассказ» – «Рассказ отца Алексея» (1877), указывая в письмах на его невымышленный источник: «(действительно сообщенный мне) рассказ одного сельского попа о том, как сын его подвергся наущению дьявола (галлюцинации) – и погиб» (9, 468). Реальный отец Алексей – священник прихода, к которому принадлежало имение писателя, – упоминается Тургеневым в письме к Н.А. Щепкину: «Поп Алексей просит 15 осиноков» (9, 468).

Несмотря на чрезвычайную сжатость (а, возможно, именно благодаря такой немногословности), эпизод Соборования в «Отцах и детях» обращает вдумчивого читателя к скрытым пластам романа, вербально не выразимым в своих сокровенных глубинах. Ассоциативный подтекст христиански высвечивает своеобразие поэтики Тургенева, особенности его художественной манеры «тайного психологизма». Писатель останавливается на пороге не постижимой земным разумом загадки души и Духа, человека и мира, вечной неумирающей жизни.

Обрисованный в нескольких словах православный обряд представлен как истинное Таинство – в нём ощущается величайшая тайна. Тургенев пишет о Базарове: «Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице» (7, 183-184).

Загадочен этот последний эмоциональный всплеск главного героя романа. В чём кроется источник «содрогания ужаса» прежде бесстрашного нигилиста – титанической личности, отвергавшей Бога и отрицавшей бессмертие, самоуверенно бросающей вызов Провидению?

Идейный вождь русского нигилизма Д.И. Писарев, анализируя сцену смерти Базарова, утверждал, что тот «не струсил», «не изменил себе», «не оплошал»¹. Герой, который умеет умирать «спокойно и твёрдо», не отступит перед препятствием и не струсит перед опасностью, – резюмирует критик. Он недалёк от истины, расценивая сцену смерти Базарова как апофеоз романа, хотя в угоду тенденциозной односторонности интерпретирует эту сцену в революционно-нигилистическом смысле: «Нигилист остаётся верен себе до последней минуты».

Тургеневский герой действительно держался стоически мужественно в течение своей предсмертной болезни. Однако Писарев, по всей видимости, преднамеренно не пожелал отметить и обошёл молчанием тот факт, что в последние мгновения жизни при Соборовании неустрашимый Базаров испытал не просто страх, но неопишуемый ужас. Современные исследователи до сих пор теряются в догадках: «Что это? Запоздалое раскаяние? Или, наоборот, бунт атеистической души?»². Объяснений нельзя искать вне сложной динамики связей тургеневского творчества с религиозно-нравственными основаниями русской культуры, с традициями христианской духовности.

Согласно православному катехизису, Соборование – одно из семи церковных Таинств, в котором «при помазании тела елеем призывается на больного благодать Божия, исцеляющая немощи душевные и телесные»³. Таинство уходит корнями в Священное Писание, имеет богоустановленный характер и берёт своё начало с апостольских времён. В Евангелии от Матфея сказано, что Сам Христос послал апостолов на благодатное делание телесного и духовного врачевания: «И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь» (Мф. 10:1). Это был не только величайший дар, но и задание. Господь заповедал апостолам: «Больных исцеляйте, прокажённых очищайте, мёртвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте» (Мф.10:8).

Ученики Христа, получив «власть над нечистыми духами» (Мк. 6:7), «пошли и проповедовали покаяние; изгоняли многих бесов и многих больных мазали маслом и исцеляли» (Мк. 6:12-13). Апостолы передали это Таинство церковным священнослужителям. Святой апостол Иаков в Соборном послании наставляет: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазавши его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак. 5:14-15).

Согласно христианскому вероучению, большинство болезней физических являются следствием греха, тогда как сам грех – болезнь духовная. Таким образом, кроме телесного исцеления, в Таинстве Соборования прежде всего молитвенно испрашивается врачевание души больного, отпущение его грехов.

Определение, представленное в примечаниях к роману «Отцы и дети» в Полном собрании сочинений Тургенева: «Соборование – церковный обряд у по-

стели тяжелобольного или умирающего с помазанием его тела елеем» (7, 469), – не совсем корректно. С точки зрения катехизиса, Таинство может совершаться не только над страдающими от тяжёлых физических недугов или умирающими. К Соборованию, испросив благословения, могут приступать все православные христиане, достигшие семилетнего возраста. При этом они не обязательно должны быть подвержены телесным немощам. Такое состояние души, как уныние, признаваемое смертным грехом, скорбь, отчаяние, даже называемая пушкинскими словами «русская хандра» и т.п., может быть следствием нераскаянных грехов, не осознаваемых самим человеком. В этих случаях также прибегают к благодатной душеспасительной силе Таинства. Существуют традиции совершения общего Соборования и над больными, и над здоровыми людьми в дни Великого поста на Крестопоклонной или на Страстной Седмице, вечером перед Великим Четвергом или Великой Субботой.

Таинство Елеосвящения в обиходе именуется Соборованием, поскольку, согласно уставу Церкви, его полагается совершать семи священникам (собору священнослужителей). Число семь – сакральный знак Церкви и её полноты. Само чинопоследование Таинства состоит в прочтении семи различных отрывков из Евангелия и Апостола, повествующих о покаянии, об исцелении, о необходимости веры и упования на Бога, о сострадании и милосердии. Церковь также допускает совершение Таинства тремя, двумя и даже одним священником – с тем, чтобы он служил от лица собора иереев, совершая все молитвы, чтения Священного Писания и семикратно помазывая елеем болящего⁴. Соборование допустимо не только в храме, но и в домашних условиях.

Основные моменты видимой составляющей Таинства Елеосвящения (Соборования) – семикратное помазание освящённым елеем частей тела больного (лба, ноздрей, щёк, губ, груди и рук). Каждое из семи помазаний предваряется чтением Священного Писания, молитвой об исцелении болящего и о прощении его грехов. Непосредственно при помазании читается молитва веры; на голову приступившего к Соборованию возлагается Евангелие вниз письменами; в заключение читается разрешительная молитва от грехов.

Внешняя обрядовая сторона священнодействия в то время, когда создавался тургеневский роман, была известна каждому православному. Возможно, поэтому автору не представлялось необходимым изображать картину Соборования Базарова во всех деталях. В то же время Тургеневу в свойственной ему манере писательской деликатности и человеческой чуткости удалось прикоснуться к сокровенной сущности Таинства, его духовному наполнению. Невидимое действие благодати Божьей, подаваемой в Таинстве Елеосвящения, заключается в том, что соборующийся исцеляется от порождений греха, получает духовное подкрепление и очищение.

В романе «**Отцы и дети**» приходской священник, совершая Таинство от лица собора, по всей видимости, строго придерживается развёрнутого канонического чинопоследования. Об этом свидетельствуют приведённые выше слова Тургенева: «Отец Алексей совершил над ним обряды религии» (7, 183). Важно

обратить внимание на форму множественного числа: «обряды». Для адекватного постижения смысла эпизода необходимо учесть, что Соборование тесно соединяется с другими православными Таинствами – Покаянием (исповедью) и Причащением Святых Христовых Тайн. Если Соборование совершается дома у тяжелобольного или умирающего, то вначале, как правило, следуют Исповедь и Причащение, чтобы болящий – ввиду явной опасности близкой смерти – успел принять последнее напутствие как залог вечного блаженства.

Следует подчеркнуть, что Причастия не бывает без покаянной исповеди. В то же время исповедаться человек может, только находясь в здравом уме и твёрдой памяти. Единственное требование Церкви, напутствующей умирающего, чтобы тот находился в сознании. Над больными в бессознательном состоянии Причащение не совершается. Так, в тургеневском **«Рассказе отца Алексея»** священник вспоминает о смерти своего сына без покаяния: «А как слёг Яков, сейчас в беспмятство впал, и так, без покаяния, как бессмысленный червь, отошёл от сей жизни в вечную...» (9, 131).

Текст тургеневского романа не позволяет с точностью утверждать, исповедал ли свои грехи Базаров перед кончиной. «Базарову уже не суждено было просыпаться, – пишет Тургенев. – К вечеру он впал в совершенное беспмятство, а на следующий день умер» (7, 183). И только затем следует авторское замечание о совершении предшествующих смерти религиозных обрядов. Поэтому, обращаясь к реконструкции действия, нельзя отрицать и такого, например, развития событий, при котором Базаров мог ненадолго прийти в себя и, очнувшись от забытья, принести хотя бы краткое покаяние, односложно ответив на вопрос духовника: «Каешься?» – «Каюсь».

Прямая христианская обязанность родных и близких смертельно больного – своевременно дать ему возможность православного напутствия перед кончиной. Этот мучительный родительский долг пытается с честью исполнить Василий Иванович Базаров – истинный православный христианин. Будучи опытным лекарем и наблюдая за симптомами в развитии болезни, он тревожится о том, чтобы сын успел через Таинство Причащения осознанно приобщиться к спасительной силе жертвы Христа на Голгофе. Мука, терзающая старика-отца, теряющего единственного сына и призывающего его к душеспасительному Таинству, столь велика и особенна, что Василий Иванович начинает выражаться несвойственным ему высоким слогом, изумляющим Базарова. Сын невольно отвечает отцу в том же стиле, что ещё более подчёркивает неординарность происходящего:

«– Евгений! – произнёс он, наконец, – сын мой, дорогой мой, милый сын!

Это необычайное воззвание подействовало на Базарова... Он повернул немного голову и, видимо, стараясь выбиться из-под бремени давившего его забытья, произнёс:

– Что, мой отец?» (7, 180).

Опустившись на колени, набожный старик умоляет Базарова позаботиться о спасении души перед уходом в вечность: «Евгений, тебе теперь лучше; ты, Бог даст, выздоровеешь; но воспользуйся этим временем, утешь нас с матерью,

исполни долг христианина! Каково-то мне это тебе говорить, это ужасно; но ещё ужаснее... ведь навек, Евгений... ты подумай, каково-то...

Голос старика перервался, а по лицу его сына, хотя он и продолжал лежать с закрытыми глазами, проползло что-то странное» (7, 180).

Мастер «тайной психологии», Тургенев не анализирует и даже не называет то движение души героя, которое вызвало такую необычную, вербально не определяемую реакцию. В то же время здесь отчётливо ощутим намёк на запредельность происходящего – в предчувствии инобытия.

Базаров не внял мольбе отца. Однако важно, что он не отказывается от Таинства в принципе и выражает готовность принять его позднее. Фактически Базаров даёт разрешение обеспечить возможность совершения над ним священнодействия, даже если он впадёт в беспамятство:

«– Я не отказываюсь, если это может вас утешить, – промолвил он наконец, – но мне кажется, спешить ещё не к чему. Ты сам говоришь, что мне лучше.

– Лучше, Евгений, лучше; но кто знает, ведь это всё в Божьей воле, а исполнивши долг...

– Нет, я подожду, – перебил Базаров. – Я согласен с тобою, что наступил кризис. А если мы с тобой ошиблись, что ж! ведь и беспамятных причащают» (7, 180).

Отец – бывший полковой лекарь – и его сын-медик говорят на профессиональном языке о течении телесной болезни. В то же самое время речь идёт о необходимости духовного врачевания врача Базарова. Православное Таинство, не отменяя физических законов, духовно поддерживает болящего, оказывает ему благодатную душеспасительную помощь.

Таким образом, нельзя однозначно судить об абсолютном атеизме Базарова, чтобы не погрешить против художественной истины романа. Вовсе не случайно А.И. Герцен (1812-1870) усмотрел в этом эпизоде, а также в заключительных словах финального реквиема «о вечном примирении и о жизни бесконечной» (7, 188) опасный, с точки зрения революционера и атеиста, «мистицизм». По прочтении «**Отцов и детей**» Герцен писал Тургеневу: «Requiem на конце – с дальним апрошем к бессмертию души – хорош, но опасен, ты эдак не дай стрелка в мистицизм» (7, 468).

Анализ заключительных глав и эпилога романа также привёл советского литературоведа М.К. Азадовского ещё в 1935 году к догадке о том, что Тургенев изобразил атеиста Базарова перед смертью раскаявшимся и примирившимся с «небом»⁵. Впрочем, эта крамольная для того времени мысль была немедленно полемически опровергнута с точки зрения господствовавших вульгарно-идеологических марксистско-ленинских установок.

О примирении с «небом», преодолении трагического конфликта человека с быстротечностью земной жизни Тургенев размышлял на протяжении всего творческого пути. Уже в первом романе «**Рудин**» герой – вечный бесприютный странник – выстрадал в конце пути истину: «Смерть, брат, должна примирить наконец...». Церковный образ потухающей лампы в финальном монологе Рудина: «уже всё кончено, и масла в лампаде нет, и сама лампада разбита, и вот-вот

сейчас докурится фитиль...» (5, 319) – как символ уходящей жизни – отзывается в сцене последней встречи Базарова с Одинцовой.

Героиню можно было бы назвать «дамой в трауре»: в первый раз она появляется в романе на балу у губернатора как незнакомка «высокого роста в чёрном платье» (7, 68); перед смертельно больным Базаровым она предстаёт как «дама под чёрным вуалем, в чёрной мантилье» (7, 180). Здесь завуалирован приём предварения: с Одинцовой связаны любовь и смерть Базарова. Для него Анна Сергеевна, как и княгиня Р. для Павла Петровича Кирсанова, – таинственная женщина-сфинкс, мистически причастная роковым силам любви и смерти.

В княгине Р., пишет Тургенев, «всё ещё как будто оставалось что-то заветное и недоступное, куда никто не мог проникнуть. Что гнездилось в этой душе – Бог весть! Казалось, она находилась во власти каких-то тайных, для неё самой неведомых сил; они играли ею, как хотели» (7, 31). Незадолго до смерти загадочная возлюбленная Павла Петровича передала ему кольцо со сфинксом, «провела по сфинксу крестообразную черту и велела ему сказать, что крест – вот разгадка» (7, 32). Крест, крестное знамение объединяют судьбы, казалось бы, героев-антиподов. Участь старшего Кирсанова – оппонента Базарова в социально-политических спорах – проецируется на судьбу главного героя **«Отцов и детей»**.

Англоман Павел Петрович уехал за границу, но в эпилоге мы видим его «в русской церкви, когда, прислонясь в сторонке к стене, он задумывается и долго не шевелится, горько стиснув губы, потом вдруг опомнится и начнёт почти незаметно креститься...» (7, 187). Всё дорогое для него похоронено, и сам он живой мертвец. Тургенев пишет: «Павел Петрович помочил себе лоб одеколоном и закрыл глаза. Освещённая ярким дневным светом, его красивая, исхудалая голова лежала на белой подушке, как голова мертвеца... Да он и был мертвец» (7, 154). Нельзя не заметить, что здесь Кирсанов внешне напоминает умирающего Базарова. «Это всё равно, что класть венок из цветов на голову мертвеца» (7, 165), – с горечью говорит Базаров Одинцовой, которая отвергла его страсть, но призналась в дружеском расположении.

Брат старшего Кирсанова Николай Петрович ещё ранее замечал: «Да, брат; видно, пора гроб заказывать и ручки складывать крестом на груди» (7, 46).

Финал романа увенчивают «серые деревянные кресты» на сельском кладбище «в одном из отдалённых уголков России» (7, 188), где похоронен Базаров.

Так снимается конфликт поколений в романе Тургенева. И отцы, и дети, и всё новые поколения людей под сенью креста идут одной дорогой к завершению земной судьбы и к жизни вечной. Устами Аркадия писатель говорит о нескончаемом круговороте неумирающей жизни: «сухой кленовый лист оторвался и падает на землю; его движения совершенно сходны с полётом бабочки. Не странно ли? Самое печальное и мёртвое – сходно с самым весёлым и живым» (7, 121). О том же размышляет отец Аркадия, мысленно представляя себе покойницу-жену «молодую девушкой с тонким станом, невинно-пытливым взглядом и туго закрученную косой над детскою шейкой.<...>те сладостные, первые мгновенья, отчего бы не жить им вечною, неумирающею жизнью?» (7, 55).

Душа сродни высшему идеалу, и оттого она томится в своей земной ограниченной обители, не довольствуется ею. Анна Сергеевна говорит Базарову об этом «томлении духа», извечной человеческой тоске по идеалу, о вечном стремлении к счастью и о его недостижимости: «Мы говорили с вами, кажется, о счастье. <...> Скажите, отчего, даже когда мы наслаждаемся, например, музыкой, хорошим вечером, разговором с симпатическими людьми, отчего всё это кажется скорее намёком на какое-то безмерное, где-то существующее счастье, чем действительным счастьем, то есть таким, которым мы сами обладаем? Отчего это?» (7, 96).

Ответ на этот вопрос можно найти в размышлениях святителя Феофана Затворника: «В самом деле, мы любим повеселиться, но что значит, что, после самого полного веселия, душа погружается в грусть, забывая о всех утехах, от которых пред тем не помнила себя? Не то ли, что из глубины существа нашего даётся знать душе, как ничтожны все эти увеселения сравнительно с тем блаженством, которое потеряно с С. 292 потерей рая. Мы готовы радоваться с радующимися, но, как бы ни были разнообразны и велики предметы радостей человеческих, они не оставляют в нас глубокого следа и скоро забываются.

С. 293 Это значит то, что природа наша плачет о потерянном рае и, как бы мы ни покушались заглушить плач сей, он слышится в глубине сердца, наперекор всем одуряющим весёlostям, и понятно говорит человеку: “Перестань веселиться в самозабвении; ты, падший, много потерял: поищи лучше, нет ли где способа воротить потерянное?”⁶

Перед лицом Провидения ничего не значат ни возраст, ни красота, ни знатность, ни богатство, ни власть, ни политические пристрастия, ни прочая земная суета. Нигилист и его политический противник оказались равны и одинаково беззащитны: *«И всюду страсти роковые, / И от судеб защиты нет»*. Этот финальный мотив пушкинской поэмы *«Цыганы»*, пренебрежительно отвергаемой Базаровым, как и всё остальное «художество», всё более явственно и трагически звучит в подтексте романа.

Сакральная сторона жизни, с которой самонадеянно пытался вести борьбу «титан» Базаров, культивируя в себе непримиримую враждебность и даже ненависть к проявлениям духовности, одержала над ним верх. Гипернигилист, отрицавший высшие ценности, любовь, искусство, душевные порывы как «чепуху», «гниль», «романтизм», в конце жизни по сути становится экс-нигилистом. Называя себя «самоломанным», он уже не стыдится открыть одухотворённого романтика в самом себе. Герой не подавляет движений своего сердца, признавая тем самым существование высшей духовной силы, над которой никто не властен.

Человек, объясняет христианский философ В.В. Зеньковский, «открывает в себе глубину неисследимую, находит в себе целый мир»; «духовность загадочно сочетается с тварностью, но всё же она есть средоточие, живая сердцевина человека, истинный центр (“реальное Я”), основа индивидуальности человека, метафизическое его ядро»⁷.

Новое для Базарова духовно-душевное состояние проявляется в строе его речи, слове, которое (по Гоголю) «есть высший подарок Бога человеку»⁸.

Тургеневский герой невольно начинает изъясняться в стиле влюблённых рыцарей, трубадуров, миннезингеров, которых он некогда зло высмеивал как сумасбродных безумцев. «Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет...» (7, 183) – обращается он к даме своего сердца. Базаров умирает с любовью, призывая к себе «благодать» (так переводится имя Одинцовой – Анна), просветляющую его духовные силы.

Ассоциируя себя с «лампадой», Базаров обнаруживает свою внутреннюю причастность православной церковной традиции, родственность ей на генетическом уровне. Очнувшись от «тяжёлой, полузабывчивой дремоты», умирающий герой, «с усилием раскрыв глаза, увидел над собою при свете лампадки бледное лицо отца» (7, 176). В «будущем лекаре и лекарском сыне» оживает «дьячковский внук». Об этой связи в цепи поколений Базаров не забывал: «Ведь ты знаешь, что я внук дьячка?...» (7, 76) – многозначительно напоминал он Аркадию. И даже «осведомился однажды об отце Алексее» (7, 170), что вовсе не вписывается в нигилистические установки.

С судьбой Базарова много схожего у героя «**Рассказа отца Алексея**» Якова, происходящего из древнего священнического рода: «в нашем приходе близко двухсот годов всё из нашей семьи священники живали!» (9, 123), – но пожелавшего «идти по-светскому»: «“поступлю в университет, буду доктором; потому – к науке большую склонность чувствую”. <...> Ближним, говорит, хочу помогать. Ну-с, поехал он от меня – почитай, что ни гроша с собой не взял, только малость из платья. Уж очень он на себя надеялся!» (9, 123 – 124). Самонадеянность обернулась духовной и физической катастрофой.

Но текст «**Отцов и детей**» не даёт оснований говорить о полном «угасании» символической «лампады». Последнее, что видит Базаров своим земным зрением, – это благодатные свет и огонь: святые образа с неугасимыми лампадами, горящие перед иконами свечи, воскурение ладана в кадилнице.

Думается, неслучайно автор с его обострённой художественной интуицией пишет об умирающем Базарове: «один глаз его раскрылся» (7, 183). Писатель в сцене Соборования сумел уловить сам момент перехода героя в вечность: один глаз ещё может обозреть земное, другой уже закрыт навеки. Что представилось внутреннему зрению героя, что увидел он своими «духовными глазами» (это не только пушкинское выражение, но и богословское, святоотеческое) и что пережил в момент умирания, когда приоткрывшаяся в последний миг завеса позволила ему взглянуть за пределы земной жизни? И отчего в его лице возникло выражение ужаса? Был ли он поражён величием непостижимой тайны, явившейся ему во всей полноте и навеки низвергающей нигилистическую теорию абсолютного «ничто»? Встретил ли он то, чего не ждал, о чём не думал, что отвергал и во что не верил? При Соборовании, видимо, в умирающем уже теле он совершил какое-то громадное открытие о жизни духовной, ужаснувшее его самого.

Безбожные установки надменно-теоретизирующего сознания исподволь, незаметно для героя разрушали светлые стороны его личности. Демонических проявлений натуры Базарова в тот период, когда он позиционировал себя как

нигилиста и атеиста, можно насчитать в романе немало. Окружающим Базаров внушал безотчётный страх. В глазах матери, неотступно обращённых на сына, «виднелась и грусть, смешанная с любопытством и страхом, виднелся какой-то смиренный укор» (7, 124). Одинцова испытывала инстинктивную боязнь перед его зверским, животным началом: «Она задумывалась и краснела, вспоминая почти зверское лицо Базарова, когда он бросился к ней...» (7, 100); «“Я боюсь этого человека”, – мелькнуло в её голове» (7, 98). Ученик Базарова – «бланманже» Аркадий – также пережил минуты страха перед своим идейным наставником, когда в шуточной ссоре от него вдруг повеяло серьёзной опасностью: «Что подерёмся? – подхватил Базаров. – Что ж? Здесь, на сене, в такой идиллической обстановке, вдали от света и людских взоров – ничего. Но ты со мной не сладишь. Я тебя сейчас схвачу за горло...»

Базаров растопырил свои длинные и жёсткие пальцы... Аркадий повернулся и приготовился, как бы шутя, сопротивляться... Но лицо его друга показалось ему таким зловещим, такая нешуточная угроза почудилась ему в кривой усмешке его губ, в загоревшихся глазах, что он почувствовал невольную робость...» (7, 121-122). Злое начало готово выплеснуться в любой момент, беспричинно, бессмысленно, и от того особенно страшно.

Столь же страшен одержимый наваждением бесовским Яков в «**Рассказе отца Алексея**»: «Верите ли, я назад отскочил, до того испугался! Бывало, страшное было у него лицо, а теперь какое-то зверское, ужасное стало! Бледен как смерть, волосы дыбом, глаза перекосились... У меня от испуга даже голос пропал; хочу говорить, не могу – обмер я совсем...» (9, 130).

Базарову в предсмертном бреду так же, как Якову, виделось нечто inferнальное: «Пока я лежал, мне всё казалось, что вокруг меня красные собаки бегали» (7, 177). Так, быть может, Соборование Базарова, ужаснувшегося в пограничный момент между жизнью и смертью, соединилось с обрядом изгнания беса – экзорцизмом, в народе именуемым «чертогон»? «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его! <...> Яков, не малодушествуй; я ладаном покурю, молитву почитаю, святой водой кругом тебя окроплю» (9, 126), – пытался молитвенно помочь своему одержимому сыну священник («**Рассказ отца Алексея**»).

Но в «**Отцах и детях**» обо всём этом можно только догадываться. Тургенев оставляет читателя на пороге не разрешимой в пределах земного бытия загадки, ибо, как во всяком Таинстве, «*тайна сия велика есть*». Бесспорно одно: Базаров в последнее мгновение умирания, перехода по ту сторону бытия пережил трансцендентное состояние, не измеримое ограниченными мирскими мерками, не подвластное земному разуму, не поддающееся рациональным мотивировкам.

Таинство окончательно выводит Базарова из конкретно-чувственного, вульгарно-материалистического, обыденно-бытийного состояния в план инобытия. Это не есть абсолютное «ничто», «темнота», как думалось ранее Базарову-нигилисту.

Упование на бесконечное милосердие Божие за пределами земной жизни выражено также в финале «**Рассказа отца Алексея**»: «Но не хочу я верить, чтобы

Господь стал судить его Своим строгим судом... И, между прочим, я этому потому не хочу верить, что уж очень он хорош лежал в гробу: совсем словно помолодел и стал на прежнего похож Якова. Лицо такое тихое, чистое, волосы колечками завились – а на губах улыбка» (9, 131 – 132).

Тургенев ясно даёт почувствовать, что душа человеческая сопряжена с бесконечностью; в последние мгновения с человеком происходит нечто невидимое, таинственное и великое.

Сходное переживание перед лицом этой тайны выразил В.А. Жуковский (1783-1852) в стихотворении <«**А.С. Пушкин**»> (1837) на смерть поэта:

Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе

Руки свои опустив. Голову тихо склоня,

Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем

Мёртвому прямо в глаза; были закрыты глаза,

Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,

Что выражалось на нём, – в жизни такого

Мы не видали на этом лице. Не горел вдохновенья

Пламень на нём; не сиял острый ум;

Нет! Но какую-то мыслью, глубокою, высокою мыслью

*Было объято оно: **мнилось мне, что ему***

В этот миг предстояло как будто какое виденье,

Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось: что видишь?

<выделено мной. – А.Н.-С.>⁹.

В Таинстве предсмертного Соборования человек, очищенный от грехов, вводится в бесконечную жизнь воскресшего Христа. Страдание, умирание и сама крестная смерть в Христовом Воскресении явились залогом полноты неумиряющей жизни.

Эти христианские упования духовно поддерживают родителей Базарова, потерявших единственного сына.

Столь великое горе поначалу чуть не затмило сердце и разум отца Базарова. Василий Иванович, ослеплённый своим отцовским страданием, готов был взбунтоваться против Отца Небесного. В этом отец-христианин на миг уподобился сыну-отрицателю и бунтарю: «Василием Ивановичем обуяло внезапное исступление. “Я говорил, что я возропщу, – хрипло кричал он, с пылающим, перекосенным лицом, потрясая в воздухе кулаком, как бы грозя кому-то, – и возропщу, возропщу!”» (7, 184).

Мгновенный непокорный порыв угашен, и родители Базарова безропотно принимают Божью волю в смиренном земном поклоне: «Арина Власьевна, вся в слезах, повисла у него <Василия Ивановича. – А.Н.-С.> на шее, и оба вместе пали ниц. “Так, – рассказывала потом в людской Анфисушка, – рядышком и понурили свои головки, словно овечки в полдень...”» (7, 184). В этой картине кроткого жертвенного смирения возникает христианская аллюзия – намёк на образ жертвенного агнца или того «малого стада», к которому со словами утешения и ободрения обратился Господь: «*Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство*» (Лк.12: 32).

Финал романа «**Отцы и дети**» означен спасительным крестом. Из Базарова не «лопух» вырастает, как мнилось бунтующему физиологу, задумавшемуся о сокровенном смысле жизни: «из меня лопух расти будет; ну, а дальше?» (7, 120). Этот трагический вопрос остался тогда без ответа. Но ответ в романе прозвучал ранее: «крест – вот разгадка» (7, 32). На могиле героя возвышается крест, обозначающий место, где по православному обряду похоронен христианин. Как символ вечно обновляющейся жизни – «две молодые ёлки» (7, 188), посаженные любящими родителями в «вечную память» о сыне.

В земной юдоли люди, в том числе отцы и дети, даже если они родственны не только по крови, но и по духу, не в состоянии достичь абсолютного единства. Каждый неизбежно отделён от другого и собственной физической оболочкой, и неповторимым внутренним миром, остающимся во многом таинственным для самого его носителя, «*Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нём?*» (1 Кор. 2:11).

Стремления, замыслы, планы, амбиции также не могут быть реализованы всецело и не зависят от воли и усилий человека: «*Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе роста хотя на один локоть? Итак, если и малейшего сделать не можете, что заботитесь о прочем?*» (Лк. 12:25-26). В евангельской притче Бог сказал самоуверенному богачу, распланировавшему для себя дальнейшую счастливую жизнь «*на многие годы*» вперёд: «*безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя*» (Лк. 12:19-20). «*Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет*» (Мф. 24:42). Самых родных, близких и любящих – и тех разлучает, разъединяет смерть. Не смогли противостоять ей отец и сын – оба лекари – в тургеневском романе.

Но «*невозможное человекам возможно Богу*» (Лк. 18:27). Нетленные ценности существуют. Главная непреходящая ценность – любовь Христова. Тургенев, цитируя апостола Павла, горячо в это верует: «одно это слово имеет ещё значение перед лицом смерти. <...> “*Всё минется, – сказал апостол, – одна любовь останется*”» (5, 348). В своём утверждении: «любовь <...> сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь» (10, 142) – писатель постиг заветные христианские истины: «*И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в неё. Бог есть Любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём*» (1 Ин. 4:16).

Средоточие любви совершенной, которая «*изгоняет страх*» (1 Ин. 4:18), – Отец, Сын и Дух Святой. «*Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божии*» (Рим. 8:16). В Пресвятой Троице, Единосущной и Нераздельной, обретает человек – венец Божьего творения – истинное единство и желанную цельность, незыблемую опору и жизнь вечную: «*если пребудет в вас то, что вы слышали от начала, то и вы пребудете в Сыне и в Отце. Обетование же, которое Он обещал нам, есть жизнь вечная*» (1 Ин. 2:24-25).

«Отцам» и «детям» адресовал святой апостол Иоанн своё послание об Отце Небесном: «*Пишу вам, дети, потому что прощены вам грехи ради имени Его. Пишу вам, отцы, потому что вы познали Сущего от начала*» (1 Ин. 2:12-13).

Молитвы, слёзы и любовь – эта священная триада венчает тургеневский роман: «Неужели их молитвы, их слёзы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О нет! Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии “равнодушной” природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» (7, 188).

Неутолимая духовная жажда веры в Бога и бессмертие, предчувствие «жизни бесконечной...» (7, 188) для людей как детей общего Отца Небесного – последнее упование в романе Тургенева «**Отцы и дети**».

---

¹ См.: Писарев Д.И. Базаров. «Отцы и дети», роман И.С. Тургенева // Писарев Д.И. Литературная критика: В 3 т. – Т. 1. – Статьи 1859-1864 гг. – Л.: Худож. литература, 1981.

² Лебедев Ю.В. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети». – М: Просвещение, 1982. – С. 138.

³ *Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви / Сост. святитель Филарет, митрополит Московский. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. – С. 361.*

⁴ См.: Православие для всех / Сост. иеромонах Харитон (Просторов). – Кострома, 2008. – С. 284 – 290.

⁵ См.: Азадовский М.К. Об одном сюжетном совпадении: «Смерть атеиста» в романе Омулевского и у Ипполита Тэна // 45 лет академику Н.Я. Мару: Сб. статей XLV. – М.; Л.: АН СССР, 1935. – С. 589.

⁶ Святитель Феофан Затворник. Письма о христианской жизни. Поучения. – М.: Московский Сретенский монастырь, 1997. – С. 291–293.

⁷ Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М., 1993. – С. 44, 47.

⁸ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 6. – С. 187.

⁹ Жуковский В.А. <А.С. Пушкин> // Жуковский В.А. Собр. соч.: В 4 т. – М.; Л.: ГИХЛ, 1959-1960. – Т. 1. – С. 393.

Виктория МОЖАЕВА

Лауреат

*5-го Межрегионального поэтического конкурса
имени Майи Румянцевой*

* * *

*«Полечу, – рече, – зегзицею по Дунаеви,
омочю бибрянъ рукавъ въ Каяль реце,
утру князю кровавья его раны
на жестоцѣм его тѣлѣ».
«Слово о полку Игореве»*

Лицо у войны мужское,
Кто меч поднимал, разя.
Лицо у войны такое –
Уже позабыть нельзя.

Ухмылка войны щербата
Кровавым разбитым ртом...
Последний бросок комбата,
Застывший на снимке том.

Горят огневые вспышки
На тёмном её лице,
Идут в тот огонь братишки
У города на Донце.

Стоят они, как стояли,
В глаза увидав войну,
На Ладоге, на Каяле,
На Тереке, на Дону...

Закрывши лицо руками,
Зегзицею со стены,
Годами летит, веками...
Такое лицо войны.

* * *

Глядит в окно моё луна,
А мне темно.
Девятый год глядит война
В моё окно.

То хрип, то стон в моей груди,
То жар, то лёд...
Я говорю ей: «Уходи!» –
Девятый год.

Плету, как кокон, забытьё,
Но всё равно
Глазницы чёрные её
Глядят в окно.

Гремят разрывы по реке,
Поля красны...
Стоит мой дом на островке
Среди войны.

Её ухмылки нет кривей,
В грязи, в крови:
«Отдай мне только сыновей...
Сама – живи...»

Мне не по силам с ней в борьбе,
Не по годам...
Но сыновей своих тебе
Я не отдам!

Они не сгинут, не падут,
Не смей, не тронь!
И невредимыми пройдут
Через огонь...

Моя молитва им – стена,
И в стынь, и в зной...
И тенью падает война
Передо мной.

Ирина КАРАГОДИНА

Лауреат

*5-го Межрегионального поэтического конкурса
имени Майи Румянцевой*

На Пискарёвском кладбище

Тишь...
Пискарёвское кладбище...
В сердце стучит метроном,
Дым от былых пожарищ –
В горле застывший ком.

Сгубленных сотни, тысячи...
Это о них смогла
В камне навеки высечь
Ольга Берггольц слова.

Верю – ничто не забыто,
Знаю – никто не забыт.
...Тётя моя тут зарыта,
Дядя мой здесь зарыт.

В общей лежат могиле,
Жить бы им – не умирать.
– Господи, дай мне силы, –
Горько стонала мать.

...В небо седое глядя,
Скорбный несу букет...
Ване – двухлетнему дяде,
Раечке – тёте, трёх лет...

Антоновка

*Моей бабушке Божко Екатерине Дмитриевне,
работавшей во время войны воспитателем
в детском доме с. Нехаевка,
посвящаю.*

На грязных и сырых подводах
Детей свозили в детский дом.
Капризна здешняя природа,
И поздней осенью погода
Совсем не радует теплом.

Ребят, давно не евших в досталь,
Отмыли в бане добела,
Одели чистенько и просто,
И что ж, что не совсем по росту.
И всех собрали у стола.

На ужин – жидкая похлёбка,
Кусочек хлеба, чай из трав.
А истопник, оставив топку,
Хромой, но быстрою походкой,
Пошёл тем временем в подвал.

И вынес с радостью оттуда
Он золотой, бесценный дар –
Антоновку на старом блюде,
И засияло это чудо,
Как солнца летнего пожар...

И запах разлился духмяный,
В немой, полнейшей тишине...
И был тот вечер тёплый самый.
Так пахло домом, пахло мамой,
Что забывалось о войне...

Сосед Антоха

Сосед Антоха в армию пошёл,
Пошёл уже второй раз, а не первый.
У нас у многих на пределе нервы...
А он сказал: «Всё будет хорошо!»

А он сказал, что службой дорожит
И защищает наше население.
А он один, один у мамы Лены...
Сосед Антоха – он не побежит!

Мы провожали парня всем двором,
И прятали глаза, и нам казалось,
Что мы, все те, которые остались,
Как будто бы Антоху предаём...

Нина БОРИСОВА

Финалист

*5-го Межрегионального поэтического конкурса
имени Майи Румянцевой*

В Спасо-Преображенском монастыре

Много веков был здесь пустырь...
Вот я по травам выгоревшим
К «слову» иду. Дай, монастырь,
Слов о полку Игореве.

Через калитку в толще стены
В прошлое нынче вхожа я,
Вглубь этих лапотных, берестяных
Лет – деревянноложечных.

Колокола раскурочили высь,
Вслед языками машут мне,
Не купола – это шлемы взвились!
Други, не лепо ли бяше нам?

Там за деревьями прячется рать,
Кони, и копя, и лучники...
Вас вдохновлять и благословлять
Нам не устать бы, русичи!

Не упустить бы из шалых голов
То, что случилось издревле,
И не забыть своих предков и слов,
Слов о полку Игореве.

Кино в госпитале

Когда-то в госпиталь на Клязьме
В далёкий тыл – о, как давно! –
Про новгородского про князя
Солдатам привезли кино.

Служила простыня экраном,
И было радостно вдвойне,
Что Невский здесь, что он не ранен
И что уже конец войне.

И вот коня ему подводят –
Узнает враг, что почём,
Когда незваными приходят
На Землю Русскую с мечом.

Забыли князя крестоносцы,
А он пришёл, а он воскрес,
Чтоб наказать за «дранг нах остен»,
Он с пикой здесь наперевес.

А лик прекрасен и отважен!
Он отомстит, и будет свят.
За древний Псков, Изборск и даже
За Ржев, Смоленск и Сталинград!

И будет бит Ливонский Орден,
И славе веять над челом...
И наши шли уже на Одер,
Сбивая свастику с орлом.

Дмитрий БОБЫЛЁВ

Финалист

*5-го Межрегионального поэтического конкурса
имени Майи Румянцевой*

Юнкер

Уведите его за фронт!
Воздух пачкает красной краской,
Воздух жалит картечью, лязгом,
Кирасиры со всех сторон...

Уведите его за фронт!
Крест Андреевский, крест нательный,
Сохрани под огнём прицельным,
Сбереги его от ворон!

Юнкер, юнкер, тебе ли в пекло,
Портупея в пыли поблекла,
Страшно в знаменные ряды –
Будет свалка, и жди беды!

Мы зубами удержим шанцы,
Будет вера – и будут шансы,
Эй, пехота, ударь в штыки!

Кто ребёнка пустил в сраженьё?
Враз – толчок, и у сердца жженьё,
И не волен поднять руки!

Этот день был такой горячий...
Ты вдруг понял, что – настоящий,
Лишь бы только не умер он –

Кто под ядрами и картечью,
Захлебнувшись родною речью,
Встал за веру и за Отечество –

Унесите его за фронт...

* * *

Седой ополченец брёл с вещевым мешком
Под буйство акаций, в зелени перезрелой.
Растили крестьяне радугу под обстрелом,
Война прорастала больно и глубоко.

Стотысячным слоём скрыв застарелый шов,
На праздники к проводам прикрутили орден.
Останется самым малым, на что способен,
Всё, что бы ни сделал я на земле большой.

Шахтер соберёт шрапнель и сдаёт металл,
Кресты прилепив на окна, как подорожник.
В далёком скиту какой-то святой острожник
Слагает стихи за всех, кто не написал.

* * *

Там, куда я не вернусь,
Тополь бросает серёжки
В пыльную мякоть дорожки,
В серую тёплую грусть.

Там, куда я не вернусь,
Дедушка курит махорку.
Бабушка тычет подпорки,
Вяжет гороховый ус.

Землю пронзает насквозь.
Бабушке видно сквозь комья,
С кем на сегодня знаком я,
Что со мной нынче стряслось.

В комнату тянется гнусь.
Я подметаю и мою
С верой, что всё ещё стою
Тех, к кому я не вернусь.

Михаил АФОНИН

Дипломант

*5-го Межрегионального поэтического конкурса
имени Майи Румянцевой*

Календари

Закончатся бои. Придёт апрель.
И май за ним, а после будет лето
И ты в моём желании неспетом
Станцуешь под битловскую «Мишель».
Я разожму ладонь и отпущу
Грехи, а после – сердце на свободу
И буду ждать улыбку и дремоту,
Оставив дождь простывшему плащу.
Ты помнишь, как в костлявом феврале
Я обещал, что всё ещё случится
И будет кофе, выпечка с корицей
И я живой и на своей земле?
Не верила? А вот теперь – смотри
И разжигай. Пусть ночь упьётся стоном
И словом, в трёх желаньях заключённом.
И больше не крести календари.

Рисую облака

Рисую облака в асфальтовой нирване,
В наушниках звучит смешная тишина.
Свободен для любви, свободен от страданий.
Ах, только б не война. Ах, только б не война!

Раскованы мечты, есть место для желаний,
Развязаны узлы, настроена струна.
Вот умер лилипут, воскреснув в великане.
Ах, только б не война. Ах, только б не война!

Серебряным крылом на землю рухнет память.
Под жёлтым кирпичом дорога не видна.
Вдруг в самый ясный день век на столетье замер.
И началась война. И началась война.

Разговор с сыном

Поверь мне, сын,
Пройдёт немало лет,
Пройдёт немало зим,
Поймёшь, что ты – мой лучший в жизни след.
Живи, звездой храним.

Свой город роз
Я подарю тебе.
Пусть он растёт с тобой.
Поверь, Отчизны не бывает две.
Иди одной тропой.

Ты этот мир
Откроешь, будто дверь,
Шагнёшь к своей любви.
Послушай, сын, и снова мне поверь:
Ярмо и цепи – рви.

Наступит день,
И мой придёт черёд
Вдохнуть последний раз.
Тебе, мой сын, в наследство перейдёт
Дом, Родина, Донбасс.

Нина ЦУРИКОВА

Возвращение в юность

К 85-летию Староюрьевской средней общеобразовательной школы

Как давно это было! 50-е годы – годы моей учёбы в школе. Сначала – начальное звено (1-4 классы) в Погореловской школе под чутким взглядом Игнатова Сергея Лаврентьевича, бывшего фронтовика. Затем, с 5 по 10 класс, учёба в стенах Староюрьевской средней школы. Классным руководителем с 5 по 7 класс была Татаринчик Анастасия Наумовна, математик. Строгая, но очень душевная учительница. Посещала всех учащихся на дому, знакомилась с условиями быта, давала родителям рекомендации по воспитанию детей. Даже советовала, где лучше поставить письменный стол и с какой стороны повесить лампу. Уроки я делала при свете керосиновой лампы. И хорошо, если была «молния» с абажуром – от неё был более широкий круг света.

До сих пор в памяти дорогие лица учителей – Зои Ивановны Петровой (история), Клавдии Прокофьевны Кузнецовой (русский язык), Евдокии Анисимовны Поповой (география), Галины Павловны Егоровой (ботаника и зоология), Анастасии Назаровны Юдаковой (литература). Все они отдавали душу и сердце

ученикам, вкладывая в нас те знания, которые потом всю жизнь были с нами. Несмотря на то что мы порой приходили в школу полуголодными, большинство не спешили домой, а оставались заниматься в различных кружках – хоровом, струнном, драматическом, спортивных секциях.

Всю жизнь благодарным словом вспоминаю Илью Афанасьевича Суворина – преподавателя физкультуры. С каким знанием он проводил уроки, умело отбирал в секции желающих, совершенствуя и развивая в них спортивные навыки. Мне довелось заниматься под его руководством в секции художественной гимнастики и акробатики. Как пригодились эти навыки в жизни!

В старших классах эстафету этих занятий подхватил молодой учитель – Истомин Владимир Иванович. А как умело вовлекал в занятия музыкой Тимошин Николай Лаврентьевич! Под его руководством даже многие мальчишки-шалопаи становились членами музыкального коллектива – струнного оркестра, пионерского хора. Не миновала и меня сия участь: я пела в хоре, играла в оркестре на мандолине. И, в общем-то, благодаря полученным навыкам я смогла потом работать 2 года в Новиковской школе учителем музыки, а затем музыка стала моей профессией.

Годы шли. Окончив семилетку, некоторые мои одноклассники оставили школу. Остальных – разделили и соединили с приезжими (из разных сёл) учениками. Так образовался наш класс, собранный из учащихся Новоюрьева, Поповки, Подгорного и других сёл. Сменился и классный руководитель. Им стала Сусанна Юрьевна, которая, проработав некоторое время, переехала в город. А к нам пришёл Андрей Поликарпович Бирюков, который вёл литературу. Этот добрый и отзывчивый наставник и привёл нас к выпуску. Под его руководством в школьном театре ставились спектакли. Мне запомнилась постановка «Русалки» по А.С. Пушкину. В роли Наташи – Аня Кузнецова, Мельника – Сергей Копылов, Русалочки – маленькая дочка Андрея Поликарповича – Танечка, а в роли Князя – наш общешкольный Дон Жуан – Юрий Юдаков.

Как мы радовались, когда в школе был открыт спортзал! Там были гимнастические снаряды – кольца, брусья, конь. Теперь не надо было на уроках бегать на цыпочках босиком по коридору, чтобы не мешать занятиям в классах. А в праздничные вечера этот зал с колоннами становился местом проведения школьных балов. В памяти наши танцевальные вечера под бессменный аккордеон Евгения Ивановича Шульчева. Этот разносторонне одарённый человек не только умел хорошо рисовать (вёл рисование и черчение), но и замечательно играл на аккордеоне. Также руководил хором старшеклассников. Однажды я организовала группу учащихся удрать с хора на какой-то хороший фильм, который в клубе показывали только один день. На следующем уроке по черчению он вызвал меня к доске и поставил «столбом» на целый урок, а потом за отсутствие на хоре ещё и двойку закатил в дневник! Это была моя первая и, кажется, единственная плохая отметка. Было обидно, чертила-то я хорошо! Класс взбунтовался. Учитель посадил меня на место, но двойка в дневнике так и осталась. А потом я участвовала под его руководством в конкурсе рисунков и заняла призовое место.

Где вы сейчас, мои одноклассники? С некоторыми встречаемся: Маша Сибкина и Маша Слепцова из Новоюрьева, Слава Петраков из Чугуновки, Валя Попова и Коля Толстов из Подгорного иногда навещают. А некоторых не видела после окончания школы ни разу – Вова Гудков из Каньшино, Лёня Толстов из Подгорного, Слава Куликов, Тамара Кошеварова, Тамара Рассохина – как хочу я вас всех видеть, говорить с вами, убедиться, что живы, и всё у вас хорошо...

Возвращаясь сюда, в Староюрьево, в нашу юность, мы вспоминаем самое светлое и самое прекрасное. Мне вспоминается мой одноклассник Виктор Дробышев. Учились вместе с 5 по 7 класс. Оба мы были отличниками, поэтому наши фотографии повесили рядом на Доску почёта. Сообразительные одноклассники сразу же нас приплюсовали друг к другу. Однажды приходим – на школьной доске мелом крупно: В. Дробышев + Н. Цурикова = Любовь. Я пришла первой, он потом. Покраснел, разозлился и на меня: «Это ты написала?» – «Я? Да больно ты мне нужен!» А класс хохочет, наблюдая нашу ссору. Потом мы привыкли и уже не реагировали так остро. А на выпускном я даже рискнула пригласить Виктора на танец. Танцевать он не умел, да к тому же развязались шнурки. Не повезло. Но парень он был очень умный, потом учился в МГУ. Вот такая первая «любовь».

Дружной семьёй жил не только класс, но и вся школа. Этому способствовали совместные дела – сбор макулатуры, праздничные мероприятия. Помню, как все мы были в восторге от сообщения о полёте Юрия Гагарина в космос. В школе сразу же собрался митинг в спортзале, от каждого класса выступали учащиеся. Я тоже, как староста и член комитета ВЛКСМ, произнесла торжественную речь в честь этого события.

А как оперативно мы коптили во дворе школы куски стекла, чтобы вместе с учителем астрономии Степаном Фёдоровичем Юдаковым наблюдать затмение солнца, которое пришлось как раз на время его урока. Повезло!

Во время каникул тоже было чем заняться. Летом записывались в бригады по выращиванию свёклы, махорки. В одну из таких бригад записалась и я. Мы выращивали махорку, причём от начала до конца. Даже сдавать в приёмный пункт ездили сами. Бригадиром у нас была горластая Римма Кашлева. А с Ларисой Поляковой мы вместе возвращались с работы одной дорогой. И, хоть усталые, но довольные своим трудом, пели песни на два голоса.

Детство этих лет было нелёгким. В семье постоянные нехватки, но мы цеплялись за знания, за жизнь, преодолевали болезни, выживали (у нас в семье из восьми детей выжило четверо), чтобы продолжить жизнь дальше. Ведь именно нашему поколению выпала участь быть на изломе двух столетий и, почерпнув всё лучшее из двадцатого века, перенести это в двадцать первый, закрепив в своих детях и внуках. Тогда мы этого ещё не осознавали. А вот наши учителя это предвидели. Ведь они пережили войну и поэтому старались, чтобы мы были лучше, достойнее и пошли дальше их. И это случилось. Я могу с уверенностью сказать, что из нашего выпуска 10 «Б» класса все стали нормальными, хорошими людьми. И это во многом благодаря школьному, прекрасно поставленному воспитанию и обучению. Ведь когда я сдавала в Рязанском медицинском институте экзамен

по немецкому языку, профессор поставил мне «отлично» и спросил меня (по-немецки), у кого я занималась. Я также ему «прошпыхала», что у Ивана Алексеевича Игнатова. Я свободно перевела газетный текст и ответила на все вопросы. И это благодаря тем знаниям, которые получила в своей родной школе. Чтобы заинтересовать нас своим предметом, учитель даже организовал нам переписку с немецкими школьниками. Один из адресов достался мне. Я помню даже имя мальчика, который писал мне письма, – Харальд Хадер. Читали и переводили мы их всем классом.

А как вёл математику Владимир Сергеевич Попов! Он так разъяснял и толковывал теоремы, что даже малопонятливым ученикам не понять было невозможно. Он в шутку даже иногда говорил: «Уже и до меня дошло, неужели до вас ещё нет?» Удивительно, что многие учителя в старших классах обращались к нам на «вы». Так, Иван Наумович Крицкий, Андрей Поликарпович Бирюков и большинство других никогда не позволяли себе грубых, оскорбительных выражений в адрес учащихся. Они нас уважали, воспитывая этим у нас уважение друг к другу и к ним.

Иногда мне снится сон: я прихожу в школу и сажусь за парту в своём классе, где раньше был 10 «Б». Только не за первую, где постоянно сидела с Тамарой Рассохиной, а за последнюю (на «камчатку»). А вокруг – незнакомые ученики. Но учитель – мой. Он входит в класс и, когда все садятся, говорит: «Сегодня с нами на уроке моя бывшая ученица Нина Цурикова. Она вновь захотела учиться в этой школе...» Мне действительно этого хочется. Думаю, как бы я была благодарна учителям за всё при жизни, именно в это время, а не потом. Порой поздно мы понимаем важность происходящего с нами и недооцениваем то, что делается для нас.

Думаю, что многих мучает это позднее раскаяние. И мы приходим к ним, благодарим их и просим прощения за свои шалости, дурные выходки. И говорим: всё, что есть в нас хорошего, светлого, – это от вас! Вы живёте в нас и будете жить вечно вашим словом, терпением, вашей любовью.

ПОСЛЕ ВЫПУСКНОГО

Эта фотография – как песня
Отзвеневшей юности моей.
Мы на ней, пока ещё все вместе,
В ожиданье участи своей.

Платья выпускные и костюмы,
И неясность полная в судьбе...
Навсегда застывший и бесшумный
Возле школы наш 10-й «Б».

И учителя меж нами тоже –
Все живые, хоть давно их нет.
Их глаза, как будто ещё строже,
В души смотрят через толщу лет.

Будто вопрошают, как мы жили,
Испытали зрелостью себя?
Всё ли мы достойно выносили,
Что преподносила нам судьба?..

Милые!.. Давно учениками
Школьная прочитана глава,
Мы экзамен держим перед вами,
Отвечая за свои слова.

И в воспоминаньях – нету боли,
Ждут родные отчие края!
Наш поклон земной – любимой школе
И служившим в ней учителям.

Опубликовано в газете «Староюрьевская звезда» 23 июля 2003 года

Сюжет и фабула: как построить сюжет

Лекция

В общем виде термин «сюжет» можно понимать как набор действий и ситуаций, изображающих конкретное событие. Данное понятие используется в кинематографе, музыке, живописи, литературе, театре.

В литературе сюжет (в пер. с фр. – «история, тема») – это совокупность этапов развития действия и собственно развитие действия, изложение хода событий. Наиболее ярко сюжет проявляет себя в эпосе и драме, но не менее важен в лирике. Впервые термин был употреблён французскими классицистами Н. Буало и П. Корнелем. Его прототипом было понятие «миф», использованное Аристотелем в его «Поэтике». Древнегреческий теоретик искусства имел в виду ряд событий из жизни богов и героев, а также предание, повествующее об этом.

Сюжет и фабула

Чтобы чётче понять, в чём суть термина, необходимо разграничить его с понятием «фабула».

Фабула – костяк сюжета, его общий контур. На конкретном примере это выглядит так: фабула романа «Евгений Онегин» – безответная любовь провинциальной девушки к столичному франту, через годы обернувшаяся своим зеркальным отражением. Татьяна признаётся Онегину, тот даёт героине отповедь, уезжает, а через годы, увидев Татьяну знатной дамой, увлекается ею и пишет запоздалый ответ.

Сюжет произведения гораздо шире и глубже его фабулы, он состоит из множества линий, эпизодов, мотивов, образов. Сюжет романа «Евгений Онегин» включает в себя не одну только любовную историю: образы Ольги и Ленского, отношения Онегина и Татьяны к ним помогают раскрыть характеры главных героев. Сцены деревенской и городской жизни рисуют образы столицы и провинции, Петербурга и Москвы, Запада и Востока, духовного и телесного миров. Портреты пушкинских современников, разбросанные по всему полотну романа, передают атмосферу XIX столетия, автор изображает человека во времени.

Фабулу можно сравнить со скелетом, позвоночником, а сюжет – с мышечной массой, за счёт которой происходит движение, действие.

Сколько существует сюжетов

Исследователи фольклора (который, как известно, стоит у истоков авторской литературы) определили, что в основе сюжета лежит миф. Распавшись на отдельные осколки, миф превратился в сказку. Искатели «сказочных осколков» попытались собрать воедино сюжеты сказок по всему миру, что привело их к удивительному открытию: в культуре всех народов есть общие метасюжеты.

Большую популярность приобрела классификация С. Томпсона «Указатель сказочных сюжетов». Томпсон взял за основу более подробную классификацию А. Аарне. В настоящий момент количество указателей очень велико. Одни учёные насчитывают около 500 сюжетов, другие говорят, что их 200, третьи называют минимальное количество – 12. Самым лаконичным оказался латиноамериканский писатель, исследователь литературы Х.Л. Борхес, который свёл всё богатство мировой культуры к четырём сюжетам:

- завоевание чего-либо;
- история о возвращении;
- поиск чего-либо;
- самоубийство Бога, жертва во имя великой цели (миф об умирании и воскресении).

Все остальные сюжеты в его трактовке – лишь вариации четырёх основных. Например, сюжеты о возвращении и поиске представлены в классическом произведении древности – поэме Гомера «Одиссей». В европейском средневековом искусстве они продолжились «Романом о Лисе». «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле, «Мёртвые души» Н. Гоголя, «Улисс» Дж. Джойса, «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова – вариации того же древнего мифа.

В связи с исследованием элементов сюжетостроения любопытно познакомиться с книгой французского исследователя XX века Ж. Польги «36 драматических положений», в которой обозначены ещё несколько центральных драматических сюжетов, не встречающихся в других классификациях:

- мольба/прошение (А. Пушкин «Сказка о золотой рыбке», Э. Хемингуэй «Старик и море», Дж. Стейнбек «Жемчужина»);
- спасение (Д. Дефо «Приключения Робинзона Крузо», Ж. Верн «Таинственный остров»);
- месть (А. Дюма «Граф Монте Кристо»);
- преследование (У. Фолкнер «Свет в августе»);
- внезапное бедствие (В. Распутин «Прощание с Матёрой»).

На профанный вопрос о том, «где искать сюжеты», таким образом, можно отвечать двояко. С одной стороны, предмет оригинального сюжета должна стать проблема или ситуация, живо беспокоящая автора и его современников, из чего вытекает необходимость внимательного взглядывания в окружающую действительность, навык постоянного наблюдения и анализа. С другой стороны, на фабульном уровне можно и нужно обращаться к народным сказкам, классическим произведениям, мифам, которые образуют необходимый архетипический фундамент повествования. Так, роман А. Пушкина «Евгений Онегин» написан с

опорой на фабулу народной сказки «Журавль и Цапля». А в основе поэмы С. Есенина «Анна Снегина» лежит миф о Каине и Авеле, из которого на историческом фоне начала XX века вырастает сюжет братоубийственной гражданской войны («воюют селом на село»).

Виды сюжетов

Классификации, предложенные Х.Л. Борхесом, К. Воннегутом, а до них К. Гоцци или И.В. Гёте, во многом можно считать субъективными, поскольку они основаны на содержании произведения. Более универсальным предлагается считать подход, предложенный Д.С. Лихачёвым, который делил сюжеты по принципу их структурной организации, выделяя *хроникальный* и *концентрический* типы сюжетов.

Хроникальный (или линейный) сюжет излагает историю поэтапно, шаг за шагом, эпизод за эпизодом – так, как она разворачивалась во времени. Великое множество произведений выстроено с опорой на хроникальность. Это и «Капитанская дочка» А. Пушкина, и «Ночь перед Рождеством» Н. Гоголя, и «Гроза» А. Островского. Линейность не обедняет художественную канву повествования, поскольку такой сюжет может содержать бесконечное число разнообразных по содержанию эпизодов.

Хроникальные сюжеты делятся на несколько подтипов:

– *линейный дискретный сюжет* (повествование прерывается или ускоряется, разорвано хронологически, когда автору важно показать не всю цепь событий жизни героя, а лишь наиболее важные её моменты). «Отцы и дети» Тургенева;

– *линейный параллельный сюжет* (несколько сюжетных линий развиваются параллельно, автор «переключается» с одного изобразительного плана на другой). «Доктор Живаго» Б. Пастернака;

– *линейный сюжет с экскурсами* (автор ненадолго «ставит героя на паузу», чтобы дать необходимое пояснение, погрузившись в прошлое). «Обломов» И. Гончарова;

– *линейный сюжет с обратной хронологией* («рассказ в рассказе» или произведения детективного жанра нередко отталкиваются от события, происшедшего в настоящем, а затем, чтобы найти его причины, шаг за шагом расследуют события прошлого). «Руся» И. Бунина, отчасти «Машенька» В. Набокова.

Концентрический сюжет строится принципиально иначе. В его основе лежит событие, от которого, словно от камня, брошенного в воду, расходятся круги разной величины. Как правило, фоном подобного события становятся тишина, пространство провинции, застоя, захолустья или идиллическая картина мирной жизни. Провоцирующими факторами могут стать различные ситуации:

– появление нового героя (приезд в Москву Чацкого в пьесе «Горе от ума» А. Грибоедова, приезд Хлестакова в губернский город в комедии Н. Гоголя «Ревизор» или возвращение из-за границы князя Мышкина в романе Ф. Достоевского «Идиот»);

– утрата кого-либо или чего-либо (похищение Кая в сказке Г.Х. Андерсена «Снежная королева», продажа художником дара (души) в повести Н. Гоголя «Портрет»);

– начало войны или государственного переворота («Хождение по мукам» А. Толстого, «Белая гвардия» М. Булгакова, «Тихий Дон» М. Шолохова);

– совершение преступления («Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Американская трагедия» Т. Драйзера).

Произведения крупных эпических форм в большинстве случаев сочетают в себе хроникальные и концентрические сюжеты. Одна из «технических сложностей» написания романа состоит в сведении воедино разнородных сюжетных линий, умении задавать гармоничный сюжетный ритм без провалов и необоснованных замедлений.

Структура сюжета

Существует несколько схем сюжетостроения, в общем виде сводящихся к постепенному движению от завязки к развязке. Такие сюжеты складываются из описания, внутри которого внезапно зарождается вспышка или импульс героя к действию, перехода к событию (что-то случилось и последствия этого необходимо устранить), путешествия как способа достичь цели, познать себя и окружающий мир, кульминационного поворотного момента и развязки, которая может быть не линейной, а осложнённой новыми этапами пути-испытания.

На пути каждого персонажа могут возникать сюжетные узлы, в которых происходит пересечение сюжетных линий. Как правило, фоном «связывания» таких узлов становится масштабное событие, стоящее в центре повествования (битва при Изенгарде в трилогии «Властелин колец» Дж. Р.Р. Толкина).

Представляют интерес схемы работы с сюжетом как основой сценария, например, исследование «Шесть ступеней структуры сюжета» Майкла Хейга, который предлагает рассматривать содержание книги одновременно как внутреннее и внешнее путешествие.

Этап 1. *Экспозиция* совпадает с мотивом «лже-я» или жизни в маске, когда герой чувствует несовершенство собственной личности и подспудно осознаёт необходимость перемен.

Этап 2. *Новая ситуация* даёт герою возможность выбраться из заданных условий: отправиться в путь, обрести любовь, дружбу, знатность, богатство, цель жизни.

Этап 3. *Прогрессия* показывает персонажа в движении к новой цели, но при этом ему трудно, потому что он всё ещё действует изнутри своего старого «я», внутренние перемены пока не произошли.

Этап 4. *Усложнение и рост ставок* отражают момент взросления героя, обретающего новое «я». Персонаж изменился, но мир остался прежним, и нужно взаимодействовать по-другому, что невероятно сложно.

Этап 5. *Последнее усилие* может быть представлено роковым поединком, духовным испытанием, после которого герой либо станет победителем, либо по-

теряет всё. На этом этапе важно показать готовность персонажа пожертвовать жизнью ради достижения идеала.

Этап 6. *Последствия* станут одновременно кульминацией и развязкой истории. Герой либо пройдёт свой путь достойно, либо погибнет или вернётся в исходное состояние.

Какой бы пусть «собрания» сюжета ни выбрал автор, есть ещё один метасюжет всякого творчества, который литературовед С.Ф. Дмитренко предлагает (с опорой на классификацию Польти) считать «тридцать седьмым драматическим положением» искусства – это сюжет зеркала или умение автора взглянуть на собственную жизнь с её уникальным узором. Нет, пожалуй, ни одного писателя, которому полностью удалось бы уйти от повторения отдельных линий подобного сюжета в художественном творчестве. Но эта тема уже принадлежит области психологии творчества и достойна отдельного большого разговора.

Литература и другие источники по теме:

1. Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. – Л., 1929.
2. Борхес Х.Л. Четыре цикла // Золото тигров: Пер. с испанского М. Дубина. – М., 1984.
3. Виноградов В.В. Сюжет и стиль. – М., 1963.
4. Дмитренко С.Ф. Сюжет о сюжете // <https://www.youtube.com/watch?v=S38KPBWkxNs>.
5. Кожин В.В. Сюжет, фабула, композиция // Теория литературы. Кн. I. Роды и жанры литературы. – М., 1964.
6. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы // Избранные труды в 3-х т. Т.1. – Л., 1987.
7. Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX века // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М., 1988.
8. Польти Ж. Тридцать шесть драматических ситуаций // <https://www.livelib.ru/work/1005594019-tridtsat-shest-dramaticheskikh-situatsij-zhorzh-polti>.
9. Пропп В.Я. Указатель сюжетов. – М., 1958.
10. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М., 1999.
11. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М., 1997.
12. Хейг М. Шесть ступеней структуры сюжета // Структура сценария. <https://www.livelib.ru/work/1002717360-struktura-stsenariya-majkl-hejg>.

Мария ЗНОБИЩЕВА,
кандидат филологических наук

Авторы

Мещеряков Юрий Альбертович – русский писатель, ветеран Афганской войны. Родился в 1962 году в Тамбове. Окончил Омское высшее общевойсковое училище. За участие в боевых действиях награждён орденом Красной Звезды, др. военными наградами. Автор романов «Панджишер навсегда», «Меморандум Платова», сборника повестей и рассказов «Время мужчин». Публиковался в журналах «Москва», «Молодая гвардия», «Север», «Подъём», «Северное измерение», «Пересвет», в «Литературной газете». Обладатель Гран-при литературного конкурса «Доброе слово» (2019). Победитель Международного литературного конкурса им. Плещеева (2021). Лауреат литературного конкурса «Честь имею» (2022). Лауреат региональной премии им. Е.А. Боратынского. Секретарь Союза писателей России.

Кирюшин Виктор Фёдорович – поэт, переводчик, публицист, книгоиздатель. Родился в 1953 г. в Брянске. Окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Работал главным редактором издательств «Молодая гвардия» и «Сельская новь». Публиковался в журналах «Нева», «Юность», «Континент», «Смена», «Москва», «Наши современники», «Поэзия», «Сибирские огни», «Подъём», «Молодая гвардия», «Родная Ладога» и др. Автор шести поэтических книг, а также переводов с французского, болгарского, серболужицкого, грузинского, украинского языков. Лауреат Всероссийских премий им. Тютчева «Русский путь», им. Николая Гумилёва, Марины Цветаевой, Международной премии им. Андрея Платонова. Золотой лауреат фестиваля-конкурса «Русский Stil» в Германии, «Литературная Вена» в Австрии. Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Живёт в Москве.

Шихалёв Алексей Павлович – поэт. Родился в 1980 году в д. Красный Ключ Малмыжского района Кировской области. Инженер в области проектирования и эксплуатации объектов нефтегазовой отрасли. В настоящее время ведущий инженер в Центробанке РФ. Публиковался в журналах «Москва», «Нижний Новгород», «Сибирь», «Бельские просторы», «Молодая Гвардия», «Крым», «Краснодар литературный», «Петровский мост», «Русское эхо», «Звонница», а также в изданиях Финляндии, Эстонии и Казахстана. Живёт в Ижевске.

Волчихин Михаил Васильевич – поэт. Родился в 1958 году в деревне Егоровка Знаменского района Тамбовской области. Окончил филологический факультет Тамбовского педагогического института. С 1987 года живет в г. Жердевке. Работал в редакции местной газеты, в органах местного самоуправления, в настоящее время работает в ПАО «Ростелеком». Публиковался в журналах «Литературный Тамбов» и «Подъём» (Воронеж), в коллективных сборниках. Автор трёх поэтических сборников «Ясень», «Мы возвращаемся», «Я этот мир запоминаю». Руководитель ЛитО «Парус».

Нестругин Александр Гаврилович – поэт, прозаик. Родился в 1954 году в Воронежской области. Окончил юридический факультет ВГУ. Автор десяти книг поэзии и прозы. Публиковался в журналах «Подъём», «Наши современники», «Молодая гвардия», «Москва», «Роман-журнал XXI век», «Московский вестник», «День и ночь», «Дон», «Простор» (Казахстан), «На любителя» (США) и др. Лауреат премии воронежского комсомола им. В. Кубанёва (1988), всероссийской литературной премии «Империальная культура» им. Э. Володина (2008), международного литературного конкурса им.

А. Платонова «Умное сердце» (2012), премии журнала «Наш современник» (2020). Член Союза писателей России. Живёт в райцентре Петропавловка Воронежской области.

Хоба Юрий Иванович – прозаик, член Союза писателей ДНР. Моряк, путешественник, журналист, фотохудожник. Автор шести сборников прозы. Лауреат конкурса «Золотое перо Донбасса» и литературной премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина. Публиковался в журнале «Наш современник» и других. Военным корреспондентом многократно выезжал на линию боевого соприкосновения. Живёт в г. Докучаевске ДНР.

Щёлоков Иван Александрович – поэт. Родился в 1956 году в Воронежской области. Автор четырнадцати книг. Печатался в альманахах «День Поэзии. XXI век» за 2006-2021 г.г., в журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век», «Сельская новь», «Воин России», «Пограничник», «День и ночь» (Красноярск), «Север» (Петрозаводск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Дон» (Ростов), «Русский литературный журнал в Атланте» (США), «Новая литературная Немига» (Белоруссия), «Азербайджан», в литературном альманахе «Казахстан – Россия» и др. сборниках. Заслуженный работник культуры России, лауреат многих литературных премий. Главный редактор журнала «Подъём», секретарь Союза писателей России.

Бессонов Максим Александрович – поэт. Родился в 1988 г. в Белгородской области. Окончил филологический факультет БелГУ. Автор сборников стихов «Душа в разрезе», «Прозрение» и «Часовой». Работал учителем русского языка и литературы, в настоящее время директор областной детской библиотеки им. А. Лиханова. Публиковался в журналах «Алтай», «Кольцо А», «Юность» и др. Лауреат Международной «Славянской поэтической премии» (2014). Обладатель Специального диплома в номинации «Поэзия» Международной молодёжной премии «Восхождение» (2021).

Расстегаев Юрий Николаевич – прозаик. Родился в 1949 году в п. Новая Ляда, под Тамбовом. Окончил Московский энергетический институт. Работал первым секретарём Советского райкома комсомола, служил в органах внутренних дел, редактировал газету «Доверие». Участник боевых действий на Северном Кавказе, награждён медалями. Подполковник в отставке. Автор книг: «Большая прогулка», «Во фронтовых делах не участвовал», «Террористы», «Пасечные истории». Лауреат областной премии имени А.К. Воронского. Член Союза писателей России.

Меньшикова Эмма Петровна – поэт, публицист, педагог. Родилась в Шяуляе Литовской ССР. Окончила Латвийский госуниверситет (филология). Редактор отдела «Липецкой газеты». Автор пяти поэтических сборников, а также книги «Крестный путь, голгофская дорога...» Публиковалась в журналах «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия», «Север», «Родная Кубань», «Родная Ладога», «Академия поэзии» и др. Победитель VIII Московского международного поэтического конкурса «Золотое перо», Всероссийского поэтического конкурса им. С.А. Есенина, XX Международного конкурса им. А. Платонова «Умное сердце», поэтического конкурса им. Майи Румянцевой и др. Член Союза писателей России.

Глушкова Ирина Владимировна – поэт. Родилась в г. Калач Воронежской области. Окончила Воронежский государственный педагогический университет. Преподаёт живопись и ДПИ для детей и взрослых. Печаталась в журналах «Подъём», «Южная звезда», в альманахах и сборниках. Лауреат премии им. Василия Кубанева, лауреат

всероссийского конкурса им. Михаила Лермонтова «Люблю Отчизну я...». Издано пять поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

Анна Мещерская – журналист. Родилась в 1991 году в селе Вольная Вершина Тамбовской области, окончила Мичуринский государственный аграрный университет. С 2014 года работает в газете «Наш город Тамбов», с 2017 года – заместитель главного редактора. С 2022 года включилась в работу по организации гуманитарного сбора для участников СВО. Пишет заметки и репортажи о героях спецоперации и волонтерах.

Альберт Зверев – журналист. Родился в 1968 году в Сибири. Отслужил в армии, окончил исторический факультет Тамбовского государственного педагогического института. В журналистике с 1988 года. Работал редактором газеты «Тамбовские губернские ведомости», заместителем редактора газеты «Тамбовская жизнь», на телевидении. Автор книг «Очерки тамбовской областной ветеранской организации», «Генерал Виктор Коробцев» и др. Член Союза журналистов России.

Михайлова Александра Анатольевна – прозаик, публицист. Родилась в Тамбове. Окончила Институт филологии ТГУ им. Г.Р. Державина. В настоящее время – редактор газеты «Наш город Тамбов», главный редактор сайта ralotnikland.ru. Автор рассказов, научных статей в области литературоведения. В 2019 году издала книгу для семейного чтения «Доброе дело». Дипломант национальной премии в области прессы «Искра» в номинации «Фельетон» (2011), лауреат конкурса журналистики администрации Тамбова «Три пчелы» (2015), медаль «За развитие русской мысли» им. Ивана Ильина Общероссийского общественного движения «Россия православная» (2015). Член литактива Тамбовского отделения СП России.

Елена Викторовна Чистякова – прозаик, баснописец, педагог, работает в жанре фольклорного повествования с использованием южно-русского говора. Автор книги повестей «Житейские истории», серии популярных книг «Сказы деда Савватая», серии книг «Современных басен», повести «Бережком вдоль Громушки, бегущей по камешкам». Публиковалась в «Тамбовском альманахе», в журналах «Губернский стиль» (Воронеж), «Литературный Тамбов», «Новая Немига литературная» (Минск), в сборнике очерков и рассказов изд. «Художественная литература» (Москва). Член Союза писателей России.

Аршанский Валерий Семёнович – прозаик, публицист, журналист. Окончил ВГУ, с 1967 г. живёт в Мичуринске. С 1973 г. работал в газете «Мичуринская правда», был её главным редактором. Автор книг прозы «Дипломная практика», «Фольклорная экспедиция», «Встреча», «Откровение», «Горькая трава марор», «Бремя атланта», «Гражданский проспект», «Альтанка» и др. Лауреат премий имени И.А. Гаврилова, имени А.К. Воронского. Заслуженный работник культуры РФ. Почётный гражданин Тамбовской области. Член Союза журналистов и Союза писателей России.

Дорожкина Валентина Тихоновна – поэт, прозаик, литературовед. Родилась в 1939 г. в Мичуринске. Окончила историко-филологический факультет ТГПИ. Работала ст. редактором в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве. Автор более тридцати книг, соавтор «Тамбовской энциклопедии». Лауреат литературных премий: имени Е.А. Боратынского, Зои Космодемьянской, И.Г. Рахманинова, И.А. Гаврилова. Заслуженный работник культуры РФ, Почётный профессор ТГУ имени Г.Р. Державина, Почётный гражданин г. Тамбова. Награждена орденом Дружбы. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Ерофеевская Марина Викторовна – поэт. Родилась в Архангельской области, живёт в г. Коряжма, работает на Котласском химзаводе. Участник литературного объединения «Белая сова». Победитель фестивалей «Мгинские мосты» (2022), «Пою тебе, мое Отечество» (Казань, 2023). Финалист литературных фестивалей, конкурсов, премий. Публиковалась в журналах «Аврора», «Двина», «День и Ночь», «Вечерний Котлас», альманахах «Царицын», «Мгинские мосты», в интернет-журнале «Пролиткульт».

Цыганкова Яна Геннадьевна – поэт. Родилась в Воронеже. Окончила филологический факультет ВГУ. Работает заведующей сектором экскурсионно-массовой работы в Музее-усадьбе имени Д.В. Венивитинова. Автор текстов песен в коллективах «Планида» и «LesoStep’je». Издана книга стихов «По Ту Сторону» Публиковалась в журналах «Подъём», «Бельские просторы», «Веретено». Победитель литературных конкурсов «Зелёный Листок», «Русский Гофман» и «Хрустальный Родник».

Павел Великжанин – поэт. Родился в Кузбассе в семье учителей. Публиковался в журналах «Наш Современник», «Москва», «День и ночь», «Роман-газета», «Север», «Крым», в «Литературной газете» и др. Лауреат Южно-Уральской премии, премии «В поисках правды и справедливости», премии «Российский писатель». За творческую деятельность награжден почетным знаком «За вклад в развитие города Волжского» (2017) и Благодарственным письмом Волгоградской областной Думы (2018). Член экспертного отдела Совета молодых литераторов Союза писателей России.

Новикова-Строганова Алла Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, историк литературы. Автор четырёх монографий и свыше 500 научных и художественно-публицистических работ о творчестве классиков мировой литературы. За книгу «Христианский мир И.С. Тургенева» (изд. «Зёрна-Слово», 2015) удостоена Золотого Диплома VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Лауреат премий журналов «Зарубежные записки» (2014), «Наш современник» (2018), Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н.С. Лескова (2020), премии «Российского писателя» (2021, 2022). Работы опубликованы в десятках научно-популярных и общественно-литературных изданий России и других стран. Член Диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальностям «Русская литература», «Зарубежная литература» Орловского ГУ им. И.С. Тургенева. Член Союза писателей России.

Виктория Можаяева – поэт. Член Союза писателей России, лауреат премии имени М.А. Шолохова за цикл стихотворений, посвящённых воюющему Донбассу. Живёт на хуторе Можаяевка Ростовской области.

Карагодина Ирина Петровна – поэт. Родилась в 1977 г. в Белгородской области. Окончила Белгородский госуниверситет, работает в адм. Вейделевского района. Публиковалась в журналах «Подъём», «Роман-журнал XXI век», в «Литературной газете», в альманахах «Светочъ», «Звонница», «Молодёжный альманах», в сборниках «Порохом пропахшие слова», «Позывной – Победа!» и др. Автор сборников стихов «Сиреневое лето» (2017), «Узоры» (2019), «Осенний разговор» (2020). Победитель конкурса «Новые имена Белгородчины» (2019). Член Союза писателей России.

Борисова Нина Алексеевна – поэт. Родилась в 1958 году в п. Кадом Рязанской области. Окончила кадомский техникум по специальности «Техник-плановик». Малая родина является источником вдохновения и темой лирических произведений. Фина-

лист национальной премии «Поэт года» (2017, 2018, 2019), финалист литературной премии «Наследие» (2018), финалист конкурса «Георгиевская лента» (2019). Живёт в Ярославле.

Бобылёв Дмитрий Викторович – поэт. Родился в г. Серове. Окончил филологический факультет Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. С 2014 г. живёт в Санкт-Петербурге. Публиковался в «Литературной газете», в журналах «Аврора», «День и ночь», «Знамя», «Наш современник», «Нева». Автор книг стихов «Флажки на карте» (Екатеринбург, 2017) и «Улица Бобылёва» (СПб, 2023); книги прозы «Ксякся» (СПб, 2023). Лауреат литературной премии имени Олега Герасимова (2019). Член Санкт-Петербургского союза литераторов.

Афонин Михаил Евгеньевич – прозаик, поэт, литературный критик, редактор. Родился в 1974 г., по образованию горный инженер. Автор книг для детей, соавтор литературных сборников «Час мужества», «Воля Донбасса», «Юзовка Сталино Донецк» и др. Лауреат международного музыкально-поэтического конкурса имени М.В. Исаковского «Связь поколений» (2021), дипломант конкурса «Мгинские мосты» (2021). Победитель VIII Международного поэтического конкурса Петровской академии наук и искусств «Россия, перед именем твоим...». Член Союза писателей России. Живёт в Донецке.

Цурикова (Демидова) Нина Петровна – поэт, педагог. Родилась в с. Подгорное Староюрьевского района Тамбовской области. Окончила Тамбовское музыкальное училище им. С.В. Рахманинова. Работает преподавателем в детской школе искусств. Автор двенадцати поэтических книг и шести сборников песен. Победитель региональных и всероссийских поэтических конкурсов, заслуженный работник культуры РФ, почётный гражданин Староюрьевского района. Член Союза писателей России.

Знобищева Мария Игоревна – поэт, прозаик, критик. Родилась в Тамбове, окончила Институт филологии ТГУ им. Г.Р. Державина. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъём», «Волга – XXI век», «Вопросы литературы», «Крещатик», «Пересвет», в «Литературной газете», на сайте «Российский писатель» и др. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова, премии журнала «Наш современник» им. Ю.П. Кузнецова, дипломант Международного Волошинского фестиваля, региональной премии им. Е.А. Боратынского. «Лучший поэт года» по версии Союза писателей России (2021). Руководитель Центра творческого развития детей и подростков «Мир слова» при ЦДБ им. С.Я. Маршака г. Тамбова. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России.

Содержание

ЭПИГРАФ

Майя Румянцева. Зоя. *Стихи* 3

ПРОЗА

Юрий Мещеряков. Красные яблоки. *Повесть* 4

Александра Михайлова. Дворяночка. *Роман. Продолжение* 118

Елена Чистякова. Колдун Касьян и сиротка Танька. *Рассказ* 166

ПОЭЗИЯ

Виктор Кирюшин. «Тут на сто вёрст вокруг свои...» *Стихи* 22

Алексей Шихалёв. «Россия здесь молитвою творится...» *Стихи* 31

Михаил Волчихин. На Русском Севере. *Стихи* 38

Александр Нестругин. «Земляником пропахли опушки...» *Стихи* 45

ДОНБАСС

Юрий Хоба. Капитан медицинской службы. *Рассказ* 50

Иван Щёлоков. «Ветры сеют свинцовый горох...» *Стихи о Донбассе* 61

Максим Бессонов. «Я всматриваюсь в белый потолок» *Стихи* 68

Эмма Меньшикова. Слезы Донбасса. *Стихи* 90

Ирина Глушкова. «Родину я крыльями поглажу...» *Стихи* 95

ИМЕНА

Валентина Дорожкина. Он жил в ожидании чуда.

Очерк к 75-летию поэта и журналиста Валерия Маркова 72

Валерий Аршанский. Пановские самоцветы.

Очерк к 100-летию писателя Бориса Панова 170

Валентина Дорожкина. Высокая температура души.

Очерк к 100-летию писателя Галины Татариковой 174

ГОД НАСТАВНИКА

Юрий Расстегаев. Тороплюсь за своей судьбой. *Рассказы* 77

Нина Цурикова. Возвращение в юность. *Очерк* 210

ВРЕМЯ И ЛЮДИ

Альберт Зверев.

«Мир вам, бедные люди...» *Очерк о поэте Анатолии Остроухове* 105

ЗАПИСКИ ЖУРНАЛИСТА

Анна Мещерская. «Ты учишься не жалеть, а быть милосердным...»

Заметки из прифронтового госпиталя 100

ФЕСТИВАЛЬ

Марина Ерофеевская, победитель конкурса. <i>Конкурсные стихи</i>	178
Яна Цыганкова. <i>Конкурсные стихи</i>	181
Павел Великжанин. <i>Конкурсные стихи</i>	183
Виктория Можаяева. <i>Конкурсные стихи</i>	199
Ирина Карагодина. <i>Конкурсные стихи</i>	201
Нина Борисова. <i>Конкурсные стихи</i>	204
Дмитрий Бобылёв. <i>Конкурсные стихи</i>	206
Михаил Афонин. <i>Конкурсные стихи</i>	208

КРИТИКА

Алла Новикова-Строганова. «Молитвы, слёзы и любовь: роман И.С. Тургенева «Отцы и дети». <i>Статья к 205-летию великого русского писателя</i>	186
--	-----

АЗБУКА ПИСЬМА

Мария Знобищева. Сюжет и фабула: как построить сюжет. <i>Лекция</i>	215
---	-----

АВТОРЫ

Краткая информация об авторах 26-го номера «Тамбовского альманаха»	220
--	-----

Для заметок

Тамбовский альманах № 26

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России

Издано на средства гранта Правительства Тамбовской области

Главный редактор
Юрий МЕЩЕРЯКОВ

Редакционная коллегия

Олег АЛЁШИН
Валерий АРШАНСКИЙ
Сергей БЕРЕЖНОЙ
Юрий БЕРИДЗЕ
Валентина ДОРОЖКИНА
Наталия ЖЕЛТОВА
Мария ЗНОБИЩЕВА
Геннадий ИВАНОВ
Сергей КОЧУКОВ
Татьяна КУРБАТОВА
Елена ЛУКАНКИНА
Вячеслав ЛЮТЫЙ
Светлана ПЕШКОВА
Людмила ПРОНИНА

Корректор
Александра МИХАЙЛОВА

Вёрстка
Ксения ПОПОВА

ISBN 978-5-6051130-2-7

9 785605 113027 >

ISBN 978-5-6051130-2-7

Формат 70x100 1/16
Бумага тy print. Печать цифровая
гарнитура Minion Pro. Печ. л. 18.69
Тираж 300 Заказ № 80
Студия печати Галины Золотовой
studiapechati@bk.ru
8 953 715 48 36